
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 11, № 4, 2019

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 11, Number 4, 2019

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2019

Научно-Инновационный Центр

Кrasnoyarsk, 2019

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 11, № 4, 2019, 314 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 11, Number 4, 2019, 314 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2019

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkim – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ**LANGUAGE STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-14-26

UDC 81'282.8

PIDGIN ENGLISH FUNCTIONING IN NIGERIA*Voloshina T.G.*

The purpose of the article is to reveal the main features of Pidgin English used on the territory of Nigeria. The author analyses the main historical factors, which made the huge influence on the process of formation and origin of Nigerian Pidgin English. The key to Nigeria's ethnic structure is the fact that Nigeria's ethnic groups are spatially localized entities; the North-West, South-West and South-East of the country are the areas of residence of the main ethnic groups which speak the main languages of the country, i.e., Hausa, Yoruba, Igbo. Therefore, according to the research, historically formed ethnic, cultural affinity with neighboring nations, similarity of economic and social systems of these ethnic groups needed to have the unique language substance combining phonetics, vocabulary, grammar basic elements of structures corresponding needs of all main ethnic groups, which in practice turned out to be Nigerian Pidgin. Nigeria Pidgin English is a hybrid language, which is used as the intercultural language uniting many ethnic groups of Nigeria. It is the means of communication presenting historical, cultural, linguistic dependent system, which was formed on the basis on European languages and main indigenous language groups of Nigeria, such as Hausa, Yoruba, Igbo.

Purpose. *The aim of the work is to study the theoretical and practical issues related to the functioning of NP. The purpose of the study identified the range of its research tasks: to identify the main historical and cultural features of NP in the process of its development; to establish a link between NP, the English language of Nigeria and major interethnic language groups specialties functioning on the territory of modern Nigeria; to determine some linguistic features of NP.*

Methods. *During the research, the author used both empirical and theoretical methods. At the empirical level, the objects are analyzed by external relations and manifestations. The main purpose for this level is the factual activity of PE functioning in modern Nigeria. The theoretical level is associated with the predominance of mental activity, the understanding of empirical material, its processing, and reveals in internal structure and patterns of development of systems and phenomena.*

Results. *The results of the work are seen in the author's theoretical and practical investigations of historical, linguistic and cultural features development of Nigerian Pidgin functioning on the territory of Nigeria and revealing its main characteristics.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the field of contact linguistics and language variations functioning on the territory of West Africa.*

Keywords: *Pidgin English; Nigerian English; language contacts; Hausa English; Yoruba English; Igbo English; hybrid language.*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НИГЕРИЙСКОГО ПИДЖИНА

Волошина Т.Г.

Цель. *В статье выявляются особенности функционирования пиджина английского языка, распространенного на территории Нигерии. Автор анализирует ключевые исторические факторы, оказавшие влияние на процесс формирования и развития Нигерийского пиджина. Согласно исследованию, исторически сложившаяся этническая, культурная близость с соседними народами, схожесть экономических и социальных систем основных этнических групп, Хауса, Йоруба, Игбо, оказали влияние на образование уникальной гибридной языковой системы – Нигерийского пиджина (НП), сочетающего в себе лингвистические особенности и черты европейских языков и фонетику, лексику, грамматику основных языков коренных народов Нигерии.*

***Метод или методология проведения работы.** В ходе работы автор использует эмпирические методы, где происходит анализ внешних взаимоотношений одних объектов с другими и выявляются общие и различные свойства, и теоретические методы, при которых происходит процесс обработки информации.*

***Результаты.** Результаты работы отражены в теоретических и практических исследованиях автора по изучению исторических, лингвистических и культурных особенностей функционирования НП в Нигерии и выявлению его основных характеристик.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применимы в разделах контактной лингвистике, языковой вариативности, исследованиях, посвященных теоретическим вопросам языков Западной Африки.*

***Ключевые слова:** пиджин английского языка; нигерийский английский язык; языковые контакты; язык науса; язык йоруба; язык игбо; гибридный язык.*

Considering the social and linguistic situation of modern Nigeria, it can be noted the coexistence of many languages is the key point to the diversity of language variations. This fact is explained by the multilingual ethnicity of the country. In addition to English, which is the official language, there are three main interethnic languages in Nigeria, i.e., Yoruba, Igbo and Hausa, along with many other languages, which are less popular [1, p. 4]. A special place among the languages used in the framework of social and linguistic situation of the country belongs also to Nigerian Pidgin (NP) or Nigerian Pidgin English (NPE), which is used among all peoples of Nigeria. Despite its wide usage throughout Nigeria, it has no official status. NP is different from the standard Nigerian English – an official Nigeria language - therefore, there is a special need for careful analysis of NP features as the mean of inter-ethnic communication on the territory of Nigeria; this fact determines the relevance of the study.

English has been so prominent in Nigeria since the beginning of the colonization period that its dominance has hampered the growth (and even led to the disappearance of some) of the 529 indigenous languages

of Nigeria [3, p. 81]. Even stressing the fact that most of Nigeria's ethnic groups prefer to communicate using their own languages, English, as an official language, is widely used for education, business transactions and official purposes. English as the first language, however, remains the exclusive preserve of a minority of the country's urban elite, with little spoken in some rural areas. Nevertheless, in most rural Nigeria areas, local people prefer to use NP as a means of communication, it still remains the most widespread nonofficial language, combining features of Nigerian English and main ethnical language groups.

English spread on the territory of West Africa by the end of the XVI century, and around this time, the first mentioning of the role of English as a language of international communication is fixed. By the early 19th century, the increase in trade and the intensification of the fight against the slave trade led to the spread of English throughout the West African coast. In the context of hundreds of local languages and dialects, the West African region has been characterized by the use of different versions of English, that is, English Pidgin and Creole dialects, which originated from English and existed in parallel with its main varieties, which were spoken by representatives of the colonial administration, missionaries, military and traders [9, p. 98–101]. Various new variations of the English language are widespread in West Africa. Cameroon, Ghana, Nigeria, Uganda, Zambia, Zimbabwe have given official status to English, with NPE being considered as means of inter-ethnic communication in each of the above countries. Pidgin English is a mixed language used by native speakers of various languages in their communication with Europeans. Pidgin is a systemically structured autonomous hybrid form of language, this form is a socially and historically conditioned formation, which was formed as a result of ethno-cultural, trade-economic and military-political interactions of representatives of originally unrelated cultures [10, p. 92–98]. Such a hybrid form of language is characterized by specific structural phonetic innovations, rather simplified grammar system, which leads to the maximum analysis of the language, isolation and partly agglutination. It should be noted that the hybrid form of language promotes the use of a limited system of lexical

vocabulary, its own sociolinguistic norm and sufficient communication ability, which contributes to mutual understanding in limited areas of interethnic communication.

Any structural, lexical, morphological, semantic, syntactic, phonetic element of pidgin is called pidginization process or pidginism, while the process of pidgin formation is called pidginization [4, p. 78]. In the process of pidginization it is decided to allocate three stages: 1) pidgin-jargonization, that is, education jargon – existential non-Autonomous hybrid linguistic forms and their elements of pidginization jargon; 2) prepidginization, this stage is characterized by the formation of prepidginization, that is semi-autonomous existential hybrid linguistic forms and their elements – prepidginisms; 3) the actual pidginization – formation of pidgins and pidginized [4, p. 78–81]. Stabilized pidgin languages are auxiliary languages that have a well-established, but very limited vocabulary, such languages do not have their own ethnic or social base.

In relation to vocabulary, Pidgins are often based on any language, but their grammatical structure is different from the original language; the degree of mutual understanding between pidgin and original language has little in common. Structural features which are characteristics for all pidgins having in common are: the simplicity of the phonetic composition of the speech poorly expressed, the morphology and shallow syntax. Apparently, there are universal extensions of the semantics, if pidginization happens, for example, it lost the juxtaposition of the verb in *series* ‘watch’ – ‘to see’, ‘to tell’ – ‘say’. Similar lexical “poverty” can be saved and at a later stage of development of the contact language that goes on to other linguistic tools. For example, the English verb *say—tell—speak* in Pidgin English has variants *tok* and *spik* only. Another universal feature of the pidgins vocabulary is the origin in Creole languages of the formation of antonymous adjectives with the help of negation. For example, ‘bad’ – *nogut* – literally *bad*; ‘stupid’ – *nosap* – literally *not smart* [2, p. 11–28].

There is a reason to believe that the stabilization of Pidgin largely depends on the social and demographic situation of the average carrier.

As for Pidgin in Nigeria, it is spoken today along the coast of West Africa and the African diaspora across the Atlantic. Among these 'related' varieties, the closest form to NP includes Cameroon Pidgin, unlike, for example, Sierra Leonean and Jamaican Pidgin. However, all these Pidgins and Creoles have a significant number of semantic, grammatical and phonological features and structures. The question of the origin of NP is still controversial. It is impossible to determine whether NP has developed through market contacts between European traders and various ethnic groups along the coast or under the influence of missionaries from Sierra Leone. It is reasonable to assume that both of these factors have played a role in the development and spread of NP, however, some Nigerian scholars argue that care should be taken not to overestimate the role of merchants or missionaries in the evolution of NP. In the search for origins, Creole language specialists tend to ignore the fact that, at every stage of its history, NP has been used primarily as a means of communication between Nigerians rather than between Nigerians and traders, missionaries or other foreigners. More and more evidence suggests, it is impossible to formulate any plausible scenario for the origin and development of NP, which does not attribute much to the influence of the language models with which southern Nigerians have always been most familiar: structures that are typical of the languages of southern Nigeria.

Several studies have been carried out on the various sub-systems of the Nigerian Pigeon's phonology and Grammar, which are reflected in the works of A.C. Agonsi (1983), N. Faraclas (1985), L. Oyegbami (1985), M. Vatsa (1985) and others. According to conservative estimates, the number of people speaking NP as a second language today exceeds 50 million, and the number of speakers of the first language has already exceeded 2 million. It should be noted that these data are subject to constant changes, and the number of people speaking Pidgin language is growing rapidly, this is largely due to the popularity of the language among young people, which is a large part of the population [6, p. 52–58].

NP differs from other approximately 400 Nigerian languages in that it is spoken by representatives of all regional, ethno linguistic and religious groups of the Federation. NP differs from Nigerian Standard English in

that it is spoken by representatives of all socio-economic groups, while only those who have received higher education for several years can qualify for a standard English at any level. Although NP is in most cases the most logical choice for a national language, it has received little recognition from those responsible for language policy in Nigeria. Attitudes towards NP as an official language remain negative, one reason being the notion that Nigerian Pidgin is a form of 'non-pure English'. NP can now be described as the most widely spoken indigenous language in Nigeria. NP is common not only spoken in the largest metropolitan areas such as Lagos, Kano and port Harcourt, but it is also spoken by Nigerians in slums such as Aegunle and Mushin. Recently, NP has been widely used in the Media to broadcast news, all kinds of advertising to reach large masses of Nigeria, for which it is either the first, second or third language [11, p. 42].

The use of NP is widespread throughout Nigeria, especially in informal situations. It was noted that all classes of Nigerians used NP in both formal and informal conversations. For example, in the area of the Niger Delta, NP is increasingly used in most formal situations, e.g. in teaching both at primary and secondary levels of education. Similarly, in most higher education institutions, NP is widely used by students to present oral responses as well as informal communication. That is why this language is often called the Nigerian unofficial national lingua franca. Some Nigerian scholars such as B. Eluigbe, N. Faraclas, N. Akinnaso repeatedly suggested making a decision in favor of Nigerian Pidgin as an official language of Nigeria because of its ethnic neutrality, on the one hand, and widespread character among the inhabitants of the country on the other side [9, p. 22–28].

It should be noted that NP is characterized by territorial variation: there is Pidgin in Benin City, Lagos, Ibadan, Onitsha where, according to some scientists, it is gradually becoming the lingua franca. Over the past two decades, the linguistic diversity of Nigeria has changed, and today Nigeria has seen an increase in the role of NP, a language spoken by more than 2/3 of the country's population. NP is the most common means of inter-ethnic communication. The attitude towards Nigerian

Pidgin, which was previously perceived as the language of illiterate and uneducated people, has begun to change, and today NP more often penetrates into various spheres of society. Various radio programmes are available in NP. In Nigeria, there is a special radio station WAZOBIA, which broadcasts in NP, and the name of this company is interpreted as a combination of three main languages of Nigeria: WA – Yoruba, ZO – Hausa and BIA – Igbo, ETA. The language of a lot of Nigeria TV channels, print ads, billboards and posters is NP today [8, p. 14].

Among the leading Nigerian linguists NP still continues to be the object of study, which can be seen in the works of S. Manbi (1986), J. Melrose (1995), N. Fairclough (2001), J. Collins, R. Hollo (2010), where the analysis is subjected to phonetic, morphological, syntactic features of NP and reveals the main similarities and differences of NP and Pidgins of other countries. The trend of an unprecedented rise in the use of NP and its growing popularity, status and development among Nigerians of all classes is now reflected in the use of NP, along with the three main Nigerian languages: Hausa, Igbo and Yoruba, in areas such as politics, education, advertising and media promotion [10, p. 78–82].

One of the most important features of the indigenous peoples of Nigeria in the formation of NP is its mixing with the English language, resulting in the formation of lexical units by semantic Association, for example: *úbók gum (NE) – hand/gum (NP) – a mean or selfish person (meaning), áí monkey (NE) – roamy monkey (NP) – a thief (meaning)* [5, p. 12–14].

For NP it is also typical to have characteristics by the so-called comparison of the elements of the two lexical formations (clippings) to create a new word. These words are mainly used to create aesthetic and comic effects, for example,

***fantabullous (NP)** – is a mixture of two adjectives – **fantastic** and **fabulous**; **overgasted (NP)** – combines two adjectives – **overwhelmed** and **flabbergasted**; **flabberwhelmed** – is the blending of **flabbergasted** and **overwhelmed**; **carnibration** – is an adjective which is based in two adjectives, such as **carnival** and **celebration**; **edutainment** – connects two adjectives as **education** and **entertainment**; **terrubious** – is a combination of adjectives **terrible** and **dubious** [5, p. 14–28].*

This type of lexical formation is widely used among young people in Nigeria, and in particular in the group of social networks *keggite*, which consists mainly of students. An interesting feature of the NP is that it gradually acquires affixes and thus develops a complex morphological system, for example, words such as *misyarn – misfire*, *blacky – pencil*, *shorty – shortly*, which function in the language in order to identify contrasting and expressive meaning [7, p. 36].

However, mostly they are used to create humor and achieve maximum comic effect. Thus, B. Elugbe and A. Omamor (1991) describe such creations as a poor-quality attempt of illiterate Nigerians to manipulate the English language. A distinctive feature of NP is the fact this language is not able to distinguish homonyms, for example, words like *thing – thing*, *thin – thin*, *tin – can* all pronounced like [tin]. Such forms as *sight – glance*, *look – site*, *place – land*, *cite – to quote*, *to mention the source* will be pronounced as [sait]; while *write – write*, *right – right*, *right – rite* pronounced as [rait] [2, p. 37–86].

The reason for this discrepancy lies in the fact that the connection between sound and spelling in NP is more stable than in English. Phonological reduction and neutralization of phonemes lead to a greater number of homophones in NP than in British English. Although no variety of languages distinguishes homophones phonetically, the sounds of the NP correspond to the letters in direct correspondence one to one. It should be noted that there are no generally accepted spelling rules in NP, hence every writer prefers a writing system that is a true reflection of a sound. The only way to distinguish homophones in NP is to use super-segmental outlines on writing, such as tone and intonation. As for non-linguistic features, such features as gestures and facial expressions, as well as the context of discourse can also contribute to understanding the speaker's plan, for examples,

– *Pàlè no gree me come – (My) father didn't allow me to come,*
– *Chelsea bin waya Arsenal well – Chelsea defeated Arsenal glaringly* [5, p. 24–28].

Homophones *pàlè-father* in the first example and *waya – defeat* in the second example can only be distinguished contextually. They are

phonetically and orthographically identical, and both pairs can be used in the lexical solution problem for the study of word recognition.

NP is becoming increasingly popular in modern Nigeria, this language continues to enrich its vocabulary by borrowing from the indigenous languages of Nigeria, primarily from the largest languages of Nigeria-Igbo and Yoruba. Thus, in the Igbo language native speakers use 'Nna' at the beginning of some sentences to enhance the meaning, for example:

'That test was hard' – 'Nna men, dat test hard no be small' [5, p. 22].

In the Yoruba language, the lexemes 'Se' and 'Abi' in their version of NP were found to be used typically, which are usually used at the beginning or in the end of a sentence or question, for example:

'You are coming, right?' – 'Se you dey come?' or 'You dey come abi?'

For NP it is also typical to borrow words from European languages, primarily English, French and Portuguese, for example:

1) from the Portuguese language: *sabi – know, pickin – child, palava – problem, dash – to make a gift for a person;*

2) from French: *boku – plenty-several, rundevu – reckless spending;*

3) from English language: *go slow – hold up, to pause, machine – new car; houseboy – male servant-waiter* [5, p. 11–28].

For NP, a characteristic feature at the lexical level is the extreme limitation of vocabulary, at the morphosyntactic level the key points goes to the absence of temporal forms in verbs – a marker of progressiveness in this case is 'dey', for example: *I am coming – I day come; He is coming – we dey come; We are coming – we dey come* [5, p. 18].

One must stress, the absence of articles, prepositions, possessive pronouns is also typical for the structure of NP; for example, the form of the pronoun *him* will be the general form for *his/her*.

At the phonetic level, NP is characterized by palatalization of the consonant at the beginning of the word before 'a' – *ka, ga, kja, gja*. From productive ways of word formation, it is necessary to allocate reduplication process thanks to which adjectives, adverbs and nouns are formed in NP, for example: *mago mago – deceitful, yama yama – disgusting, welu welu – very well, kata kata – confusion* [5, p. 16–22].

Taking into consideration the fact that most of Nigeria's ethnic groups prefer to communicate using their own languages, English, as an official language, is widely used for education, business transactions and official purposes. English as the first language, however, remains the exclusive preserve of a minority of the country's urban elite, with little spoken in some rural areas. In most rural Nigeria, local languages remain the medium of communication. Taking into consideration the fact of ethnicity, which plays the key role in cultural identity of African people, the language of international communication today, i.e., the language of the majority of people simultaneously used at once in the process of communication, is NP. This language was able to combine all the features of local languages at all levels: grammatical, phonetic, lexical. These unique characteristics provide the ability to adapt to the needs of all linguistic majorities and minorities.

Conclusion

To sum it all, NP is a language that is widely spread on the territory on Nigeria, though it has no official status. NP combines the features of European languages and its main ethnic language characteristics. Due to the increase in trade and the intensification of the fight against the slave trade, the spreading of European languages, English in particular, was the process that happened throughout the West African coast. In the context of hundreds of local languages and dialects, the West African region has been characterized by the use of different versions of English, i.e., Pidgin English and Creole dialects, which originated from English and existed in parallel with its main varieties, which were spoken by representatives of the colonial administration, missionaries, military and traders.

Various new variations of the English language are widespread in West Africa today, some of them have been given the official status. NPE is considered a means of inter-ethnic language of Nigeria today; it presents a mixed language structure used by native speakers of various languages in their communication with Europeans. Pidgin is a systemically structured autonomous hybrid form of a language. This form is a social-

ly and historically conditioned formation, which was formed as a result of ethno-cultural, trade-economic and military-political interactions of representatives of originally unrelated cultures. NPE is a hybrid form of a language, which is characterized by specific structural phonetic innovations, rather simplified grammar system, which leads to the maximum analysis of the language, isolation and partly agglutination. It should be noted, NPE is the hybrid form of a language, which promotes the use of a limited system of lexical vocabulary, its own sociolinguistic norms and sufficient communication abilities, which contributes to mutual understanding in limited areas of interethnic communication of Nigeria.

References / Список литературы

1. Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization (Algunos aspectos del estudio del idioma africano en la era de la globalización). *Revista Espacios*. 2018. Vol. 39, №38, pp. 1–7.
2. Blench R.A dictionary of Mada – a Plateau language of central Nigeria. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 94 p.
3. Falola T. Historical Dictionary of Nigeria. Lanham: The Scarecrow Press Inc., 2009. 473 p.
4. Katchru B. The handbook of World Englishes. Maldan: Blackwell Publishing, 2006. 833 p.
5. Langlo T. Dictionary of Nigerian English. Middletown: Wesleyan University Press, 2018. 36 p.
6. Mair C. The Politics of English as a world language. New York: University of Cologne, 2003. 520 p.
7. Schneider G. Preliminary Glossary: English – Pidgin English. Ohio: Ohio University, 2001. 76 p.
8. Simons G.F., Fennig C.D. Ethnologue: Languages of the World. Dallas: SIL International, 2017. 33 p.
9. Smith R. The Noun class system of Ut-main, a West Kainji Language of Nigeria. North Dakota: Grand Forks, 2007. 157 p.
10. Wolf H.A Lamang language and dictionary. Chadic language in North-eastern Nigeria. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2015. 607 p.

11. Winer L. Penny Cuts: Differentiation of creole varieties in Trinidad. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2001. 58 p.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Voloshina Tatyana Gennadievna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Second Foreign Language
Belgorod State University
85a, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
tatianavoloshina@rambler.ru

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Волошина Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры второго иностранного языка
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
ул. Победы, г. Белгород, 85, 308015, Российская Федерация
tatianavoloshina@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-27-45

УДК 81'42

СОЗДАНИЕ ИРОНИИ И ЕЁ ПЕРЕВОД В РАССКАЗАХ Г. БЕЛЛЯ

Акашева Т.В., Рахимова Н.М.

В настоящей статье рассматриваются механизмы создания иронии в рассказах Г. Белля и анализируются способы их перевода на русский язык. Актуальность исследования обусловлена когнитивным подходом, позволяющим выявить средства выражения и передачи иронии.

Цель. *Целью является лингвокогнитивный анализ создания иронии в художественном дискурсе и исследование переводческих стратегий переноса иронического дискурса в текст перевода.*

Методы и материалы. *Материалом послужили 39 контекстуальных примеров, отобранных методом сплошной выборки из рассказов Г. Белля.*

Методы исследования: *лингвокогнитивный анализ, метод описания, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ и интерпретация.*

Результаты. *В результате исследования было выявлено, что используемый для концептуализации окружающей действительности иронический текст содержит высказывание, в котором одновременно возникает два и более смысла, при этом они либо сосуществуют, либо подменяют друг друга. Г. Белль создает ироническую модель ситуации посредством столкновения фреймов и их объединения в одной модели ситуации, в результате чего возникает новый иронический эффект за счет факторов когнитивного и лингвистического характера. Задача переводчика художественного текста состоит в том, чтобы понять авторский замысел и сделать успешный трансфер в другую культуру. Для этого переводчик обращается к фреймовым структурам понятным реципиенту принимающей культуры.*

Область применения результатов. *Результаты данного исследования могут использоваться при дальнейшем изучении когнитив-*

ных особенностей текста. Кроме того, выводы, сделанные на основе сравнительно-сопоставительного анализа эмпирического материала могут быть использованы в переводоведении и стилистике.

Ключевые слова: лингвокогнитивные аспекты иронии; переводческая стратегия; фреймовые структуры; лингвистические и экстралингвистические факторы; художественный дискурс.

CREATION OF IRONY IN STORIES BY H. BÖLL AND ITS TRANSLATION

Akasheva T.V., Rakhimova N.M.

This article discusses the mechanisms of creating irony in the stories of H. Böll and analyzes the ways of their translation into Russian. The relevance of the study is due to the cognitive approach, which allows to identify means of expression and transmission of irony.

Purpose. Purpose of the study is a linguistic-cognitive analysis of the creation of irony in artistic discourse and the study of translation strategies for transferring ironic discourse to the translation text.

Methods and material. The material served as 39 contextual examples, selected by the method of continuous sampling from the stories of H. Böll.

Research methods: linguocognitive analysis, description method, contextual analysis, comparative analysis and interpretation.

Results. As a result of the research, it was revealed that the ironic text used for conceptualizing the surrounding reality contains a statement in which two or even more meanings arise simultaneously, and they either co-exist or replace each other. H. Böll creates an ironic model of the situation by colliding frames and combining them in one model of the situation, resulting in a new ironic effect due to cognitive and linguistic factors. The task of the translator of an artistic text is to understand the author's intention and make a successful transfer to another culture. To do this, the translator refers to the frame structures understandable to the recipient of the host culture.

Practical implications. The results of this study can be used to further study the cognitive features of the text. In addition, the conclusions

made on the basis of comparative analysis of the empirical material can be used in translation and stylistics.

Keywords: *linguistic and cognitive aspects of irony; translation strategy; frame structures; linguistic and extralinguistic factors; artistic discourse.*

Наблюдения за литературными текстами обнаруживают, что авторы используют иронию не только с целью эмоционально-эстетического воздействия на читателя, но и для выражения своей интенции. Традиционный подход, трактующий иронию как художественный прием или троп, не всегда позволяет в полной мере описать иронию и оценить успешность ее перевода на другой язык. Однако ирония, как сильное средство реализации авторской интенции и создания полисемического контекста, крайне редко исследуется с точки зрения перевода, чем и обусловлена новизна выбранной темы. Актуальность исследования: лингвокогнитивный подход, позволяющий выявить средства выражения и передачи иронии.

Гипотеза исследования заключается в том, что для понимания авторского замысла и успешного трансфера иронии в другую культуру переводчику необходимо учитывать не только лингвистические особенности, но и когнитивные аспекты иронии.

Целью исследования является лингвокогнитивный анализ создания иронии в художественном дискурсе и исследование переводческих стратегий переноса иронического дискурса в текст перевода. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: выявление лингвистических и когнитивных механизмов создания иронии в рассказах Г. Белля, анализ приемов перевода и определение их функциональной нагрузки в тексте оригинала и перевода.

Изучение феномена иронии привлекало внимание исследователей различных направлений от философии античности до современной теории перевода. В настоящее время интерес к иронии усиливается, самые различные аспекты этого явления становятся объектом изучения отечественных и зарубежных ученых.

Исторический подход представлен в работах П.П. Гайденко [10], Т.Т. Гайдукова [11], А.Ф. Лосева [17]. Как одну из форм коми-

ческого, иронию рассматривают М.С. Каган [15], Ю.Б. Борев [7], В.Я. Пропп [22] и др.

В работах М.С. Власова и О.А. Сычева [9], Ю.М. Малиновича [18], И.П. Тарасовой [24], К. Bibok [29], W. Berg [28], E. Ockel [39], H. Weinrich [42], H. Bowles [30], I.L. Falkum и A. Vicente [33], S. Kolesnikova, E. Burskaya и A. Chibisova [37], D. Papadopoulou и H. Clahsen [40] ирония анализируется с лингвистической точки зрения. В них разработаны механизмы создания иронии, типологии средств художественной выразительности языка, а ирония интерпретируется как стилистический прием и средство переосмысления отношения к действительности.

Наиболее интересным для нашего исследования представляется изучение иронии в тексте художественных произведений. В частности, в работах Л.В. Бабиной [3], J. Leei D.L. Schallert [10], Т.В. Акашевой и Н.М. Рахимовой [2] описываются языковые средства реализации пародийной информации в тексте литературной прозы. Исследования Н.К. Салиховой [23] посвящены функциональной характеристике иронии и ее роли в художественной литературе. Ж.И. Фомичева [25], Н. Нестерова, Е. Наугольных и Е. Поздеева [20], N. Rakhimova, T. Akasheva, L. Pavlova, I. Pulekha, Y. Vtorushina [41] исследуют средства создания иронического дискурса в литературных произведениях и вопросы его переводимости.

На материале немецкого языка в отечественной лингвистике и литературоведении чаще всего рассматривается романтическая ирония: это работы А.Б. Ботниковой [8], М.П. Блиновой [6], Т. Akasheva, N. Rakhimova, T. Emets [27], а также ирония в постмодернистских произведениях: Г.А. Фролов и Л.Ф. Хабибуллина [26].

В настоящей статье рассматривается явление иронии в художественном произведении с лингвокогнитивной точки зрения. Методологической базой для анализа иронического контекста послужили исследования следующих ученых: Т.А. ван Дейка и В. Кинча [12, 13], В.З. Демьянкова [14], Е.С. Кубряковой [16], М. Минского [19], А. Cienki [31], D. Divjak, N. Levshina и J. Klavan [32], V. Glebkin [34], J.P. Koenig и A.R. Davis [36]. Такой подход позволяет выявить линг-

вистические формы выражения иронии, определить контекстуальные условия, а также проанализировать переводческие стратегии переноса иронического дискурса в текст перевода. Частично данный аспект представлен в работах M. González, P. Roseano, J. Borràs-Comes и P. Prieto [35], Т.В. Акашевой, С.А. Песиной, Н.М. Рахимовой и Е.В. Землянухиной [1].

Методологической основой исследования являются основные положения когнитивной теории, лингвистического анализа художественного текста, разработки современного отечественного и зарубежного переводоведения, определяющие перевод как коммуникативный акт, результат которого обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Ведущим методом исследования данной проблемы является лингвокогнитивный анализ, сопоставительный анализ исходного и переводного текста с последующим анализом приемов передачи отношений между оригиналом и переводом на коммуникативно-прагматическом уровне. Кроме того, были использованы методы описания, контекстуального анализа и интерпретации.

Материалом послужили 39 контекстуальных примеров, отобранных методом сплошной выборки из рассказов Г. Белля.

Когнитивный подход отвечает современному воззрению на мир не как на отдельные элементы, а как на систему постоянно взаимодействующих событий, явлений, фактов, включающих ценностно-эмоциональное отношение к миру. В когнитологии основной упор делается на знания, а текст рассматривается как своеобразная иерархия знаний: «когда мы строим или декодируем текст, то имеем дело не с языком, как таковым, а со знанием, которое язык выражает или передает» [21, с. 102]. Когнитивные механизмы представляют собой способы концептуализации, категоризации, обработки и структурирования разнообразных знаний, следовательно, к ним люди обращаются при производстве и понимании текстов. Когнитивные механизмы описываются в терминах фреймов. Вслед за Т.А. ван Дейком под фреймом понимаются не произвольные выделяемые «куски» знаний, а единицы знания, организованные в кон-

цептуальные системы, вокруг некоторого концепта, содержащего основную, типическую и потенциально возможную информацию, ассоциируемую с тем или иным концептом. Они имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять или описывать то, что в данном обществе является «характерным и типичным» [13, с. 16–17].

Ирония представляет собой речемыслительный процесс, включающий взаимодействие знаний на самых различных уровнях, начиная от языковых и заканчивая общими знаниями человека о мире, наряду с накопленным им опытом взаимодействия с окружающей средой и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов.

В художественном тексте ирония представляет собой многомерное явление. Автор создает ироническую модель ситуации посредством намеренного столкновения фреймов и их неожиданного объединения в одной модели ситуации. В результате столкновения фреймов возникает новый иронический эффект, таким образом, ирония создается за счет факторов когнитивного и лингвистического характера при столкновении индивидуального и стереотипного. В ироническом контексте языковые единицы получают необычную интерпретацию, а знакомые модели ситуации рассматриваются с неожиданных ракурсов.

Используемый для концептуализации окружающей действительности иронический текст содержит в себе высказывание, в котором одновременно возникает два и даже более смыслов, при этом они либо сосуществуют, либо подменяют друг друга. Следовательно, для постижения смысла требуется столкновение лингвистического и экстралингвистического контекстов, ведь с когнитивной точки зрения «понимание включает многоуровневый процесс, в ходе которого реципиент сталкивается с необходимостью выбора и ограничения вариативности не только на традиционных языковых уровнях – синтаксическом, грамматическом, лексико-семантическом, но и когнитивном. Когнитивная модель рассматривает понимание как процесс, происходящий одновременно» [1, с. 5].

При интерпретации иронии реципиент сталкивается с необходимостью выбора не только на традиционном лингвистическом уровне, но и когнитивном уровне для построения собственной модели ситуации. Несмотря на то, что художественный текст жестко не ограничивает модель ситуации, языковая база текста не позволяет приписать ироническому контексту произвольную интерпретацию.

Более жесткие требования предъявляются к переводчику, так как выведенная им модель ситуации в идеале должна быть тождественна авторской модели. Задача переводчика заключается в ее выражении лингвистическими средствами другого языка.

Ирония трудно поддается переводу, так как текст переносится в иную культуру и воспринимается читателями, зачастую не владеющими языковой базой текста оригинала. Все это усложняется тем, что читатель воспринимает иноязычный художественный текст через призму своих знаний, представлений и только в контексте своей культуры. Основной проблемой и сложностью для переводчика является не языковой материал исходного текста, а, прежде всего, передача иронического подтекста, так как для ее порождения и понимания требуется привлечение сложных когнитивных структур и процессов.

Рассказы Г. Белля пронизаны многозначностью, глубоким философским смыслом, а герои постоянно попадают то в трагические, то в комические ситуации, то есть ирония является неотъемлемой частью его рассказов. Ирония в прозе Г. Белля, являясь структурной категорией текста, создается намеренным столкновением моделей ситуации, что является следствием взаимодействия фреймов, противопоставленных в плане выражения и содержания иронического высказывания. Неожиданные межфреймовые связи приводят к тому, что в одной модели ситуации иронического дискурса происходит взаимодействие фреймов, ведущее к созданию дуплановости или даже многоплановости. Например, рассмотрим фрагмент известного рассказа Г. Белля *“Mein trauriges Gesicht“* («Мое печальное лицо»)[5].

„Mein Herr“, gab ich zurück.

„Es gibt keine Herren“, rief ich zornig, „wir sind alle Kameraden“.
«Послушайте, господин... – откликнулся я.

Какой еще господин?! – воскликнул он гневно. – Мы все соплеменники».

В исходном тексте на немецком языке мы наблюдаем столкновение двух фреймов: в первой фразе *Herr* – это нейтральное обращение к лицу мужского пола. В ответе актуализируется значение *господин, хозяин*, означающее в данном контексте неравенство. Далее по тексту встречается слово *Kameraden*, предполагающее равенство людей, связанных, прежде всего, военной службой. Вертикальный контекст, знание военной и послевоенной эпохи, и, прежде всего, контекстуальное окружение, создают иронический эффект. В русском переводе [4] мы также наблюдаем столкновение двух фреймов *господин* как обращение и как лицо более высокого социального статуса. Однако переводчик отказывается от *товарищей*, предлагая *соплеменники*, что вполне оправданно. При выборе слова *товарищ* модель ситуации на русском языке отражала бы обращение, характерное для советского времени. Выбор слова *соплеменник* обоснован, вероятно, желанием переводчика показать общность людей одной нации, одинаково равных перед законом. Следовательно, если бы переводчик не произвел замену, то ирония была бы потеряна. Таким образом, в данном примере только благодаря замене при переводе в тексте перевода возникает иронический смысл.

Иногда автор расставляет подсказки, чтобы обратить читателя на второй план: *Und als ich diese meiner Mutter ohne Zögern mitteilte, bat sie mich, ihn erst einmal „zu sich kommen zu lassen“ – И когда я без колебаний поделился своей тревогой с матерью, она попросила дать дяде Фреду возможность «сперва прийти в себя».*

В данном примере ирония была передана с помощью кавычек, самого простого способа создания иронического эффекта, что сохраняется и при переводе.

Грустная щемящая ирония, отражающая антифашистские взгляды Г. Белля, при переводе рассказа “Onkel Fred” («Дядя Фред») получила развитие за счет активизации у русскоязычного читателя идеологических фреймов: *Er kam an einem Sommernachmittag aus dem Kriege heim, schmucklos gekleidet, als einzige Besitz eine Blechbüchse an einer Schnur um dem Hals tragend sowie beschwert*

durch das unerhebliche Gewicht einiger Kippen, die er sorgfältig in einer kleinen Dose aufbewahrte (Белль, 2003) – Он пришел не в парадном мундире, и единственной его регалией была консервная банка на веревке, болтавшаяся у него на шее, а единственным багажом, не обременявшим тяжестью, – несколько окурков, которые он заботливо хранил в портсигаре. Как можно видеть, немецкий иронический фрагмент построен на столкновении фреймов владение имуществом *Besitz* и описанием скудности этого имущества *Blehbüchse, Dose*. Это необходимо автору, чтобы показать полную опустошенность вернувшихся с войны, как в материальном, так и душевном плане. При переводе *Besitz* передается как *регалия*, так как для русскоязычного читателя признаком торжества победы являются награды, отличительные знаки и привилегии, то есть регалии. За счет неожиданного столкновения фреймов *регалии, консервная банка* создается иронический эффект в тексте перевода. В этом же примере ирония усиливается благодаря лексической замене при переводе *schmucklos gekleidet* на *не парадный мундир*.

В следующем примере из этого рассказа ироническая модель ситуации создается путем неожиданного столкновения в одном контексте фреймов *das Deutsche Reich* и *Urin: Er behauptete, dass das lebhafteste Interesse des Deutschen Reiches für seinen Urin ihn mit erheblichem Misstrauen erfüllt habe, dass er in sechs Jahren Krieg bedenklich bestätigt fand* – Дядя Фред уверял, что живой интерес великой Германии к его моче вселил в него глубокое недоверие к рейху, которое за шесть лет военной службы полностью оправдалось.

В переводе ирония усилена, так как *das Deutsche Reich* передается как *великая Германия*, а столкновение в одном контексте фреймов *великая Германия* и *моча* еще более подчеркивает авторскую позицию Г. Белля, не принимавшего вторжения государства в личную жизнь, а также гражданскую позицию переводчика.

В следующем фрагменте в языке оригинала создана ироническая модель ситуации, реализованная за счет столкновения фреймов *Besitz – Ruhe: Aber ich bewahre meine Ruhe, weil sie fast mein einziger Besitz geblieben ist* – Но я стараюсь сохранить хладнокровие, потому что, кроме него, у меня, пожалуй, уже ничего не осталось.

Переводчик прибегает к использованию антонимического преобразования *Besitz* и *ничего*, что несколько снижает ироничность фрагмента на русском языке.

В следующем примере модель иронической ситуации создается за счет столкновения религиозного термина с положительной коннотацией *Pilgerschaft* и описанием разрушенного города и сломленных войной людей: *Er war früher Buchhalter gewesen, und als die ersten vier Wochen auf unserem Sofa vorüber waren, forderte meine Mutter ihn mit schwesterlicher Sanftmut auf, sich nach seiner alten Firma zu erkundigen – er gab diese Aufforderung behutsam an mich weiter, aber alles, was ich ermitteln konnte, war ein absoluter Trümmerhaufen von zirka Achtmeter Höhe, den ich nach einstündiger mühsamer Pilgerschaft in einem zerstörten Stadtteil auffand – В мурное время он был бухгалтером, и когда истекла четвертая неделя его пребывания на нашем диване, мать с сестринской кротостью попросила его узнать, как идут дела у фирмы, где он прежде служил, однако это задание дядя Фред втихую перепоручил мне, а я после долгих и утомительных поисков в разрушенной части города не обнаружил ничего, кроме груды битого кирпича метров в восемь высотой.* В данном случае переводчик отказывается от использования в переводе слова «паломничество». Ведь паломничество имеет сакральное значение для всех христиан, а, следовательно, никак не может быть связано с агрессией, разрушением и всем тем, что несет собой война. Более того, переводчик, видимо, желает подчеркнуть жестокие последствия военных действий и избегает иронического описания трагедии, которую влечет за собой война.

Итак, как показал проведенный анализ 39 контекстуальных примеров, переводчик всегда стремится к качественному переводу, что заставляет его, с одной стороны, бережно обходиться с авторским текстом, а с другой, учитывать тот факт, что реципиентом будет представитель другой культуры. Поэтому выбор переводческой стратегии определяется не только стремлением к полной передаче содержательной стороны и к воссозданию в переводе индивидуального своеобразия подлинника, но и особенностями принимающей культуры.

1. Генрих Белль использует прием иронии не только с целью эмоционально-эстетического воздействия на читателя, но и для выражения своего отношения к действительности.

2. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу создания иронии в литературном тексте и ее перевода выявил, что ирония, основывается на столкновении фреймов, активизирующих определенные культурно-обусловленные знания представителей разных культур.

3. Сравнительно-сопоставительный анализ рассказов Г. Белля и их перевода показал, что передача иронического контекста возможна в полном объеме. Однако в некоторых случаях воссоздание иронии ограничено либо лингвистическими факторами, либо экстралингвистическими, когда переводчик сознательно отказывается от иронической интерпретации определенных моделей ситуации действительности.

4. Задача переводчика художественного текста состоит в том, чтобы понять авторский замысел и сделать успешный трансфер в другую культуру. При успешной передаче иронии и в сознании читателя текста – оригинала и в сознании реципиента перевода происходит совпадение иронических моделей ситуации, несмотря на их вербализацию средствами разных языков.

5. Анализ эмпирического материала подтвердил правильность выдвинутой гипотезы: Основной проблемой и сложностью для переводчика является не языковой материал исходного текста, а прежде всего, передача иронического подтекста, так как для ее порождения и понимания требуется привлечение сложных когнитивных структур и процессов.

Результаты данного исследования могут служить основой для дальнейшего изучения когнитивных особенностей текста.

Список литературы

1. Акашева Т.В., Песина С.А., Рахимова Н.М., Землянухина Е.В. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5–10.

2. Акашева Т.В., Рахимова Н.М. Невербальная экспликация эмоций в художественном тексте (на примере новелл Т. Манна) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1. № 2. С. 64–71.
3. Бабина Л.В. Языковые средства реализации пародийной информации в тексте литературной прозы: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1996. 18 с.
4. Бёлль Г. Избранное: пер. с нем. М.: Правда, 1987. 576 с.
5. Бёлль Г. Мое печальное лицо: рассказы; на нем. яз. М.: Радуга, 2003. 287 с.
6. Блинова М.П. Ирония как основа повествовательной структуры в литературе немецкого романтизма. Научный журнал Куб ГАУ, 60 (06), 1-10.
7. Боров Ю.Б. О комическом. М.: Искусство, 1957. 232 с.
8. Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. М.: Аспект Пресс, 2005. 352 с.
9. Власов М.С., Сычев О.А. Взаимодействие эмоциональных и лингвистических факторов в процессе переработки лексической информации (на материале имен существительных русского языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 18–52.
10. Гайденок П.П. Трагедия эстетизма. М.: Наука, 1970. 247 с.
11. Гайдуков Т.Т. Принцип иронии в философии Кьеркегора // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 56–71.
12. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 153–211.
13. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 308 с.
14. Демьянков В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 5–9.
15. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
16. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
17. Лосев А.Ф. Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. М., 1966. С. 54–84.

18. Малинович Ю.М. Онтология языковых форм и онтология смысла коммуникативно значимых единиц // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Минск, 1998. С. 48–50.
19. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
20. Нестерова Н.М., Наугольных, Е.А. Поздеева, Е.В. Окказиональное слово как результат авторского словотворчества: границы переводимости // Вестник Томского государственного университета. 2016. Филология, № 4 (42). С. 44–58.
21. Петров В.В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // Вопросы языкознания. 1990. №6. С. 102–109.
22. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. СПб.: Алетейя, 1997. 282 с.
23. Салихова Н.К. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема иронии (на материале англ. и американ. худ. литературы XVIII–XIX вв.): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 23 с.
24. Тарасова И.П. Речевое общение, трактуемое с юмором, но всерьез. М.: Высшая школа, 1992. 173 с.
25. Фомичева Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 223 с.
26. Фролов Г.А., Хабибуллина Л.Ф. К смене литературных эпох на Западе: теоретический аспект // Филология и культура. 2014. №3. С. 187–194.
27. Akasheva T.V., Rakhimova N.M., Emets T.V. Communication of emotions by characters in a flash fiction (based on short stories by Thomas Mann) // SHS Web of Conferences. 2018. T. 50. P. 1006
28. Berg W. Uneigentliches Sprechen: zur Pragmatik und Semantik von Metapher, Metonymie, Ironie, Litotes und rhetorischer Frage. Tübingen: TBL-Verlag Narr, 1978. 167 p.
29. Bibok K. Word Meaning and Lexical Pragmatics // Acta Linguistica Hungarica. 2004. №3-4, pp. 265–308.

30. Bowles H. Analyzing Languages for Specific Purposes Discourse // *The Modern Language Journal*. 2012. T. 96. SUPPL. 1, pp. 43–58.
31. Cienki A. Cognitive Linguistics, Gesture Studies and Multimodal Communication // *Cognitive Linguistics*. 2016. № 4, pp. 603–618.
32. Divjak D., Levshina, N., Klavan J. Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward // *Cognitive Linguistics*. 2016. № 4, pp. 447–463.
33. Falkum I.L., Vicente, A. Polysemy: Current Perspectives and Approaches // *Lingua*. 2015. T. 157, pp. 1–16.
34. Glebkin V. Is Conceptual Blending the Key to the Mystery of Human Evolution and Cognition // *Cognitive Linguistics*. 2015. № 1, pp. 95–111.
35. González M., Roseano P., Borràs-Comes, J., Prieto, P. Epistemic and Evidential Marking in Discourse: Effects of Register and Debatability // *Lingua*. 2017. T. 186–187, pp. 68–87.
36. Koenig J.P., Davis A.R. The Key to Lexical Semantic Representations // *Journal of Linguistics*. 2006. № 1. 108 p.
37. Kolesnikova S., Burskaya E., Chibisova A. Semantic Fundamentals of the World and Peace Concept in Different Languages: Contrastive and Phono-semantic Analysis of Russian, English and Chinese languages // *Modern Philology*. 2018. T. 115. № 4–2, pp. 1067–1080.
38. Lee J., Schallert D.L. Literate Actions, Reading Attitudes, and Reading Achievement: Interconnections across Languages for Adolescent Learners of English in Korea // *The Modern Language Journal*. 2014. T. 98. № 2, pp. 553–573.
39. Ockel E. Wie Sprach- und Sprech- und Literaturwissenschaft beim Textverstehen zusammenwirken // *Muttersprache*. 1997. № 3, pp. 243–257.
40. Papadopoulou D., Clahsen H. Ambiguity Resolution in Sentence Processing: the Role of Lexical and Contextual Information // *Journal of Linguistics*. 2006. №1, pp. 109–138.
41. Rakhimova N., Akasheva T., Pavlova L., Pulekha I., Vtorushina Y. Linguo-cognitive aspects of irony and its translation (through the example of stories by H. Böll) // *International Journal of Civil Engineering & Technology (IJCIET)*. T. 9. № 9. 2018, pp. 872–880.
42. Weinrich H. *Linguistik der Lüge*. Heidelberg: Lambert Schneider. 1966. p. 74 p.

References

1. Akasheva T.V., Pesina S.A., Rakhimova N.M., Zemlyanukhina E.V. Kogni-tivnyye strategii interpretatsii intertekstual'nykh vklyucheniye v khudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedeniye E.Elinek) [Cognitive strategies for the interpretation of intertextual inclusions in artistic discourse (based on the work of E. Jelinek)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. no 2(47), pp. 5–10.
2. Akasheva T.V., Rakhimova N.M. Neverbal'naya eksplikatsiya emotsiy v khudozhestvennom tekste (na primere novell T. Manna) [Non-verbal explication of emotions in a literary text (based on short stories by T. Mann)]. *Gumanitarno-pedagogicheskiye issledovaniya*. 2017. Vol. 1. no 2, pp. 64–71.
3. Babina L.V. *Azykovyye sredstva realizatsii parodiy noy informatsii v tekste literaturnoy prozy* [Language means of literary prose actualizing in the text]: Avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Moscow, 1996. 18 p.
4. Bëll' G. *Izbrannoye* [The selected works]: per. s nem. Moscow: Pravda, 1987. 576 p.
5. Bëll' G. *Moye pechal'noye litso: rasskazy* [My sad face: stories]; na nem. yaz. Moscow: Raduga, 2003. 287 p.
6. Blinova M. P. Ironiya kak osnova povestvovatel'noy struktury v literature nemetskogo romantizma [Irony as the basis of the narrative structure in the German Romanticism literature]. *Nauchnyy zhurnal Kub GAU*, 60 (06), pp. 1–10.
7. Borev Yu.B. *O komicheskom* [On the comic]. Moscow: Iskusstvo, 1957. 232 p.
8. Botnikova A.B. *Nemetskiy romantizm: dialog khudozhestvennykh form* [German Romanticism: the dialogue of art forms]. Moscow: Aspekt Press, 2005. 352 p.
9. Vlasov M.S., Sychev O.A. Vzaimodeystviye emotsional'nykh i lingvisticheskikh faktorov v protsesse pererabotki leksicheskoy informatsii (na materiale imen sushchestvitel'nykh russkogo yazyka) [The interaction of emotional and linguistic factors in processing lexical information (as based on nouns of the Russian language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2018. no 52, pp. 18–52.

10. Gaydenko P. P. *Tragediya estetizma* [The tragedy of aestheticism]. Moscow: Nauka, 1970. 247 p.
11. Gaydukov T.T. Printsip ironii v filosofii K'yerkegora [The principle of irony in Kierkegaard's philosophy]. *Voprosy filosofii*. 1970, no 7, pp. 56–71.
12. Deyk van T.A., Kinch, V. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding the coherent text]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vol. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Vol. 23. Cognitive aspects of language]. M., 1988, pp. 153–211.
13. Deyk van T.A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya*. [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress, 1989. 308 p.
14. Dem'yankov V.Z. O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znaniy [On cognition, culture and civilization in the transfer of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. no 4 (49), pp. 5–9.
15. Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [The philosophical theory of value]. St. Petersburg: Petropolis, 1997. 205 p.
16. Kubryakova E.S. *Yazyk i znaniye* [Language and knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 560 p.
17. Losev A.F. Ironiya antichnaya i romanticheskaya [The irony of the ancient period and romanticism]. *Estetika i iskusstvo* [Aesthetics and art]. Moscow, 1966, pp. 54–84.
18. Malinovich Yu.M. Ontologiya yazykovykh form i ontologiya smysla kommunikativno znachimykh edinit [Ontology of language forms and ontology of the meaning of communicatively significant units]. *Problemy semanticheskogo opisaniya edinit yazyka i rechi* [Problems of semantic description of language and speech units]. Minsk, 1998, pp. 48–50.
19. Minskiy M. *Freyemy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for knowledge representation]. Moscow: Energiya, 1979. 152 p.
20. Nesterova N.M., Naugol'nykh, E.A. Pozdeyeva, E.V. Okkazional'noye slovo kak rezul'tat avtorskogo slovtvorchestva: granitsy perevodimosti [Occasional word as a result of the author's word creation: the limits of translation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2016. no 4 (42), pp. 44–58.
21. Petrov V.V. Idei sovremennoy fenomenologii i germenevtiki v lingvisticheskom predstavlenii znaniy [The ideas of modern phenomenology

- and hermeneutics in the linguistic representation of knowledge]. *Voprosy yazykoznaninya*. 1990, no 6, pp. 102–109.
22. Propp V.Ya. *Problemy komizma i smekha* [The problems of the comic and laughter]. St. Petersburg: Aleteyya, 1997. 282 p.
 23. Salikhova N.K. *Yazykovaya priroda i funktsional'naya kharakteristika stilisticheskogo priyema ironii (na materiale angl. i amerikan. khud. literatury XVIII–XIX vv.)* [The linguistic nature and functional characteristics of the stylistic device of irony (on the material of English and American. Art. Literature of the XVIII–XIX)]: Avtoref. dis. ... kand. filol.nauk. Moscow, 1976. 23 p.
 24. Tarasova I.P. *Rechevoye obshcheniye, traktuyemoye s yumorom, no vs-er 'yez* [Speech communication, analyzed with humor, albeit seriously]. Moscow: Vysshaya shkola, 1992. 173 p.
 25. Fomicheva Zh.E. *Intertekstual'nost' kak sredstvo voploshcheniya ironii v sovremennom angliyskom romane* [Intertextuality as a means of realizing irony in a modern English novel]: dis. ... kand. filol. nauk. St. Petersburg: 1992. 223 p.
 26. Frolov G.A., Khabibullina L.F. K smene literaturnykh epokh na Zapade: teoreticheskiy aspekt [To the change of literary epochs in the West: a theoretical aspect]. *Filologiya i kul'tura*. 2014, no 3, pp. 187–194.
 27. Akasheva T.V., Rakhimova N.M., Emets T.V. Communication of Emotions by Characters in a Flash Fiction (Based on Short Stories by Thomas Mann). SHS Web of Conferences. 2018. Vol. 50. P. 1006.
 28. Berg W. *Uneigentliches Sprechen: zur Pragmatik und Semantik von Metapher, Metonymie, Ironie, Litotes und rhetorischer Frage*. Tübingen: TBL-Verlag Narr, 1978. 167 p.
 29. Bibok K. Word Meaning and Lexical Pragmatics. *Acta Linguistica Hungarica*. 2004, no 3-4, pp. 265–308.
 30. Bowles H. Analyzing Languages for Specific Purposes Discourse. *The Modern Language Journal*. 2012. Vol. 96. SUPPL. 1, pp. 43–58.
 31. Cienki A. Cognitive Linguistics, Gesture Studies and Multimodal Communication. *Cognitive Linguistics*. 2016, no 4, pp. 603–618.
 32. Divjak D., Levshina, N., Klavan J. Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward. *Cognitive Linguistics*. 2016. no, pp. 447–463.
 33. Falkum I.L., Vicente A. Polysemy: Current Perspectives and Approaches. *Lingua*. 2015. Vol. 157, pp. 1–16.

34. Glebkin V. Is Conceptual Blending the Key to the Mystery of Human Evolution and Cognition. *Cognitive Linguistics*. 2015. no 1, pp. 95–111.
35. González M., Roseano P., Borràs-Comes, J., Prieto, P. Epistemic and Evidential Marking in Discourse: Effects of Register and Debatability. *Lingua*. 2017. Vol. 186-187, pp. 68–87.
36. Koenig J.P., Davis A.R. The Key to Lexical Semantic Representations. *Journal of Linguistics*. 2006, no 1. 108 p.
37. Kolesnikova S., Burskaya E., Chibisova A. Semantic Fundamentals of the World and Peace Concept in Different Languages: Contrastive and Phono-semantic Analysis of Russian, English and Chinese languages. *Modern Philology*. 2018. Vol. 115. no 4–2, pp. 1067–1080.
38. Lee J., Schallert D.L. Literate Actions, Reading Attitudes, and Reading Achievement: Interconnections across Languages for Adolescent Learners of English in Korea. *The Modern Language Journal*. 2014. Vol. 98, no 2, pp. 553–573.
39. Ockel E. Wie Sprach- und Sprech- und Literaturwissenschaft beim Textverstehen zusammenwirken. *Muttersprache*. 1997, no 3, pp. 243–257.
40. Papadopoulou D., Clahsen H. Ambiguity Resolution in Sentence Processing: The Role of Lexical and Contextual Information. *Journal of Linguistics*. 2006, no1, pp. 109–138.
41. Rakhimova N., Akasheva T., Pavlova L., Pulekha I., Vtorushina Y. Linguo-cognitive Aspects of Irony and its Translation (through the example of stories by H. Böll). *International Journal of Civil Engineering & Technology (IJCIET)*. Vol., no 9. 2018, pp. 872–880.
42. Weinrich H. *Linguistik der Lüge*. Heidelberg: Lambert Schneider. 1966. 74 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Акашева Татьяна Валентиновна, заведующая кафедрой романно-германской филологии и перевода, доцент, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

*пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000,
Российская Федерация
akasheva.tv@yandex.ru*

Рахимова Нурия Мухаметовна, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, кандидат филологических наук
*ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская область,
455000, Российская Федерация
nuria_rahimova@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Akasheva Tatiana Valentinovna, head of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russian Federation
akasheva.tv@yandex.ru
SPIN-code: 2599-2432
ORCID: 0000-0002-2695-5070
ResearcherID: W-6866-2018
Scopus Author ID: 57189625182*

Rakhimova Nuriya Mukhametovna, Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation, Candidate of Philological Sciences
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russian Federation
nuria_rahimova@list.ru
SPIN-code: 3292-6182
ORCID: 0000-0003-2427-0032
ResearcherID: W-4929-2018
Scopus Author ID: 57189616173*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-46-66

УДК 811

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЗИМЫ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Меньшикова Е.Е.

Цель. Настоящее исследование посвящено выявлению языковых средств, за счет которых реализуется метафорический образ зимы как времени года в рекламном туристическом нарративе.

Метод или методология проведения работы. Методами исследования послужили общенаучные методы наблюдения и описания, а также метод семантического анализа.

Результаты. Анализ текстов сети Интернет показал, что метафорический образ зимы в рекламном туристическом нарративе представлен различными тематическими сферами, представляющими географические характеристики, атмосферные явления, растительный и животный мир, наименования блюд рождественского или новогоднего праздничного стола, предметы зимней одежды, праздничную культуру, сказочных (зимних) персонажей и т.д. В исследовании рассматриваются не только собственно метафоры, но также сравнения, эпитеты и олицетворение.

Область применения. Практическая значимость настоящего исследования заключается в возможности применения изложенных теоретических положений и практических результатов в лекционных курсах некоторых разделов по общему языкознанию, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: рекламный туристический нарратив; метафора; метафорическая репрезентация снега и инея; метафорический образ зимнего леса; метафорические образы сказочных персонажей.

METAPHORICAL IMAGE OF WINTER IN ADVERTISING TOURIST NARRATIVE

Men'shikova E.E.

Purpose. *The study focuses on the identification of linguistic means by which the metaphorical image of winter as a season in the advertising tourist narrative is realized.*

Methodology. *The study was carried out by means of the general scientific methods of observation and description and also through semantic analysis.*

Results. *The analysis of the texts on the Internet shows that the metaphorical image of winter in the advertising tourist narrative is presented through different thematic spheres representing geographical characteristics, atmospheric phenomena, flora and fauna, the dishes names for the Christmas or New Year holiday table, winter clothing items, celebration culture, winter fairy-tale characters, etc. The study focuses on metaphors, as well as on comparisons, epithets and personification.*

Practical implications. *The practical relevance of the research lies in the possibility of applying the theoretical provisions and practical results in the lecture courses on some sections of general linguistics, culture-oriented linguistics, and cultural studies.*

Keywords: *advertising tourist narrative; metaphor; metaphorical image; metaphorical representation of snow and hoarfrost; metaphorical image of winter forest; metaphorical images of fairy-tale characters.*

Введение

Рекламный туристический нарратив репрезентирует образное представление о мире локального интереса, которым в нашем случае выступает туристская дестинация – физическое пространство, включающее туристские продукты (услуги, аттракционы и туристские ресурсы). Мир локального интереса – это образ, формирующийся на основе эмоциональных, рациональных представлений и ассоциаций в их географической, исторической, этнической и культурной

составляющих. Мир локального интереса мифопоэтичен в своей основе, он представляет собой переплетение реальных черт и воображаемых, достраиваемых сознанием субъектов туристской дестинации [11]. Мир локального интереса рекламного туристического нарратива предстает в свете мифологической грёзы, где особое место занимает метафора, которая «стимулирует воображение и, следовательно, эмоции; все это уводит от истины в мир иллюзий» [9, с. 214–215].

Высокая степень метафоричности туристического нарратива, проявляющаяся в устойчивой потребности использования метафор при объяснении и осмыслении реалий и событий [19] и представляющая собой важный способ структурирования человеческого восприятия окружающего мира и понимания многих его явлений [4], реализует аттрактивную функцию, функцию эмоционального воздействия и моделирования действительности (мира локального интереса).

В современной науке метафора традиционно трактуется как ментальный и языковой механизм, состоящий во взаимодействии или сопоставлении двух сущностей (явлений) на основании сходства (аналогии) между ними. Наше понимание термина «метафора» является достаточно условным (расширенным): в работе мы обращаемся не только к собственно метафорам, но также к эпитетам, сравнению и олицетворению, которые тесным образом взаимосвязаны. Согласно Н. Г. Серебренниковой, сравнение выступает в качестве базы как для построения эпитета, так и метафоры: «и метафора, и эпитет в основе своей являются сравнением» [13, с. 5], «близость к метафоре образного сравнения не вызывает сомнений» [1, с. 26]. Мы также рассматриваем олицетворение (персонификацию) как разновидность метафоры. Как пишет Е.В. Иванова, подкатегорией метафоры является «персонификация, которая заключается в наделении предметов и явлений природы свойствами живых существ, часто даже человеческими; способностью мыслить, чувствовать, говорить, антропоморфным обликом и т.д.» [6, с. 159].

Метафора в туристическом нарративе является эффективным средством речевого воздействия и убедительности, «предполагаю-

щей то, чтобы адресат думал и действовал определенным образом» [3, с. 79], а также выступает стилистическим средством языковой игры как тактического инструмента в реализации экспрессивно-образной стратегии, направленной на создания экспрессивного образа и экспрессивную оценку услуги [8]. Метафора «моделирует ментальные единицы» [19, с. 156], передает когнитивное содержание, создает определенное представление об объекте [10]. Она выступает как средство создания образности речи и как средство, обладающее функцией конструирования и передачи новых смыслов, привлекает внимание адресата к образному способу выражения мысли.

Цель работы состоит в выявлении и описании языковых средств, за счет которых реализуется метафорический образ зимы как времени года в рекламном туристическом нарративе. В соответствии с указанной целью в исследовании ставятся следующие задачи: рассмотреть различные подходы к определению понятия метафора; изучить представляющие наибольший интерес для нашей работы научные исследования, посвященные такому фрагменту языковой картины мира, как зима; выявить, описать и проанализировать метафорические средства репрезентации зимы как времени года в туристическом нарративе, сделать соответствующие выводы.

Актуальность исследования определяется повышенным интересом современной лингвистики к анализу различных языковых категорий, в частности, к исследованию метафоры и процесса метафоризации, что обусловлено познавательными свойствами метафоры, позволяющими считать её инструментом концептуализации действительности и мощным инструментом воздействия. При этом некоторые аспекты метафоры по-прежнему остаются дискуссионными, а метафорика отдельных тематических сфер – недостаточно изученной. Именно поэтому существует необходимость исследования особенностей и функционального многообразия метафоры в текстах различного типа.

Обоснованность результатов исследования обеспечивается анализом практического материала, который учитывает данные, накопленные в разных отраслях языкознания. Работа базируется

на теоретических положениях, сформулированных в работах как отечественных [1; 2; 14; 18], так и зарубежных исследователей, которые посвящены проблемам функционирования метафоры и вопросам метафоризации. По мнению многих зарубежных ученых в процессах концептуализации и категоризации действительности ведущая роль принадлежит метафоре [20; 22]. Метафора предопределяет способ и стиль мышления о реалии, событии, объекте и может изменять способы восприятия и постижения действительности [21].

Научная новизна настоящей работы определяется выбором материала. Впервые материалом такого рода исследования послужили тексты рекламного туристического нарратива. Впервые исследованы и проанализированы метафорические средства репрезентации зимы как времени года в рекламном туристическом нарративе, особенности их функционирования и текстовой реализации.

Научные работы, посвященные зиме как фрагменту языковой картины мира, представляют этот материал с преимущественным вниманием к определенным аспектам и тематическим сферам. Так, например, в диссертации Т.В. Салашник рассматриваются времена года как совокупность отдельных концептов и устанавливаются соотношения универсального, национального и индивидуального компонентов данных концептов в русской и английской лингвокультуре [12]. О.Л. Чоудхури исследует культурные и историко-этимологические предпосылки формирования концепта «зима» в русской языковой картине мира [17]. Ассоциативно-вербальные поля концептов «Зима» и «Лето» в сопоставительном аспекте (в русской и китайской картинах мира) характеризуются в работе У Вэй. Автор делает выводы об асимметричных и лакунарных компонентах этого фрагмента картины мира [15]. В работе Цзу Сюэцин исследуются четыре концепта – «зима», «осень», «лето», «весна» и проводится их сопоставление в русском и китайском языках для выявления существенных сходств и отличий национальных культур (традиций, символов, метафор и т.п.) [16].

Материалы и методы

Фактическим материалом являются тексты сети Интернет. Актуальность исследования текстов рекламного туристического нарратива сети Интернет обусловлена тем, что они отличаются оперативностью передачи информации, диалогичностью (интерактивностью), широкой интертекстуальностью с использованием кодов разных семиотических систем. Отбор материала осуществлялся с использованием метода наблюдения и сплошной выборки. При обобщении, систематизации и интерпретации иллюстративного материала применялся описательный метод. При рассмотрении функционального аспекта использовался метод семантического анализа лексических значений.

Результаты и обсуждение

На основе анализа материала нами выявлено, что метафорическая репрезентация зимы в туристическом нарративе представлена такими основными содержательными сферами, как «Географическое положение», «Атмосферные явления», «Растительный мир», «Животный мир», «Возвышенности», «Цветовая гамма», «Праздничная культура», «Наименования сказочных персонажей», «Зимние забавы», «Активные виды деятельности», «Наименования блюд рождественского или новогоднего праздничного стола», «Наименования предметов зимней одежды», «Чувства и эмоции», «Прецедентные тексты». Обратимся к некоторым вышеперечисленным содержательным сферам.

Атмосферные явления. Атмосферные явления – видимое проявление сложных физико-химических процессов, происходящих в воздушной оболочке Земли – атмосфере, которые сопровождаются резким качественным изменением состояния атмосферы: снег, иней, облака, туманы, метель, полярное сияние, зарница, радуга и т.д.

Снег. В текстах рекламного туристического нарратива одним из самых характерных признаков зимы выступает снег. Снежный покров, движение снега под силой ветра, падение снега в виде кристаллов и его цвет подвергаются в туристическом нарративе образ-

но-метафорическому осмыслению. Метафорическому описанию подвергаются размер и форма снежинок: *хлопья, клочок, звезда*. Образ снежного покрова реализуется в метафорической репрезентации слов, называющих различные изделия из ткани – *ковер, скатерть, полотно, покрывало*, украшений – *бахрома, кружево*, а также наименований видов одежды – *шуба, шапка, шаль*. Например: *Звенящий морозный воздух, белоснежный ковер хрустящего снега, заиндевелившие, словно в сказке, деревья – такие пейзажи ждут Вас на великолепных зимних курортах* [37].

Метафорическое описание снега-покрова находит выражение в употреблении слов, денотативно и ассоциативно связанных с образом снежной постели, что реализуется посредством существительных *одеяло, постель, перина*. Например: *В сказочную зимнюю пору, когда на землю, деревья и горные склоны опускается пышное снежное одеяло, самое время отправиться в Карпаты* [31].

Метафоризация признака «рассыпчатое, сыпучее вещество», содержащееся в значении лексемы снег, осуществляется через такие реалии, как *пух, пудра, сахар* и т.д. Например: *Зима – время, когда горы меняют свой изумительный осенний наряд на белоснежное покрывало... метель порошит с макушек деревьев холодным пухом, покрывая «сахарной» пудрой раскидистую хвою деревьев... Снег укрыл землю снежным покрывалом. Впечатление такое, будто идешь по пушистому белому коврику... вы можете покувыркаться в легкой невесомой снежно-воздушной перине, укрывшей землю* [27].

Метафорическая репрезентация снега воплощается также в его цвете и блеске. Колористическое разнообразие обладает высокой оценочностью и отражает многообразие эстетических и эмоциональных характеристик, что репрезентируется посредством разнообразных прилагательных-цветообозначения, которые являются адъективными метафорами: *алмазный, серебристый, жемчужный и т.п.* Например: *Алмазный снег Словакии... здесь можно часами любоваться переливами света на причудливых вершинах, следить за тем, как пронизанные лучами тучи борются с суровыми скалами. Вековые мудрые ели, дремлющие под снеговыми шапками...*

промчатся, отбрасывая ярко-синюю тень и взрывая вокруг себя облачки радужной снежной пыли. Любоваться мозаикой солнечных слепящих и голубых теневых пятен на белом покрове, чуть припорошенном золотой хвоей. А почему бы не прокатиться... под искрящимся алмазными звездами черно-бархатным небом? [30].

Иней. В рекламном туристическом нарративе иней и его различные признаки как природного явления (цвет и блеск инея, его вид, толщина, характер образуемого покрова) становятся средством метафорического описания. Метафорическое описание инея реализуется в использовании выразительных метафорических прилагательных, значения которых выражают признак сравнения, а своей семантикой способны вызывать у реципиента определенные ассоциации, уточняя и углубляя характеристику данной реалии: *блестящий, искристый, серебристый, сверкающий, кружевной* и т. д. Например: *Матушка-Земля примеряет зимние наряды. Золотые листья на деревьях сменяются серебристым инеем, реки сковывают лед – приходит Зима* [32].

Метафорические конструкции репрезентируют образ инея разнообразными способами переноса и выражения уподобления (сопоставления), основанными на зрительных впечатлениях и чувственных ассоциациях: *тонкие узоры морозного инея, искрящийся пудрой иней, искрящееся великолепие узоров, волшебное, тонкое, причудливое кружево инея и т.д.* Например: *... посмотреть на жемчужину русского севера – Холмогоры... Зимой кружева инея оттеняются светло-серым небом.... вся красота как на ладони, под ярким синим ситцем небосвода* [26].

Растительный мир. В рекламном туристическом нарративе растительный мир становится средством метафорического описания, где особое звучание получает образ зимнего леса как одного из основных типов растительности и элементов ландшафта. Анализ материала свидетельствует о том, что образа зимнего леса приобретает особенности и свойства, присущие волшебнo-сказочному образу, характеризующему густоту, высоту, нарядность, цвет леса, выступает символом таинственного, изображается как живое суще-

ство. Например: *Закутавшись в снежно-пуховое одеяло, заиндевелые мохнаты пихты погрузились в глубокий сон... лес стоит в своей торжественной красе и величии... ослепительно сияет искрящейся белизной свежесвыпавшего снега* [27].

Туристический нарратив при описании метафорического образа зимнего леса широко использует прием олицетворения, под которым, вслед за С.К. Константиновой, мы понимаем прием, состоящий в ассоциативном перенесении внешних признаков и внутренних характеристик человека на предметы, явления, животный и растительный мир, а также в приписывании им антропоморфных свойств [7]. Персонифицированные образы создают такие олицетворяющие признаки, как «Речь», «Физические состояния», «Эмоциональные состояния», «Внешний облик». Например: *Представь-те себя посреди зимних гор: вокруг белыми шапками блистают вершины, еловые леса спят, заботливо укрытые снежным одеялом, альпийские луга безмолвствуют...* [33].

Образ зимнего леса метафорически реализуется в использовании эпитетов, которые образуют ядро качественной доминанты текста рекламного туристического нарратива, организуют пространство повествования, центрируя на себе внимание реципиента. Качественная доминанта текста представляет собой основное поле функционирования эпитета, в котором он наиболее последовательно реализует свой потенциал [5]. Эпитет становится важным средством создания образности, выделяет качества, признаки описываемой реалии: *девственный, дремучий, могучий, величественный, волшебный, дремлющий, замороженный, сказочный, таинственный и т.д.* Например: *... величественная Уссурийская тайга, завораживающая своим многообразием растительного и животного мира!... очарование зимнего леса... волшебство свежего, чистого и морозного воздуха... сказочный зимний лес... Вековые деревья... Девственная тайга, следы зверей, зачарованный лес...* [25].

Наиболее ярко в рекламном туристическом нарративе метафорически представлены такие хвойные растения, как ель и сосна: их возраст, высота, цвет, запах, густота кроны, а также особен-

ности психологического восприятия данной реалии. Например: *Скалы, покрытые ледниковой глазурью, снежные шапки вулканов, сосны-великаны и играющий на солнце сотнями оттенков байкальский лед* [34].

Образ ели и сосны ассоциативно связан со снежным покровом, что реализуется в метафорической репрезентации таких лексем, как *кружево, шуба, шапка, наряд*. Например: *Величие, торжественная красота Алтая, кристально чистый воздух, напоенный ароматом девственных лесов... Похожи на сказку окрестности курорта зимой, когда яркими алмазами сверкает на солнце снег. Будто сказочные богатыри высятся одетые в снежные шубы могучие ели и сосны, и лишь звонкий перестук дятла нарушает торжественную тишину...* [23].

Использование метафорических эпитетов *могучая, мохнатая, раскидистая сосна, косматая, пушистая, развесистая, разлапистая, серебристая ель* насыщает рекламный туристический нарратив различными коннотациями, что повышает его выразительность. Например: *Бесконечные белые дали, сверкающие на солнце. Мохнатые, разлапистые ели и сосны, укутанные в снежные шубы. Это Обергургель* [35].

Рекламный туристический нарратив также активно использует метафорические эпитеты, характеризующие особенность психологического восприятия данной реалии, что служат не только для их яркого описания, но и для формирования особого восприятия, отношения к прочитанному: *величественная, изящная, царственная* и т.д. Например: *Зимний отдых в Финляндии – это поистине волшебное зрелище! Морозный воздух, величественные сосны и ели, укрытые белоснежным покровом снега, чудесное зрелище северного сияния, бесконечное звездное небо... возможность отдохнуть с семьей в сказочном водовороте! Северная сказка... умиротворенный, тихий отдых* [24].

Возвышенности. В туристическом нарративе метафорической репрезентации подвержены геологические и топографические черты возвышенностей (гор, вершин, скал, утесов, холмов, вулканов и

т.п.), их пространственные и рельефные характеристики, цветовая гамма, эмоционально-эстетические впечатления. Например: *Домбай... волшебный, цветущий, благоухающий, искрящийся разными красками лес, засыпает. Горы покрываются снежной шапкой, миллиарды снежных хлопьев бесшумно осыпают их вершины. А звездными ночами на вершинах гор нетронутые снега горят как россыпь драгоценных камней* [29].

Возвышенности в зимний период метафорически эксплицируются высотой, характером вершин, склонов, цветом, окраской и т.д. Например: *О приходе зимы здесь возвещают горы... их белизна усиливается... пики-зубцы торжественно возвышаются над светло-коричневым волнистым полотном предгорных лесов, так похожих на королевскую мантию. Но вот первые и несмелые лучи солнца, едва коснувшись вершин гор, пробудили их ото сна, преображая все вокруг. Словно волшебная Снежная королева, взмахнув в ледяном царстве своей волшебной палочкой, озарила северным сиянием искрящийся мир вечных снегов. Перед нами уже не синие дышащие холодом горы, а огромная сказочная корона, сияющая золотом* [27].

Метафорически репрезентируются конкретные референты зимнего ландшафта (оронимы), например: *Зимняя поэзия Кавказских гор... Слепительный Эльбрус – двуглавый великан, манящий своими бескрайними снежными полями и пугающий оскалом ледовых трещин* [38].

Наименования зимних сказочных персонажей. Основными сказочными персонажами зимы в текстах рекламного туристического нарратива являются Дед Мороз и Снегурочка, Снеговик (Снежная баба) северные олени, Снежная Королева. Данные персонажи наделены внешними и внутренними характеристиками, которые соотносятся с типовыми ситуациями, с системой действий, статусом, а также с локальной принадлежностью персонажа.

Так, Дед Мороз ямальский – Ямал Ири, якутский – властелин холода Чысхаан, в Чувашской республике – Хёл Муччи, в Татарстане и Башкортастане – Кыш Бабай, в Тыве – Cook Ирей, в Англии (и в англоязычных странах) – Santa Claus, Father Christmas, Jack the

Frost, во Франции – Père Noël и т.д. Например: *Его сани летают. Его олени разговаривают, его мешок всегда полон подарков. Его знают и ждут во всем мире. Его резиденция Рованиеми. Финны называют его Йоулупукки. Узнали, кто это? Это финский Дедушка Мороз! Приглашаем всех взрослых и детей окунуться в атмосферу финского рождества, вспомнить, все свои может быть уже давно забытые желания и хотя бы на часок вновь вернуться в детство, поверить в волшебство и ждать ...чуда [28].*

Дед Мороз метафорически предстаёт в рекламном туристическом нарративе в образе зимнего и доброго Волшебника, Седобородого Кудесника. Образно-метафорическая репрезентация Деда Мороза воплощается в описании его внешности, действий и характера посредством стилистически окрашенной, эмоционально-экспрессивной лексики с яркими оценочными оттенками. Например: *Вам представится возможность пообщаться с самим добрым Волшебником... вы узнаете, как совершается волшебство на родине российского Деда Мороза, кто помогает Волшебнику сказку сделать былью, а в Тронном зале вы сможете посидеть на волшебном троне главного Кудесника страны... яркие всплески фейерверков, сказочное мерцание факелов... И вот уже Зима со своей свитой кружит всех в своем снежном вихре... и все это под звездным небом Вотчины, на фоне сказочно-красивого ночного пейзажа владений самого Мороза, Хозяина самых белых снегов [36].*

Следует заметить, что тексты рекламного туристического нарратива, являясь в большей своей массе креолизированными текстами, сопровождают традиционное изображение облика Деда Мороза атрибутами – символами, которые выражают главное, существенное в персонаже: густые, седые, серебристые волосы и борода (символ могущества, счастья, богатства, благополучия); рубашка и брюки – белые, льняные, украшены белым геометрическим орнаментом (символ чистоты); красная, вышитая серебряными восьмилучевыми звездами и отороченная лебяжьим пухом шуба; красная шапка, вышитая серебром и жемчугом; трехпалые перчатки или варежки белого цвета, расшитые серебром (символа чистоты и

святости всего, что Дед Мороз дает из своих рук). Трёхпалость варежек здесь – символ принадлежности к высшему божественному началу; белый с красным орнаментом пояс (символ связи предков и потомков); серебряные или красные, шитые серебром сапоги с приподнятым носком; хрустальный посох. Ручка витая, также серебристо-белой цветовой гаммы. Посох завершает лунница – стилизованное изображение месяца, или голова быка (символ власти, плодородия и счастья).

Сказочные зимние персонажи в текстах туристического нарратива связаны также и с праздничной культурой. Рекламный туристический нарратив актуализирует праздничные символы и атмосферу, предметы и атрибуты, которые кроме своего практического значения, приобретают смысл символа, что создает мифологическую и метафорическую атмосферу праздника. Мифологическая и метафорическая атмосфера праздника объективирована спектром дескрипторов состояния – лексических единиц (слов, словосочетаний) языка, выражающих основное смысловое содержание текста: движение вовне, из привычной среды: *вырваться из обыденного течения времени, забыть о проблемах и заботах, отдохнуть от повседневности, испытать что-то новое и получить заряд свежих эмоций и впечатлений*; заполнение внутреннего пространства новым содержанием: *наполнить жизнь незабываемыми ощущениями, ощутить состояние настоящего умиротворения, привнести в жизнь новые формы удовольствий*; обретение утраченной гармонии: *вернуть радость жизни, справиться с накопившей тоской и унынием, погрузиться в атмосферу романтики, зарядиться энергией, красотой, обрести потерянное равновесие и умиротворение*; стремление, желание: *стремление развеять повседневную скуку, желание воспользоваться любой возможностью, чтобы испытать необычные ощущения и т. д.*

Зимние календарные праздники образуют целостную символично-коммуникативную систему, которая является важной частью традиционной культуры. Среди российских праздников зимнего периода, актуализируемых туристическим нарративом, особое место занимают Новый год, Рождество, старый Новый год, Крещение.

Так, например, Новый год, как коммуникативное событие, образно-метафорически репрезентируется в рекламном туристическом нарративе как время свободы, радости, идентичности, как время обретения гармонии: действительность представляется человеку более счастливой, благополучной, многие негативные моменты отодвигаются на задний план. Можно выделить комплекс знаковых систем репрезентации Нового года в рекламном туристическом нарративе: эмоциональный подъем и производство радости, праздничное убранство, декорации, символы, подарки, пожелания, костюмированные представления и игры. Тексты туристического нарратива эксплицируют образные характеристики праздника «Новый год» сквозь призму таких категорий, как праздничное время, пространство, свобода, чувства и эмоции.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что метафорический компонент зимы как времени года в рекламном туристическом нарративе репрезентирует данную реалию на основе ассоциативных связей с другими предметами (явлениями) через общие черты сходства этих двух предметов (явлений), что находит языковое воплощение в использовании таких изобразительно-выразительных средств, как метафоры, эпитеты, сравнения, олицетворение.

Как свидетельствует анализ материала, в формировании метафорического образа зимы участвуют преимущественно зрительные представления. Формирование зрительных образов зимы осуществляется в рекламном туристическом нарративе с помощью обращения к пространственно-временным, качественным, физическим характеристикам: к размеру, форме, расположению и движению в пространстве, цвету и т.д., что заключает в себе особый потенциал эмоционального и экспрессивного воздействия.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

2. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры почти двадцать пять лет спустя // *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7–21.
3. Баребина Н.С. Аргументация как языковая деятельность (биокогнитивный подход) // *Вестник СВФУ*. № 1 (57). 2017. С. 78–85.
4. Боброва Е.А. Концептуальная метафора как способ категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения по пути // *Известия ИГЭА*. 2013. № 3. URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=18125> (дата обращения: 22.12.2018).
5. Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 234 с.
6. Иванова Е.В. Персонификация природы в медийном дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2010. №1. С. 159–162.
7. Константинова С.К. Олицетворение в художественном тексте: семантические и грамматические аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1996. 18 с.
8. Костюшкина Г.М., Ван Чжо. Роль языковой игры в реализации экспрессивно-оценочной стратегии в рекламном слогане // *Филологические науки. Вопросы теории и практики* Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 336–341.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС, 2004. 253 с.
10. Мельгунова А.Г., Сметанина Т.В. Глаголы как средство образования онтологических метафор (на примере английских глаголов сопротивления и глаголов пространственной ориентации) // *Известия ИГЭА*. 2012. № 2 (82). С. 223–227.
11. Меньшикова Е.Е. Мифопоэтическое пространство рекламного туристического нарратива. Мифологемы, идеологемы, метафора. Saarbrücken, Deutschland, LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014. 316 с.
12. Салашник Т.В. Национально-культурная специфика концептов времен года: на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 21 с.

13. Серебренникова Н.Г. Механизм эпитета: На материале поэтических текстов К. Бальмонта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 20 с.
14. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // *Метафора в языке и тексте*. М., 1988. С. 26–52.
15. У Вэй. Времена года в русской языковой картине мира: на фоне китайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.
16. Цзу Сюэцин. Национально-культурные концепты времён года в русской языковой картине мира: на фоне китайской: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 24 с.
17. Чоудхури О.Л. Номинативное поле концепта «зима» как предмет обучения русскому языку финских студентов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2010. 24 с.
18. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в политической коммуникации. Монография. Екатеринбург. Уральский гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
19. Шереметьева А.А., Зырянова И.Н. Метафорическое представление Kunde (клиента) в экономическом дискурсе (на примере немецкого и русского языков) // *Сибирский филологический журнал*. 2016. № 4. С. 152–161.
20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
21. Mac Cormack Earl R. *Cognitive Theory of Metaphor*. Cambridge: Mass: MIT Press, 1985. 245 p.
22. Reddy M.J. *The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict in Our Language about Language*. *Metaphor and Thought*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1993, pp. 164–201.
23. <http://bigcountry.ru/page1.php?idm=91> (дата обращения: 15.10.2018).
24. <http://gadowska.com/rubric/5708388/> (дата обращения: 11.10.2018).
25. <http://foritour.ru/tury-po-primoryu/lyzhnye-tury/lyzhisankigory-les-zimnie-kanikuly-v-anisimovke/> (дата обращения: 22.11.2018).
26. <http://kamatravel.ru/blog/kholmogory/> (дата обращения: 16.10.2018).
27. <http://kgpbz.ru/node/1350> (дата обращения: 15.12.2018).

28. <http://svtour63.ru/tours/New-Year-visiting-Joulupukki-in-Rovaniemi/> (дата обращения: 15.01.2019).
29. <http://www.best-sanatoriy.ru/catalog/2248/> (дата обращения: 15.12.2018).
30. http://www.turizm.ru/slovakia/articles/almaznyj_sneg_slovakii/ (дата обращения: 10.01.2019).
31. <https://big.travel/stati/gde-otdohnut-v-fevrale> (дата обращения: 29.11.2018).
32. <https://izi.travel/zh/d874-panasenko-matushka-zemlya/ru> (дата обращения: 27.11.2018).
33. <https://pohod-v-gory.com/%D0%BF%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4-%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%B2%D0%B0%D0%BC/> (дата обращения: 23.12.2018).
34. <https://travel.rambler.ru/news/> (дата обращения: 15.11.2018).
35. <https://www.atlantravel.ru/strany/avstriya/goroda-i-kurorty/gornolyzhnye-kurorty/obergugl.html> (дата обращения: 11.01.2019).
36. https://www.snp.ru/velikii_ustiug_novyi_god_tury/novuj_god_votchi-na/ (дата обращения: 18.01.2019).
37. <https://www.sv-tour.ru/gornolyzhnye-tury/> (дата обращения: 19.11.2018).
38. <https://www.veselyiturist.ru/tours/tours-rossiya/zimnyaya-poeziya-kavkazskih-gor> (дата обращения: 13.12.2018).

References

1. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs. Vstupitel'naia stat'ia [Metaphor and discourse. Introduction]. *Teoriia metafory* [Theory of metaphor]. M.: Progress, 1990, pp. 5–32.
2. Baranov A.N. Predisloviye redaktora. Kognitivnaya teoriya metafory pochti dvadtsat' pyat' let spustya [Editor's Foreword. The cognitive theory of metaphor: almost twenty years later]. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live in]. M.: Editorial URSS, 2004, pp. 7–21.
3. Varebina N.S. Argumentatsiya kak yazykovaya deyatel'nost' (biokognitivnyu podkhod) [Argumentation as Languaging (a Biocognitive View)]. *Vestnik SVFU*, no 1 (57). 2017, pp. 78–85.

4. Bobrova E.A. Kontseptual'naya metafora kak sposob kategorizatsii okruzhayushchey deystvitel'nosti naprimere metafory dvizheniya po puti [Metaphorical concept as a way of categorizing the outside world by the example of the metaphor of travel]. *Izvestiya IGJeA*. Irkutsk, 2013. no 3. URL: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=18125> (accessed December 22, 2018).
5. Gubanov S.A. *Epitet v tvorchestve M.I. Cvetaevoy: semanticheskij i strukturnyj aspekty* [The epithet in the works of M.I. Tsvetaeva: structural and semantic aspect]. Dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2009. 234 p.
6. Ivanova E.V. Personifikatsiya prirody v mediynom diskurse [Personification of the nature in mass media discourse]. *Politicheskaja lingvistika*. 2010. no. 1, pp. 159–162.
7. Konstantinova S.K. *Olitsetvorenje v khudozhestvennom tekste: semanticheskie i grammaticheskie aspekty* [Personification in literary texts (semantic and grammatical aspects)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 1996. 18 p.
8. Kostyushkina G.M., Van Chzho. Rol' yazykovoy igry v realizatsii ehkspressivno-otsenочноy strategii v reklamnom slogane [Role of word play in implementation of expressive evaluative strategy in advertising slogan]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2018. no 5(83). Part 2, pp. 336–341.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. M.: URSS, 2004. 253 p.
10. Mel'gunova A.G., Smetanina T.V. Glagoly kak sredstvo obrazovaniya ontologicheskikh metafor (naprimere angliyskikh glagolov soprotivleniya i glagolov prostranstvennoy orientatsii) [Verbs as means of forming ontological metaphor (by the example of English verbs with the meaning of resistance and verbs of spatial orientation)]. *Izvestija IGJeA*. 2012, no 2 (82), pp. 223–227.
11. Men'shikova E.E. *Mifopoeticheskoe prostranstvo reklamnogo turistichekogonarrativa. Mifologemy, ideologemy, metafora* [Mythopoetic space of advertising tourist narrative. Myths, ideologies, metaphor]. Saarbrücken, Deutschland, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014. 316 p.

12. Salashnik T.V. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontseptov vremen goda: namateriale russkogo i angliyskogo yazykov* [National and cultural specificity of the seasonsconcepts (on the basis of the Russian and English languages)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2007. 21 p.
13. Serebrennikova N.G. *Mekhanizm ehpiteta: Na material poehticheskikh tekstov K. Bal'monta* [A mechanism of epipheth formation (with examples from poetical works by K. Balmont)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2002. 20 p.
14. Teliia V.N. Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaia funktsiia [The metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function]. *Metafora v iazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. M.: 1988, pp. 26–52.
15. U Vvej. *Vremena goda v russkoy yazykovoy kartine mira: na fone kitayskogo yazyka* [Seasons in the Russian Language Picture of the World (as compared to the Chinese language)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb, 2013. 24 p.
16. Tszu Syuetsin. *Natsional'no-kul'turnye kontsepty vremyon goda v russkoy yazykovoy kartine mira: na fone kitayskoy* [National and cultural concepts of the seasons in the Russian language picture of the world (as compared to the Chinese language picture of the world)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2009. 24 p.
17. Choudkhuri O.L. *Nominativnoe pole kontseptov «zima» kak predmet obucheniya russkomu yazyku finskikh studentov* [The nominative field of the concept «winter» as the subject of trainee finnish students in Russian]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk.SPb, 2011, 24 p.
18. Chudinov A.P. *Metaforicheskaya mozaika v politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2003. 248 p.
19. Sheremet'eva A.A., Zyryanova I.N. Metaforicheskoe predstavlenie Kunde (klienta) v ehkonomicheskom diskurse (na primere nemetskogo I russkogo yazykov) [The metaphorical representation of Kunde (client) in economic discourse (in the German and Russian languages)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2016, no 4, pp. 152–161.
20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

21. Mac Cormack Earl R. *Cognitive Theory of Metaphor*. Cambridge: Mass: MIT Press, 1985. 245 p.
22. Reddy M.J. The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict in Our Language about Language. *Metaphor and Thought*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1993, pp. 164–201.
23. <http://bigcountry.ru/page1.php?idm=91> (accessed October 15, 2018).
24. <http://gadowska.com/rubric/5708388/> (accessed October 11, 2018).
25. <http://foritour.ru/tury-po-primoryu/lyzhnye-tury/lyzhisankigory-les-zimnie-kanikuly-v-anisimovke/> (accessed November 22, 2018).
26. <http://kamatravel.ru/blog/kholmogory/> (accessed October 16, 2018).
27. <http://kgpbz.ru/node/1350> (accessed December 15, 2018).
28. <http://svtour63.ru/tours/New-Year-visiting-Joulupukki-in-Rovaniemi/> (accessed January 15, 2019).
29. <http://www.best-sanatoriy.ru/catalog/2248/> (accessed December 15, 2018).
30. http://www.turizm.ru/slovakia/articles/almaznyj_sneg_slovakii/ (accessed January 10, 2019).
31. <https://big.travel/stati/gde-otdohnut-v-fevrale> (accessed November 29, 2018).
32. <https://izi.travel/zh/d874-panasenko-matushka-zemlya/ru> (accessed November 27, 2018).
33. <https://pohod-v-gory.com/%D0%BF%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4-%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%B2%D0%B0%D0%BC/> (accessed December 23, 2018).
34. <https://travel.rambler.ru/news/> (accessed November 15, 2018).
35. <https://www.atlantravel.ru/strany/avstriya/goroda-i-kurorty/gornolyzhnye-kurorty/obergugl.html> (accessed January 11, 2019).
36. https://www.snp.ru/velikii_ustiug_novyi_god_tury/novyj_god_votchina/ (accessed January 18, 2019).
37. <https://www.sv-tour.ru/gornolyzhnye-tury/> (accessed November 19, 2018).
38. <https://www.veselyiturist.ru/tours/tours-rossiya/zimnyaya-poeziya-kavkazskih-gor> (accessed December 13, 2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Меньшикова Екатерина Евгеньевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Байкальский государственный университет
ул. Ленина, 11, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
canoe@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Men'shikova Ekaterina Evgen'evna, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Philology
Baikal State University
11, Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation
canoe@list.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-67-76

УДК 812

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Нестерова Е.В.

Цель. *Статья посвящена изучению словообразовательных процессов на базе имен числительных в эвенском языке. Автор ставит целью выявить структурно-словообразовательные особенности отчислительных производных в словообразовательном гнезде с вершиной ъм- в эвенском языке.*

Метод или методология проведения работы. *В исследовании применен гнездовой подход изучения словообразования. Основным методом исследования служит описательный, использованы методы словообразовательного и семантического анализа.*

Результаты. *В статье установлен деривационный объем словообразовательного гнезда с вершиной ъм- в эвенском языке. Основную часть дериватов составляют числительные различных разрядов эвенского языка, также среди производных выявлены глагол, залоговая форма глагола, имена существительные, имя прилагательное, наречия. Структура словообразовательного гнезда состоит из синтагматических и парадигматических связей. Высокая деривационная активность наблюдается на первой ступени словообразования.*

Область применения результатов. *Результаты работы могут быть применены в исследованиях по синхронному словообразованию в эвенском языке, в сопоставительных исследованиях производной номинации эвенского и других языков.*

Ключевые слова: *словообразовательное гнездо; имя числительное; эвенский язык; дериват; суффикс; бинарная цепь.*

WORD FORMATION OF NUMERAL DERIVATIVES IN THE EVEN LANGUAGE

Nesterova E.V.

Purpose. *The article is devoted to the study of derivation processes on the basis of numerals in the Even language. The author aims to identify*

the structural and word formative features of the numeral derivatives in the formative families with the top om- in the Even language.

Methodology. *The formative familie method of studying word formation was applied in the study.*

The main research method is the descriptive one along with the methods of word-formation and semantic analysis.

Results. *The article establishes the derivational volume of the formative familywith the top om- in the Even language.*

The main part of the derivatives are the numerals of various categories of the Even language, among derivatives there are a verb, a pledge form of a verb, nouns, an adjective, adverbs. The structure of the word-formation nest consists of syntagmatic and paradigmatic connections. High derivational activity has the first stage of word formation.

Practical implications. *The results of the workcan be used in studies of synchronous word formation of Even language, in comparative studies of derivative nomination of Even and other languages.*

Keywords: *formative family; numeral; Even language; derivative; suffix; binary chain.*

Имя числительное в эвенском языке является отдельной частью речи, выделяющейся от остальных частей особыми лексико-семантическими свойствами и грамматическими признаками. Исследователь эвенского языка С.И. Шарина, выделяя имена числительные в знаменательные части речи эвенского языка, пишет: «Имя числительное, имеющее морфологические категории падежа, притяжания и числа не представляет собой тождества с другими частями речи, отличается своим лексическим значением. И по этим грамматическим признакам числительное справедливо считается знаменательной частью речи» [15, с. 19].

В работе В.А. Роббека «Язык эвенов Березовки» автор, описывая числительные березовского говора эвенского языка отмечает: «Числительные как часть речи выступают как семантическое и структурное (в плане составных образований) единство. Ядро категории числительных составляют числительные количественные.

Семантическим стержнем этих числительных является обозначение числа не «отягощенного» предметными значениями» [9, с. 96].

Здесь же мы находим о происхождении имен числительных в эвенском языке: «Поскольку количественные числительные являются структурно и по значению базой для образования всех других разрядов числительных, можно предположить, что они исторически предшествовали всем другим разрядам числительных и являются наиболее древней их формой» [9, с. 96].

Как отмечалось выше, имена числительные эвенского языка обладают интересными лексико-семантическими свойствами, что позволяет, внутри этой группы имен, делить их на различные разряды: количественные числительные, порядковые, распределительные, собирательные, собирательные для счета копытных животных, собирательные для счета юрт, хозяйств, находящихся в одном месте, собирательные для счета копыльев нарт, патронов, названий играль-ных карт, числа очков в игре, повторительные, умножительные, дробные, собирательно-исчерпывающие, приблизительные.

Тема словообразования имен числительных рассматривалась в работе В.И. Цинциус [14], монографии, посвященной именам числительным С.И. Шариной [15], а также во всех диалектологических исследованиях по эвенскому языку [2; 3; 4; 5; 9]. Исследователи отмечают особенности словообразования числительных в эвенском языке, так, мы находим в работе В.И. Цинциус: «В морфологическом отношении, в частности по словообразовательным показателям, эвенские числительные также стоят особняком, выделяясь специфическими производными, преимущественно собирательного значения» [14, с.118]. Здесь же автор приводит пример семантического гнезда, образованного различными разрядами числительных, вокруг корня числительного *елан* (три) [14, с. 128].

Настоящая работа посвящена исследованию характера деривационных отношений на базе имен числительных эвенского языка. Целью исследования является выявление структурно-словообразовательных особенностей отчислительных производных в эвенском языке.

Отметим, что прежде всего от основ количественных числительных путем суффиксации образуются числительные других разрядов. В данном процессе участвуют следующие суффиксы: -и, -ги + -тан/-тэн (показатель 3 лица мн. числа) *дыгитэн* ‘четвертый (их, из них)’; -тал/-тэл *илатал* ‘по три’; -ра/-рэ + -кан/-кэн (уменьшительный суффикс), -кая/-кэе (увеличительный суффикс) *дөрэкэн*, *дөрэкэе* ‘дважды, два раза’; -рман/-рмэн *иларман* ‘тройной’; -ни + -ди (суффикс творительного падежа) + -ур (возвратный суффикс множественного числа) *дыгнуидюр* ‘вчетвером’; -нра/-нрэ *илаңра* ‘трое, тройка’; -нру *дыгэнру* ‘четыре хозяйства’; -рда/-рдэ *дөрдэ* ‘двойка, двойчатка’; -с *тунңис* ‘пятый’; -ничэмэн/-ничаман, -нивэн/-ниван, -иван/-ивэн *өмничэмэн* ‘единственного (самого)’; -кли *илакли* ‘до трех, около трех’; -и/-5и *тунңи* ‘пятый’. Процессы словообразования отчислительных производных разнородны, более высокой деривационной продуктивностью обладают основы количественных числительных *өмэн* ‘один’, *дөр* ‘два’, *илан* ‘три’, *дыгэн* ‘четыре’, *тунңан* ‘пять’.

Для выявления полной картины словообразовательных возможностей имен числительных в эвенском языке далее обратимся к перспективному подходу. Мы рассмотрим деривационные связи в словообразовательном гнезде, вершиной которого будет основа количественного числительного *өмэн* ‘один’ - *өм-*. Словообразовательное гнездо является самой крупной и самой сложной в структурном плане единицей словообразовательной системы. Системный подход изучения словообразования, в отличие от рассмотрения отдельных, разрозненных явлений, позволяет выявить основные и многообразные связи, в которых находятся слова любого языка, составляя отдельные микросистемы в рамках макросистемы, целостной лексической и словообразовательной систем [11, с. 5].

Изучение последовательной производности слов от исходной основы количественного числительного *өмэн* ‘один’ (*өм-*) выявило тридцать двесловообразовательные цепи. Основная часть цепей являются бинарными, то есть двухкомпонентными, что соответствует словообразовательной паре:

ӨМ/НИКЭМЭН до единого
ӨМ/НИЧЭМЭН до единого
ӨМ/НЭ/ЧИ/Н как один, заодно, одновременно
ӨМИ/В/ДЭЙ сделать первым
ӨМНЭ/ДЭЙ сделать что-л. один раз.
ӨМНЭ/КЭЕ один раз, только один раз
ӨМНЭ/КЭН один раз, однажды, как-то
ӨМНЭ/КЭ/ТЭЛ редко, изредка
ӨМНЭ/Т сначала
ӨМЧЭ/НИ 1. имя собств. Өмчэни. 2. одинокий
ӨМЧЭ/РИ 1. нелюдимый. 2. бобыль
ӨМЭ/ДМЭР в один слой, ряд
ӨМЭ/ККЭН 1. одинокий, один; 2. одиноко, в одиночку
ӨМЭ/РДЭ один, одно (очко в игре)
ӨМЭ/РМЭН в один слой, ряд
ӨМЭ/ТЭЛ по одному, по одиночке
ӨМЭ/С/НЭ одиночка, бобыль
ӨМЭ/Т/ГУ вместе
ӨМЭ/Ч/ЧЭ/ДУ вместе, совместно, заодно, сообща, хором,
гуртом, как один
 ӨМНИ единственный, последний
 ӨМНИ/МИ 1. вдруг, сразу; 2. в то время как, внезапно,
 неожиданно, врасплох
 ӨМНИ/МИ/Т 1) одновременно; 2) сразу, зараз
 ӨМНИ/РИ/ЧЭН олененок (самка) до двух лет
 ӨМНИ/С 1) первый (по порядку); 2) начальный
 ӨМНИ/ТЭН последний, единственный
 ӨМНИ/ЧЭН последний, единственный
ӨМЭ/КИ одинаковый
 ӨМЭ/КИ/Ч очень, весьма, особенно, поразительно, за-
 мечательно, необыкновенно, чрезвычайно
ӨМЭН один
 ӨМЭН/ДУ/Т на одном месте
 ӨМЭ/НРУ одно (о хозяйстве)
 ӨМЭ/НРЭ один (о копытном животном)

Таким образом, структура словообразовательного гнезда с вершиной *өм-* по вертикальной оси характеризуется четырьмя словообразовательными парадигмами с вершинами *өм-*, *өмни*, *өмэки*, *өмэн*. В горизонтальном (синтагматическом) плане гнездо состоит из тридцати двух словообразовательных цепей. Основная часть словообразовательных цепей является бинарными, выявлено пять полинарных цепей: одна четырехкомпонентная и четыре трехкомпонентные.

Деривационный объем исследуемого словообразовательного гнезда составляет тридцать два производных. Подавляющее число производных представляют имена числительные следующих разрядов: исчерпывающие, собирательно-исчерпывающие, повторительные, собирательные, умножительные, распределительные, порядковые, количественные, собирательные для счета хозяйств, собирательные для счета копытных животных. Также от основы числительного *өмэн* 'один' образованы один глагол, одна залоговая форма глагола, четыре существительных, одно прилагательное и десять наречий. Высокая деривационная активность наблюдается на первой ступени словообразования.

Список литературы

1. Головков Э.Г. Словообразование на базе имен числительных. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т., 1994. 16 с.
2. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука. 1996. 207 с.
3. Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 112 с.
4. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
5. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Л.: Наука, 1980. 162 с.
6. Прокопьева П.Е. Словообразование порядковых числительных в языке лесных юкагиров. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 148–150.
7. Пятаева Н.В. Еще раз о словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016, №3. С. 13–17.

8. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Н.: Наука, 2005. 353 с.
9. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 204 с.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I. Л.: Наука. 1975. 672 с.
11. Сулова С.С. Словообразовательные гнезда делать, работать, трудиться в современном русском языке: семантический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Арзамас: Арзамасский гос. пед. инс-т. имени А.П. Гайдара., 2009. 21 с.
12. Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь рус. яз.: В 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1985. 856 с.
13. Фатхутдинова В.Г. Последовательная производность как универсальное свойство словообразовательных систем русского и татарского языков. // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 148, кн.3. 2006. С. 154–160.
14. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1947. 270 с.
15. Шарина С.И. Имя числительное в эвенском языке // Сб. нач. тр: Вопросы эвенской филологии и этнологии. Вып. 1. Якутск: Изд-во «Северовед», 1996. С. 17–19.
16. Шарина С.И. Категория количественности в эвенском языке. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 115 с.
17. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999. 236 с.
18. Эпос охотских эвенов. Якутск: Якутское книжное издательство, 1986. 301 с.
19. Barner D., Libenson A., Cheung P., Takasaki M. Cross-Linguistic Relations Between Quantifiers and Numerals in Language Acquisition: Evidence from Japanese. *Journal of Experimental Child Psychology*. 2009, 103(4), pp. 412–440.
20. Bölte J., Zwitserlood P., Jansma B.M., Zilverstand A. Derivational morphology approached with event related potentials // *Mental lexicon*. 2009, 4(3), pp. 336–353.

21. Morin R. Derivational morphological analysis as a strategy for vocabulary acquisition in Spanish // *The Modern Language Journal*. 2003, 87(2), pp. 200–221.
22. Singson M., Mahony D., Mann V. The relation between reading ability and morphological skills: evidence from derivational suffixes // *Reading and Writing*. 2000, 12(3-4), pp. 219–252.
23. Riehemann S.Z. Type-based derivational morphology // *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1998, 2(1), pp. 49–77.
24. Uriagereka Ju. Cutting derivational options. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2001, 19(4), pp. 891–900.

References

1. Golovkov Je.G. *Slovoobrazovanie na baze imen chislitel'nyh* [Word formation on the basis of numerals.]. Avtoref. dis. ...kand. filolog. nauk. SPb.: S.-Peterburg. gos. un-t., 1994. 16 p.
2. Dutkin H.I. *Allaihovskij govor evenov Jakutii* [The Allahivsky dialect of the Evens of Yakutia]. SPb.: Nauka, 1996. 207 p.
3. Kuz'mina R.P. *Jazyk lamunhinskih evenov* [The language of the Lamunkhin Evens]. Novosibirsk: Nauka, 2010. 112 p.
4. Lebedev V.D. *Jazyk evenov Jakutii* [The language of the Evens of Yakutia]. L.: Nauka, 1978. 208 p.
5. Novikova K.A. *Očerki dialektov evenskogo jazyka. Ol'skij govor* [Essays on the dialects of the Even language. The Olsk dialect]. L.: Nauka, 1980. 162 p.
6. Prokop'eva P.E. Slovoobrazovanie porjadkovykh chislitel'nykh v jazyke lesnykh jukagirov [Derivation of ordinal numerals in the language of the forest Yukagirs]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017, no 10(76): v 3-h ch. Ch. 2, pp. 148–150.
7. Pyatayeva N.V. Eshchhyo raz o slovoobrazovatel'nom gnezde [Once again concerning formative families]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogičeskoj lingvistiki*. 2016, no 3, pp. 13–17.
8. Robbek V.A., Robbek M.E. *Jevensko-russkij slovar'* [Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
9. Robbek V.A. *Jazyk evenov Berezovki* [The language of the Evens of Berezovka]. L.: Nauka, 1989. 204 p.

10. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov. Materialy k jetimologicheskomu slovarju* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages. Materials for the etymological dictionary.]. V. I. L.: Nauka, 1975. 672 p.
11. Suslova S.S. *Slovoobrazovatel'nyye gnezda delat', rabotat', trudit'sya v sovremennom russkom yazyke: semanticheskij aspekt* [Formative families to do, to work, to labour in the modern Russian language: semantic aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Arzamas: Arzamasskiy gos. ped. ins-t. imeni A.P. Gaydara, 2009. 21 p.
12. Tikhonov A.N. Osnovnye ponjatija russkogo slovoobrazovaniya [Basic concepts of Russian word formation]. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka*: V 2 t. T 1. M.: Rus. jaz, 1985. 856 p.
13. Fathutdinova V.G. Posledovatel'naja proizvodnost' kak universal'noe svojstvo slovoobrazovatel'nyh system russkogo i tatarskogo jazykov [Consistent production as a universal property of word-formation systems of the Russian and Tatar languages]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. V. 148, Book 3. 2006, pp. 154–160.
14. Cincius V.I. *Očerok grammatiki evenskogo (lamutskogo) jazyka. Fonetika i morfologija* [Essay on the grammar of the Even language (Lamut). Phonetics and morphology]. L.: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR. Leningradskoye otdeleniye, 1947 270 p.
15. Sharina S.I. Imya chislitel'noye v evenskom yazyke [Numeral name in Even language]. Sb. nach. tr: Voprosy evenskoj filologii i etnologii [Questions of Even philology and ethnology]. Issue 1. Yakutsk: Izd-vo «Severoved» [Publishing house “Severoved”], 1996, pp. 17–19.
16. Sharina S.I. Kategoriya kolichestvennosti v evenskom yazyke. [The quantitative category in the Even language]. SPb.: Publishing House of St. Petersburg State University, 1947., 1999. 115 p.
17. Shirshov I.A. *Teoreticheskie problem gnezdovaniya* [Theoretical problems of nesting]. M.: Prometej, 1999. 236 p.
18. *Epos okhotskikh evenov* [Epos of the Okhotsk Evens]. Yakutsk: Yakutskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1986. 301 p.
19. Barner D., Libenson A., Cheung P., Takasaki M. Cross-Linguistic Relations Between Quantifiers and Numerals in Language Acquisition: Evi-

- dence from Japanese. *Journal of Experimental Child Psychology*. 2009, 103(4), pp. 412–440.
20. Bölte J., Zwitserlood P., Jansma B.M., Zilverstand A. Derivational morphology approached with event related potentials. *Mental lexicon*. 2009, 4(3), pp. 336–353.
21. Morin R. Derivational morphological analysis as a strategy for vocabulary acquisition in Spanish. *The Modern Language Journal*. 2003, 87(2), pp. 200–221.
22. Singson M., Mahony D., Mann V. The relation between reading ability and morphological skills: evidence from derivational suffixes. *Reading and Writing*. 2000, 12(3-4), pp. 219–252.
23. Riehemann S.Z. Type-based derivational morphology. *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1998, 2(1), pp. 49–77.
24. Uriagereka Ju. Cutting derivational options. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2001, 19(4), pp. 891–900.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Нестерова Елена Васильевна, научный сотрудник сектора северной филологии

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677007, Российская Федерация
elenanesterova-2010@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nesterova Elena Vasilievna, Researcher of the Sector of Northern Philology

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS
1, Petrovsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677015,
Russian Federation
elenanesterova-2010@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5130-706X

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-77-89

УДК 81/82

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЛОНТАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ ДЕЛОВОЙ ИНТЕРАКЦИИ

Воробьева А.Е., Виноградова Е.А.

В статье описываются механизмы речевоздействующего потенциала англоязычных текстов электронной деловой корреспонденции в ракурсе определенных типов паттернов психологического воздействия.

Цель исследования состоит в выявлении и анализе ресурсов суггестии, используемых продуцентами электронных деловых сообщений в зависимости от их ego-состояний. Предметом изучения выступают специфически маркированные элементы англоязычных текстов электронной коммерческой корреспонденции, призванные имплицитно способствовать реализации целеустановки адресанта. В настоящей работе для более целостного взгляда на феномен речевого воздействия в такой специфической области, как деловая риторика предпринята попытка интеграции теории транзактного анализа Э. Берна с прагмалингвистическими парадигмами.

Методы исследования включают общенаучные методы анализа и синтеза, когнитивный анализ, контент-анализ, скрипт-анализ, а также лингвистический анализ средств суггестии.

Наиболее значимыми результатами исследования представляются выводы о том, что характер делового электронного взаимодействия определяется ego-состоянием коммуникантов и развивается согласно определенному паттерну. Выбор инструментов речевого воздействия предопределен прагматическими установками индивидуума и проявляется на лингвистическом и макролингвистическом уровне.

Область применения результатов. Представленные положения и выводы могут представлять интерес не только для психолингвистики, объясняющей закономерности речевого поведения биз-

несменов-продуцентов в сетевом деловом дискурсе, но и для теории интенциональности речевого поведения.

Ключевые слова: *волюнтативная функция; речевое воздействие; электронная деловая транзакция; паттерны делового взаимодействия; ego-состояния.*

VOLUNTATIVE FUNCTION OCCURRENCE IN COMPUTER-MEDIATED BUSINESS INTERACTION

Vorobyova A.E., Vinogradova E.A.

The article deals with the mechanisms of linguistic manipulation potential of English business e-mails from the perspective of certain types of psychological manipulation patterns.

Purpose. *The goal of this research is to reveal and analyze the means of suggestion, which authors of business e-mails use depending on their ego-states. The subject matter is specifically marked elements of business English e-mails aimed at meeting addresser's objectives. To maximize the phenomenon of linguistic manipulation in business discourse it is suggested to integrate the theory of Eric Berne's transactional analysis with pragmalinguistic paradigms.*

Methodology. *Survey methods include general scientific methods of analysis and synthesis, cognitive analysis, content-analysis, script-analysis and linguistic analysis of means of suggestion.*

Results. *Most significant estimates of this research are the following: the style of electronic business interaction depends on ego-states of its participants and is framed by a particular pattern. The choice of means of linguistic manipulation is predetermined by pragmatic aims of an addressee and represented on linguistic and macrolinguistic levels.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of psycholinguistics that explains behavior of producers in business cyber discourse as well as in the theory of intentionality of verbal behavior.*

Keywords: *voluntative function; linguistic manipulation; electronic business transaction; patterns of business interaction; ego-state.*

Волюнтаривная функция является одной из фундаментальных функций языка, а в контексте делового взаимодействия она приобретает особое значение. Несмотря на достаточно солидный корпус исследований данного пространства (В.В. Виноградов, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю.Д. Апресян, П.Б. Паршин, А.П. Журавлев, А.С. Штерн, Р. Г. Мшвидобадзе, Н.Г. Губанова, Е.В. Шелестюк, О.С. Иссерс, И. Диманте, В.Е. Черняевская, Р.М. Блакар, Г. Шиллер, Р. Бендлер, Дж. Гриндер и др.), изучение оптимизации речевого воздействия не теряет своей актуальности ввиду определенной лакунарности: в научном лингвистическом сообществе нет единого понятийного аппарата относительно самой сути речевого манипулирования и способов его осуществления. Всестороннее изучение данного феномена представляется крайне важным, т.к. с одной стороны, использование ресурсов суггестии способствует достижению цели отдельных индивидов, а, с другой стороны, помогает распознать и заблокировать манипуляционное воздействие.

В данной статье представлено описание механизмов реализации волюнтаривной функции в электронном деловом дискурсе посредством различных типов паттернов психологического воздействия, которые при определенно заложенном коде призваны оказать нужное влияние на реципиента. Достоверность результатов исследования определяется тем фактом, что его эмпирическая база представлена не квазиаутентичными примерами, но реально функционирующими текстами электронной деловой переписки между сотрудничающими компаниями.

В качестве основного инструмента нашего исследования выступает экстраполированная теория трансактного анализа Э. Берна, которая основывается на динамических принципах и имеет своим предметом межличностное поведение. Согласно этому направлению в психологии, определенные состояния его несут ответственность за поведение индивидуума. Эти состояния, или самости, определяют способы, которые использует человек в своих трансакциях» [12]. Суть системы учения Берна сводится к тому, что экстеропсихика (идентификация), неопсихика (обработка данных)

и археопсихика (регрессивное состояние) рассматриваются им как психические механизмы, которые определяют состояние его.

В контексте делового взаимодействия мы предлагаем анализировать эти состояния в структуре триады «Начальник – Коллега – Подчинённый». Этими терминами мы обозначаем взаимосвязь внутренних мотивов и внешнего поведения в деловой коммуникации, причем речь идет именно о скрытых транзакциях, которые являются мощным инструментом влияния друг на друга. Предполагается, что каждый деловой партнер обладает набором всех трех состояний (Н-К-П), и в зависимости от собственных прагматических установок действует согласно определенному паттерну, т.е. им выбирается одна из психологических ролей с присущим ей инструментарием воздействия на реципиента. Рассмотрим возможные паттерны электронной деловой транзакции на конкретных примерах.

Пример 1.

Dear V.,

We much regret having to call your attention to the account we sent to you on 25th October 2007. Having written to you on 2nd November 2007, in case the original statement had been mislaid, we can only conclude that our requests are being willfully ignored.

Payment is now long overdue, and we must ask that you settle outstanding debt of J178.64 by return of post.

Yours faithfully

Frank A.

Accounts Manager

На это письмо следует ответ:

Dear Mr. X,

I received your E-mail of November 2 and I deeply apologize for the answer delay and missed payment. We had some difficulties with our financial department. We are currently tackling this problem and hope that the payment will receive on your bank account in the nearest dates.

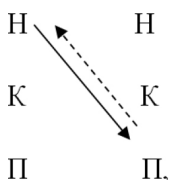
I assure you, as always happened, our absolute obligation to reach, with harmonic collaboration, the scope you have already fixed.

*We sincerely apologize for the inconvenience you have met and we want to thank you indeed for the confidence placed in our Company during **these years**.*

Best regards,

Y [5, с. 126].

Стимул исходного текста характеризуется стремлением доминировать, что проявляется в откровенном порицании реципиента за задержку платежа. Позиция адресанта в этом случае определяется его-состоянием «Начальник», соответственно он апеллирует к его-состоянию адресата «Подчиненный», транзакция при этом происходит по траектории «сверху вниз». Ввиду соответствующей прагматическим установкам отправителя письма риторики цель достигнута: адресат, чувствуя свою вину, приносит извинения, оправдывается за невыполнение условий и заискивает перед адресантом, т.е. выступает в роли «Подчиненного», при этом его коммуникация выстраивается по принципу «снизу вверх». Стоит отметить, что при такой организации транзакции, когда стимул и реакция выстраиваются параллельно друг другу, автоматически исключается конфликтность, т.к. каждый выступает в своей роли и не противоречит целеустановкам своего реципиента. Этот паттерн можно считать одним из самых предпочтительных в деловом взаимодействии. Графически это можно представить следующим образом:

где каждый участник делового общения изображен в виде набора всех трех его возможных его-состояний (Н, К, П), стрелкой обозначен стимул, идущий от адресанта, а пунктирная линия отображает ответную реакцию адресата.

Анализируя представленную электронную деловую переписку с точки зрения реализации в ней волюнтаривной функции, нельзя не отметить тот факт, что, несмотря на неравнозначное положение участников данной коммуникации («Начальник» vs «Подчиненный»), в

тексте каждого из них прослеживаются манипулятивные намерения. Так, в электронном письме «Начальника» с первых строк становится прогнозируемой его позиция: автор обращается к реципиенту по имени (*Dear V.*), невзирая на установленные этикетные нормы делового общения. Далее адресант, минуя формальности и предпочтительную амортизирующую тактику подачи негативного сообщения, сразу переходит к претензиям (*... we can only conclude that our requests are being will fully ignored; Payment is now long overdue...*), имея намерение обозначить свою доминирующую позицию в данном вопросе и вызвать чувство вины у адресата с тем, чтобы впоследствии было легче навязать ему свои условия взаимодействия.

Реципиент правильно декодировал стимул своего партнера по бизнесу и выступил в нужной для данной проблемной ситуации роли «Подчиненного», чтобы нивелировать возможный конфликт и не ухудшить сложившиеся деловые отношения. С точки зрения макролингвистического уровня, текст письма имеет грамотную структурно-композиционную организацию: сообщение начинается и заканчивается извинениями, что провоцирует не критичное восприятие действительности и призвано смягчить недовольство партнера по бизнесу из-за несоблюдения платежных договоренностей. При этом автор в своем письме достаточно равномерно по тексту использует определенные интенсификаторы, которые призваны продемонстрировать осознание им своей вины (*Ideeply apologize; our absolute obligation; We sincerely apologize; thank you indeed*), а также положительно окрашенную лексику (*confidence, absolute, to reach*, эпитет *with harmonic collaboration*) и так называемые *eye-stoppers* (*during these years; парентетическая конструкция as always happened*). Это довольно эффективная коммуникативная тактика, которая имеет целью заверить адресата в своей благонадежности, способствовать благополучному разрешению проблемной ситуации и, в конечном счете, инспирировать партнера на дальнейшее сотрудничество.

Обратимся к другому паттерну деловой транзакции, которая реализует ego-состояния партнеров на уровне «Коллега» – «Коллега» и

предполагает некий информационный обмен, стремление к сотрудничеству, т.е. общение происходит на равных.

Пример 2.

Dear Inna,

I am currently testing the machine with the labels that you sent.

As the labels are different to what I have expected, I have some difficulties especially with the very small labels.

In my e-mail dated 11.09.2007 I informed you about our recommendation regarding the label design. At that time I already expressed my assumption that we could get problems with the small labels in case the backing paper would be punched through.

With my recent test I got the proof that I was right which makes the situation even worse.

I'll make some further testing in order to find out a feasible solution for the existing labels, but I can't guarantee that it will be satisfying. Could you pls discuss this situation with your technical director and urgently inform me about his ideas.

Regards,

Stefan

На это письмо следует ответ:

Dear Stefan,

Sorry for the answer delay. As we have found out at the Russian manufacturers of the labels we can buy those without inner circle, but that's gonna increase their price considerably.

You say that you have problems only with the small labels. The only way out is to specify the dimensions so that we could substitute only these:

– Flap Wheel 90-120 (diam. 44 mm, diam. 28 mm)

– Flap Wheel 150 (diam. 58 mm, diam. 36 mm).

Thank you very much for your co-operation.

Best regards,

Inna

[5, с. 111–112].

Графически эту транзакцию можно представить следующим образом:

Н Н

К $\overset{\leftarrow}{\text{-----}} \overset{\rightarrow}{\text{-----}}$ К

П П

Дифференциальной особенностью приведенного выше электронного делового взаимодействия, свидетельствующей о равнозначности делового статуса его участников, являются элементы разговорной речи. Так, мы регистрируем употребление фразовых глаголов: *Soplease send off there quested material, I will make some further testing in order to find out a feasible solution, As we have found out...*; использование устно-разговорных оборотов: *Sorry for the answer delay, Regards, You say that..., Thank you very much*; контаминированные элементы: *that's gonna...*, что является американским разговорным инвариантом британского *that is going to*; редуцированные формы: *I'll make some further testing, I can't guarantee*; сокращения: *pcs., pls*, что соответствует «pieces» и «please», а также намеренную орфографическую деформацию прилагательного «Russian» путем написания со строчной буквы: *As we have found out at the Russian manufacturers of the labels we can buy those without inner circle...* Эта разговорно-деловая эклектика, на наш взгляд, предопределена социальными и прагматическими установками коммуникантов и призвана подчеркнуть общение с деловым партнером в режиме диалога, «без галстуков». Таким образом, в данном примере электронной коммерческой корреспонденции валюнтативная функция реализуется на уровне ego-состояний Коллега – Коллега, стимул и реакция не пересекаются, несмотря на возникшую сложность (*As the labels are different to what I have expected, I have some difficulties especially with the very small labels*), т.к. адресат правильно декодировал модальность сообщения и ушел от потенциальной конфликтности, предложив способ решения проблемы (*The only way out is to specify the dimensions so that we could substitute only*

these...), иными словами прибегнул к так называемому «коммуникативному компромиссу».

В результате проведенного скрипт-анализа некоторых паттернов электронной деловой транзакции вполне закономерными представляются следующие выводы. Основу профессиональной электронной интеракции формируют определенные эго-состояния индивидов, которые при помощи вербальных и невербальных средств воздействуют на реципиента с целью оказания на него влияния и косвенного подведения к принятию желаемого решения. Это реализуется в различных типах паттернов, которые состоят из стимула (инициирующее электронное деловое письмо) и реакции (ответный e-mail) и развиваются по определенному сценарию. В зависимости от позиций адресанта и адресата (Начальник, Подчиненный или Коллега) траектория транзакции может проходить сверху, снизу или на равных, а в зависимости от реакции на стимул – параллельно или с пересечением. Стоит отметить, что перекрестные транзакции в электронной деловой корреспонденции регистрируются крайне редко, т.к. это типично только для конфликтной модели взаимодействия, при которой эго-позиции участников коммуникации не совпадают (например, в ответ на претензию следует резкая, негативная реакция реципиента). Но в сфере бизнеса, как известно, приоритетной целью является достижение договоренности, поэтому даже в случае возникновения какой-либо противоречивой ситуации, один из деловых партнеров обязательно будет стремиться нивелировать конфликт и вывести взаимодействие в конструктивное русло, т.е. выстраивать параллельную транзакцию, при которой эго-позиции адресата и адресанта будут совпадать.

В контексте использования языка как оптимального способа выражения ментальной деятельности и эффективного средства влияния на когнитивную систему реципиента в деловом электронном дискурсе применяются специфически маркированные компоненты, которые реализуются на уровне графического оформления текста, орфографии, синтаксиса, лексики, словообразования, а также на макролингвистическом уровне: в категории личности, в

структурно-композиционной организации текста и его функционально-стилевых особенностях.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. М., 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
2. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 374 с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений. [Пер. с англ.]. М.: ЭКСМО, 2002. 314 с.
4. Бэндлер Р. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. [Пер. с англ.]. Воронеж: МОДЭК, 1995. 255 с.
5. Воробьева А.Е. Структурно-функциональные характеристики текстов электронной деловой корреспонденции (на материале английского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012. 180 с.
6. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика: [сб. ст.] сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; общ.ред. Е.В. Падучевой. М., 1985. С. 217–237.
7. Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 200 с.
8. Диманте И. Большая сила маленького слова: к вопросу о языковых манипуляциях // Русистика и современность: 13-я междунар. науч. конф.: сб. науч. ст. Рига, 2011. С. 152–156.
9. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо:Юрайт, 2000. 342 с.
10. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий. // Вестник Омского университета, 1999. Вып. 1. С. 74–79.
11. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учеб. для студентов вузов по спец. «Психология». М.: Смысл, 1997. 287 с.
12. Роменец В.А., Маноха И.П. История психологии XX века. Киев: Лыбидь, 2003. URL: <https://psyfactor.org/hist/trans-berne.htm> (дата обращения: 20.02.2019)

12. Сидоренко Е.В. Личностное влияние и противостояние чужому влиянию. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
13. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 304 с.
14. Штерн А.С. Влияние лингвистических факторов на восприятие речи: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 251 с.

References

1. Arutyunova N.D. Faktor adresata [Addressee factor]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literaturny i yazyka*. M., 1981. T. 40, no 4, pp. 356–367.
2. Belyaeva I.V. *Fenomen rechevoy manipulyatsii: lingvoyuridicheskie aspekty* [The phenomenon of speech manipulation: linguo-juridical aspects]: Dis. ... d-ra filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. 374 p.
3. Berne E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi: psikhologiya chelovech. Otnosheniy* [Games people play: the psychology of human relationships]. M: EKSMO, 2002. 314 p.
4. Bandler R. *Refreyming: orientatsiya lichnosti s pomoshch'yu rechevykh strategiy* [Reframing: neuro-linguistic programming and the transformation of meaning]. Voronezh: MODEK, 1995. 255 p.
5. Vorob'eva A.E. *Strukturno-funktional'nye kharakteristiki tekstov elektronnoy delovoy korrespondentsii (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Structural and functional characteristics of business e-mail texts (on the examples of English and German languages): Dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2012. 180 p.
6. Grays G.P. *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and speech act]. *Lingvisticheskaya pragmatika*: [sb. st.] sost. i vstup. st. N.D. Arutyunovoy, E.V. Paduchevoy; obshch. red. E.V. Paduchevoy. M., 1985, pp. 217–237.
7. Denisyuk E.V. *Manipulyativnoe rechevoe vozdeystvie: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Linguistic manipulation: communicative-pragmatic aspect]: Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2003. 200 p.
8. Dimante I. Bol'shaya sila malen'kogo slova: k voprosu o yazykovykh manipulyatsiyakh [Great power of a small word: the question of linguistic manipulation]. *Rusistika i sovremennost'* [Russian studies and modernity]: 13-ya mezhdunar. nauch. konf.: sb. nauch. st. Riga, 2011, pp. 152–156.

9. Dotsenko E.L. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [The impact of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. M.: Che Ro: Yurayt, 2000. 342 p.
10. Issers O.S. Rechevoe vozdeystvie v aspekte kognitivnykh kategoriy [Linguistic manipulation in terms of cognitive categories]. *Vestnik Omskogo universiteta*, Vol.1, 1999, pp. 74–79.
11. Leont'ev A.A. *Osnovy psikholingvistiki* [Elementary psycholinguistics]: ucheb. dlya studentov vuzov po spets. «Psikhologiya». M.: Smysl, 1997. 287 p.
12. Romenets' V.A., Manoha I.P. *Istoriya psikhologii XX veka* [History of psychology of the 20th century]. Kiev, Lybid' (2003). URL: <https://psyfactor.org/hist/trans-berne.htm>
12. Sidorenko E.V. *Lichnostnoe vliyanie i protivostoyanie chuzhomu vliyaniyu*. [Personal influence and resistance to alien influence]. SPb.: Piter, 2000. 512 p.
13. Shelestyuk E.V. *Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech manipulation: research ontology and methodology]: Dis. ... d-ra filol. nauk. Chelyabinsk, 2009. 304 p.
14. Shtern A.S. *Vliyanie lingvisticheskikh faktorov na vospriyatie rechi* [Influence of linguistic factors on the process of speech reception]: Dis. ... kand. filol. nauk. L., 1981. 251 p.

ДАнные об авторах

Воробьева Анна Евгеньевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
vorobyova@bsu.edu.ru

Виноградова Екатерина Анатольевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук

*Белгородский государственный национальный исследова-
тельский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
vinogradovakate@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vorobyova Anna Evgen'evna, Associate Professor, Ph. D. in Philo-
logical Sciences

*Belgorod State University
85, Pobedy St., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian
Federation*

vorobyova@bsu.edu.ru

SPIN-code: 3951-1224

ORCID: 0000-0002-0348-0578

ResearcherID: 0000-0002-0348-0578

Scopus Author ID: 56921937100

Vinogradova Ekaterina Anatol'evna, Associate Professor, Ph. D. in
Philological Sciences

*Belgorod State University
85, Pobedy St., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian
Federation*

vinogradovakate@mail.ru

SPIN-code: 7148-6425

ORCID: 0000-0003-4335-7731

ResearcherID: H-1877-2019

Scopus Author ID: 56921623600

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-90-97

УДК 81'255.222.118

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА
В РАССКАЗЕ С. ЛИКОКА “AN IDEAL INTERVIEW
WITH ONE OF OUR GREATEST ACTORS”***Бизикоева Л.С.*

Цель. Статья посвящена средствам создания комического эффекта в художественном произведении. Цель исследования заключается в комплексном анализе рассказа Стивена Ликока «An Ideal Interview With One of Our Greatest Actors» для выявления лингвостилистических средств, обеспечивающих достижение комического эффекта.

Основные методы, использованные в исследовании: описательно-аналитический и метод контекстологического анализа.

Результаты. Проанализировав существующие понятия комического, а также средства, репрезентирующие комический эффект в рассказе Стивена Ликока «An Ideal Interview With One of Our Greatest Actors», автор приходит к выводу, что последний достигается посредством различных стилистических приемов, главные из которых ирония и комическое преувеличение (гипербола).

Область применения результатов. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в преподавании стилистики английского языка и интерпретации текста.

Ключевые слова: комическое; комический эффект; ирония; сатира; языковые средства; стилистические приемы; гипербола.

**MEANS OF CREATING A COMICAL EFFECT
IN AN IDEAL INTERVIEW WITH ONE OF OUR GREATEST
ACTORS BY S. LEACOCK***Bizikoeva L.S.*

Purpose. The article is devoted to the means of creating a comical effect in belles-letters texts. The goal of the research is to determine the

main lexical and stylistic means Stephen Leacock employs to achieve comical effect in his story An Ideal Interview with One of Our Greatest Actors.

*The main **methods** of the research are based on the analytical-descriptive one and the method of contextual analysis.*

Results. *Having analyzed the existing definitions of the term “comical”, as well as the stylistic devices Stephen Leacock employs in his story, we came to the conclusion that comical effect is achieved by means of various stylistic devices, mainly irony and hyperbole.*

Practical implications. *The received results can be used in teaching stylistics of the English language and stylistic analysis of the text.*

Keywords: *comical; comical effect; irony; satire; lexical means; stylistic devices; hyperbole.*

Понятие «комическое» представляет собой одну из наиболее сложных философско-эстетических категорий, которая еще со времен Аристотеля является объектом исследования практически всех гуманитарных наук: философии, эстетики, лингвистики и многих других. В силу отсутствия границ, разделяющих такие понятия как «комическое», «юмор», «ирония», четкой теории комического до сих пор не выработано. Именно этот факт влияет на перманентный интерес исследователей разных областей науки к этой категории.

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению языковых средств, использующихся исключительно в целях создания комического эффекта в художественном произведении, проблема остается открытой. Это, по мнению некоторых исследователей, можно объяснить тем, что до сих пор не разработана единая система, которая включала бы все языковые средства создания комического эффекта [4, с. 92–95]. В настоящей статье мы попытаемся еще раз провести параллель между факторами, связывающими понятие «комическое», «комический эффект» с языковыми средствами достижения этого эффекта в художественном произведении.

Как правило, для достижения комического эффекта автор произведения использует все языковые средства, а именно: фонетиче-

ские, лексические, грамматические и фразеологические. Писатель, цель которого достижение комического эффекта, должен уметь придавать используемым средствам сатирическую или юмористическую окраску.

Объектом нашего исследования явился рассказ одного из непревзойденных мастеров жанра юмористического рассказа, канадского писателя Стивена Ликока «An Ideal Interview With One of Our Greatest Actors». Выбор именно этого произведения С. Ликока был неслучаен. В отличие от рассказов «How We Kept Mother's Day», «How to Avoid Getting Married», «My Financial Career» и некоторых других, «An Ideal Interview With One of Our Greatest Actors» не так известен широкому кругу читателей. Если в рассказах «My Financial Career», «The Life of John Smith», «Melpomenus Jones» С. Ликок и подсмеивается над своими незадачливыми героями, над их слабостями и недостатками, и это добродушный смех с большой долей симпатии, то в серии рассказов «An Ideal Interview With.....» юмор С. Ликока приобретает совсем иной оттенок. Он изображает самодовольных, преуспевающих актеров, писателей, ученых, которые сумели занять прочное место в современном коммерческом мире. Тем не менее, именно этот рассказ, по нашему мнению, как нельзя лучше демонстрирует мастерство С. Ликока достигать комического эффекта.

Для раскрытия характера героя большое значение имеет его роль в произведении. В свое время теоретик комедийного жанра Н.М. Федь писал, что комический персонаж «должен быть собирательным, типизированным, обобщенным, перегруженным, преувеличенным. В противном случае он будет похож на «обыкновенного человека» и превратится в плоскую копию отдельного человека» [3, с. 3–4]. Именно таким персонажем мы сталкиваемся в рассказе «An Ideal Interview With One of Our Greatest Actors». Главный герой – некий «великий» актер, добиться интервью с которым стоило невероятных усилий, выходит на авансцену и не покидает ее на протяжении всего рассказа. Он превращает интервью в спектакль, где он главное, и, пожалуй, единственное действующее лицо, а журналист выступает его восторженным зрителем.

Комизм ситуации прослеживается с самого начала рассказа, когда журналист входит в кабинет «великого» актера и застаёт его сидящим в глубоком кресле. В руках у «великого» актера его собственная фотография. Он всматривается в нее так, словно пытается проникнуть в непроницаемую тайну.

On his knee before him lay a cabinet photograph of himself. His eyes seemed to be peering into it, as if seeking to fathom its unfathomable mystery. We had time to note that a beautiful carbon photogravure of himself stood on a table at his elbow, while a magnificent half-tone pastel of himself was suspended on a string from the ceiling [5, с. 151].

В качестве средства иронической характеристики «великого» актера С. Ликок использует описание его кабинета. По всему кабинету разложены его портреты: один – фотография в рамке, другой – прекрасная фотогравюра, третий – его роскошный портрет, написанный пастелью. Эпифора *of himself* указывает на самовлюбленность «великого» актера.

«Великий» актер заявляет, что устал от публичности, но когда журналист начинает было говорить, что не будет печатать интервью, «великий» актер, глубоко возмущенный этим фактом, прерывает его: *“Publicity!” he murmured rather to himself than tous. “Publicity! Why must one always be forced into publicity?”*

It was not our intention, we explained apologetically, to publish or to print a single word...

“Eh, what?” exclaimed the Great Actor. “Not print it? Not publish it? Thenwhatin...” [5, с. 152].

Известно, что одним из самых лучших способов достижения комического эффекта является контраст. В художественном тексте контраст – один из видов семантико-стилистической организации текста; он проявляется как на фонетическом, морфологическом, лексическом, так и на синтаксическом уровне [2]. Журналист задает «великому» актеру вопрос, считает ли он себя трагическим либо комическим актером: *“And now,” we began, ‘may we be permitted to ask a few questions about your art? And first, in which branch of the drama do you consider that your genius chiefly lies, in tragedy or in comedy?’* [5, с. 152].

Абсолютно не задумываясь, «великий» актер заявляет, что его «гению» прекрасно удаются как трагические, так и комедийные роли:

"In both," said the Great Actor. <...> "I excel in each of them." [5, с. 152].

Журналист пытается перефразировать вопрос и говорит, что «великий» актер, наверное, хотел сказать, что он скорее трагик, чем комик. «Великий» актер парирует: *"My genius demands both tragedy and comedy at the same time."* [5, с. 152].

Комический эффект возникает на основе противопоставления понятий «трагик» и «комик». Наш актер настолько гениален, что ему ничего не стоит сыграть как роль Гамлета, так и, например, Петруччо из комедии «Укрощение строптивой». Обращает на себя внимание «скромность» актера. Он, как бы не замечая, что журналист называет его «гением», вторит ему: «Мой гений – это трагик и комик одновременно».

Одним из способов достижения комического эффекта могут стать похвала и одобрение. В сочетании с другими словами и при наличии иронической интонации они могут приобретать прямо противоположное значение и превращаться в средство достижения комического эффекта [1, с. 474–478].

Так, на слова «великого» актера, что он совершенно по-новому сыграет роль Гамлета, журналист восклицает: *"A new Hamlet! Is such a thing possible?"* [5, с. 153].

Но в чем же новизна роли Гамлета в интерпретации «великого» актера? Он переодевает Гамлета в одежду из коричневого бархата вместо черного, поскольку после тщательного изучения исторических данных он пришел к выводу, что черного бархата в то время просто не существовало. Журналист восклицает, что это просто революционное видение Гамлета: *"In Shakespeare's days I could prove it in a moment if you had the intelligence to understand it, there was no such thing as **black velvet**. It didn't exist."*

"And how then," we asked intrigued, puzzled and yet delighted, "do you present Hamlet?"

*"In **brown velvet**," said the Great Actor.*

*"Great Heavens," we exclaimed, "this is **a revolution**." [5, с. 154].*

Комический эффект достигается посредством гиперболизации слова *revolution*.

Следующим случаем гиперболизации является заявление «великого» актера о том, что для известной сцены с черепом Йорика ему не понадобилось ни единого слова. Журналисты так впечатлены, что называют это не просто революцией (*revolution*), а откровением (*revelation*): *“Why!” we exclaimed, beside ourself with excitement, “this is not merely a revolution, it is a revelation.”* [5, с. 154].

Комический эффект производит также лингвистическое обгрывание фигуральных выражений и афоризмов, паремий, фразеологизмов и т.п.

При упоминании известной фразы из монолога Гамлета «To be or not to be», «великий» актер заявил, что на самом деле этот монолог Гамлет произносит про себя, что он сыграет этот монолог в абсолютной тишине. На вопрос изумленного журналиста, как ему это удастся сделать, «великий» актер отвечает, что он будет играть исключительно своим лицом: *“Now observe. It is a soliloquy. Precisely. That is the key to it. It is something that Hamlet says to himself. Not a word of it, in my interpretation, is actually spoken. All is done in absolute, unbroken silence.”*

“How on earth,” we began, ‘can you do that?’

“Entirely and solely with my face.” [5, с. 155].

Но как же это возможно сыграть монолог без слов? Взглянув на лицо «великого» актера, журналист понял, что это возможно: *Goodheavens! Was it possible? We looked again, this time very closely, at the Great Actor’s face. We realized with a thrill it might be done.* [5, с. 155].

Наряду с вышперечисленными приемами весьма продуктивными средствами, реализующими комическую установку автора, являются многочисленные восклицания журналиста. На каждую реплику «великого» актера, он восклицает “Good heavens!”, “Wonderful!”, “Marvellous!”

Но кульминацией интервью явилось заявление «великого» актера, что ему не нужен текст Шекспира, что он прекрасно может обойтись и без этого текста, что Шекспир «ограничивает»

его: “*Shakespeare cramps me. What I really mean to convey is not Shakespeare, but something greater, larger, how shall I express it – bigger.*” *The Great Actor paused and we waited our pencil poised in the air. Then he murmured, as his eyes lifted in an expression of something like rapture. “Infact – Me”.* [5, с. 156].

Комический эффект создается при помощи приема градации. В экстазе «великий» актер заявляет, что он задумал передать нечто более грандиозное. Синонимичные прилагательные *greater, larger, bigger*, которые «великий» актер использует для описания своего собственного видения пьесы Шекспира, ни что иное как дифирамбы, которые он поет самому себе.

Проведенный анализ показал, что в рассказе С. Ликока «An Ideal Interview With One of Our Greatest Actors» наблюдается частое смешение форм, приемов и стилистических средств создания комического эффекта. Несмотря на это автору прекрасно удалось добиться своей цели, а именно выразительной комичности. Среди лексико-стилистических средств создания комического эффекта преобладающими в рассказе являются ситуативно-обусловленная ирония, создаваемая посредством похвалы, комическое преувеличение (гипербола), контраст, параллельные конструкции и эпитеты.

Список литературы

1. Сафонова Е.В. Формы, средства и приёмы создания комического в литературе. Молодой ученый. 2013. №5. С. 474–478: <https://moluch.ru/archive/52/6970/> (дата обращения: 09.01.2019).
2. Степанова Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект). <http://www.thinkaloud.ru/science/step-abstract.pdf> (дата обращения: 01.04.2019).
3. Федь Н.М. Искусство комедии. М.: Наука, 1978. 216 с.
4. Цикушева И.В. Лингвистические средства создания комического эффекта в сказках // Вестник АГУ. Сер. Филологияиискусствоведение. Майкоп, 2008. Вып. 10. С. 100–103.
5. Leacock S. Perfect Lover’s Guide and Other Stories. Moscow: Foreign Languages Publishing House. 1963. 344 с.

References

1. Safonova E.V. Formi, sredstva i priemi sozdaniya komicheskogo v lirerature [Means of creating comical in literature]. *Molodoy ucheniy*. 2013. № 5, pp. 474–478. <https://moluch.ru/archive/52/6970/>
2. Stepanova N.Y. *Kontrast kak sredstvo sozdaniya komicheskogo effekta (lingvostilisticheskii aspekt)* [Contrast as a means of creating comical effect (lingvostylistic aspect)]. <http://www.thinkaloud.ru/science/step-abstract.pdf>.
3. Fed N.M. *Iskusstvo komedii* [Art of comedy]. M.: Nauka, 1978. 216 p.
4. Tsikusheva I.V. Lingvisticheskie sredstva sozdaniya komicheskogo efekta v skazkah [Linguistic means of creating comical effect in fairy tales]. *Vestnik AGU. Ser. Filologiya i iskusstvo vedeniye*. Maikop, 2008. Issue 10, pp. 100–103.
5. Leacock S. *Perfect Lover's Guide and Other Stories*. Moscow: Foreign Languages Publishing House. 1963. 344 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Бизикоева Лана Сергеевна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка, факультета иностранных языков
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
tmz.b@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bizikoeva Lana Sergeevna, Associate Professor of the English language Chair, Ph.D. in Philological Science, Faculty of Foreign Languages
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutinst., Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
tmz.b@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6814-2134

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-98-122

УДК 811.581'36

ВИДОВЫЕ (АСПЕКТАЛЬНЫЕ) ГРАММЕМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ФРАГМЕНТ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В ЦЕЛЯХ РКИ)

Акимова И.И., Григорова Е.А., Омарова Л.А.

Актуальность. *Выражение временных и тесно связанных с ними аспектуальных значений русского глагола – весьма сложный фрагмент грамматики русского языка, что заставляет специалистов-практиков обращаться к родному языку учащегося или к языку-посреднику. Практика показала, что сопоставительный (контрастивный) анализ, проводимый в учебных целях, особенно актуален в аудитории носителей неевропейских языков, в частности, китайского языка, который, как известно, хотя и является аналитическим, но не похож на европейские языки по способу выражения лингвоуниверсальных временных и аспектуальных значений.*

Цель и методика. *Исследование выполнено в направлении функционально-коммуникативной фундаментальной прикладной грамматики русского языка [9]. С целью создания лингводидактического описания русского языка как иностранного для аудитории многочисленных китайских учащихся мы рассматриваем фрагмент грамматики глагольного вида в сопоставительном аспекте.*

Методы исследования. *Статья предназначена для практиков-руссистов, в основном не владеющих китайским языком, примеры могут быть использованы в китайской аудитории, этим обусловлена необходимость калек (без изменения форм русского слова) и латинской транскрипции китайских примеров в системе 汉语拼音 Hànyǔ pīnyīn (Ханьюй пиньинь). Сравнительный (контрастивный) метод позволяет учесть лингвистическую относительность и сформировать у учащихся – носителей китайского языка алгоритм перекодировки путем использования учебного перевода как обучающего приема.*

Результаты. В статье показаны различия способов выражения временных планов предложения-высказывания и аспектуальности в китайском и русском языках, что вынуждает практиков РКИ искать иные способы представления данной категории, чем принятое в базовых учебниках приписывание формам совершенного вида значений «однократность» и «результат», а также семантический признак «изменение ситуации», а формам несовершенного вида – значений «факт», «процесс» и «повторяемость». Дело в том, что ряд граммем не противоречат друг другу (процес с и повторяемость; факт и результат), а сами эти граммемы проявляются в видовременных формах не любых глаголов, а только у глаголов определенных семантических (аспектуальных) классов.

Область применения результатов исследования. Результаты исследования актуальны для лингводидактического описания глагольного вида как одной из категорий (функционально-грамматической), предназначенной для выражения универсально-языковых значений аспектуальности, и для оптимизации преподавания РКИ китайским учащимся и создания грамматики глагольного вида в педагогических целях.

Ключевые слова: функционально-коммуникативная лингводидактическая (педагогическая) модель языка; китайский язык; время глагола; аспектуальность.

VERBAL ASPECT IN RUSSIAN AND INDICATORS OF VERB TIME AND ASPECT IN THE CHINESE LANGUAGE: TO THE QUESTION OF THE DESCRIPTION OF RUSSIAN AS A FOREIGN: TO THE QUESTION OF THE DESCRIPTION OF RUSSIAN AS A FOREIGN

Akimova I.I., Grigorova E.A., Omarova L.A.

Relevance. The expression of the temporal and closely related aspects of the Russian verb is a very complex fragment of the Russian grammar, which makes practitioners working in the Chinese audience turn to Chi-

nese student's native language. Practice has shown that comparative (contrastive) analysis conducted for educational purposes is particularly relevant in the audience of speakers of analytical Chinese, which, as is well known, is far from Russian in its typology, from European analytical languages in terms of expressing (linguo-universal) temporal and aspect values.

Purpose and methodology. In order to create a linguodidactic description of Russian as a foreign language for our numerous Chinese students audience, we consider this fragment of grammar in a comparative aspect. The research was carried out in the direction of the functional-communicative fundamental applied grammar of the Russian language [9].

Research methods. The comparative (contrastive) method allows us to understand the barriers of students who are carriers of a particular language (Chinese), take linguistic relativity into account and form a transcoding algorithm for students.

Results. The article shows the differences in the ways of expressing the time plans of the sentence-statement and aspectuality in Chinese and Russian. This forces Russian practitioners to look for other ways to represent this category, than the meaning of "momentariness" and "result, change of the situation assigned to perfect forms in the basic textbooks, and to the imperfect forms – the meaning "fact", "process" and "repeatability". However, a number of grammemes do not contradict each other (process and repeatability; fact and result), and these grammemes themselves manifest in the kinds of tense forms of verbs of strictly defined semantics.

The scope of the research results. The results of the research are relevant for the linguodidactical description of the verb form as one of the categories (functional grammatical), intended to express the universal-language meanings of aspectuality, and intended to optimize the teaching Russian as a foreign Chinese students and to create a grammar of the verb form for pedagogical purposes.

Keywords: functional-communicative linguodidactic (pedagogical) language model; Chinese; verb tense; aspectuality.

Введение

На заре становления дисциплины «русский язык как иностранный» создавались учебники русского языка для поляков, болгар, венгров и других национальностей (в первую очередь это были учащиеся из стран-участниц Союза экономической взаимопомощи (СЭВ), среди которых было много носителей славянских языков. По мере расширения географии обучаемых от принципа национально-ориентированного обучения было решено отказаться.

Однако для так называемых «экзотических» языков (к примеру, африканских, тюркских) задача создания национально-ориентированных грамматик не ставилась и практически не решалась, как и для китайского языка. Возможно, в этом не было большой необходимости, так как языковые контакты русских и китайцев были довольно тесными вплоть до 1945–1960 гг. XX века – периода исхода русской эмиграции. Заметим, что до революции в Китайской народной республике в приграничных районах (в Манчжурии) проживало значительное количество русских специалистов, строивших и обслуживавших КВЖД. После революции Харбин стал центром русской эмиграции. Однако в результате «культурной революции» в 70-х гг. XX в. вплоть до 90-х гг. китайцы опасались признаваться в знании иностранных языков и уж тем более говорить на них. В результате число владеющих русским языком китайцев резко снизилось.

Новый всплеск торговых отношений между Россией и КНРВ начале XXI в. вызвал резкую смену контингента обучающихся в российских вузах. Сегодня Китай является стратегическим партнером России, и количество китайских учащихся продолжает расти и в России, и в Китае, однако хороших результатов обучения достигают далеко не все китайские учащиеся.

Более чем пятнадцатилетняя практика работы с китайским контингентом учащихся позволяет нам утверждать, что в мононациональной китайской группе целесообразно более широко использовать лингвистической компетенции учащегося, предлагая ориентированные на китайский язык контрастивные описания и методы обучения, позволяющие опереться на язык учащегося. Речь

должна идти, в частности, о методе прямого и обратного перевода и об использовании «грамматического навигатора» по лингводидактическим единицам (синтаксемам), репрезентирующим семантическую структуру (основные значения) функционально-семантических категорий русского языка [6].

Предложенный нами подход был выработан в рамках лингвистического направления функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка [7; 9]. В пионерской работе [15] был выработан принцип сопоставительного анализа именных синтаксем, положенный в основу «грамматического навигатора» [6]. В силу лингвистической относительности языковые категории могут иметь различные значения, их структурирующие, различный языковой статус. Сопоставление различных по типологии языков – русского и китайского – необходимо и оправдано в педагогических целях: преподаватель-русист должен быть знаком с основными принципами структуры языка учащегося, с тем чтобы понимать и предотвращать интерферирующее влияние родного языка.

Результаты и обсуждение

Покажем типологические различия выражения видовременных значений русского языка и временных значений китайского языка. В русском языке в личной глагольной форме синтетическим способом (в рамках одного слова) передаются значения объективной (внешнесинтаксической) модальности как совокупности значений наклонения, лица, грамматического времени, грамматического вида (аспекта).

Русский глагольный вид, как важнейшее грамматическое средство выражения аспектуальности, неразрывно связан с грамматическим временем. Как хорошо известно, в глагольной лексеме синтетического русского языка, стоящей в определенной видовременной форме, неразрывном единстве выражаются аспектуальные значения и грамматические значения настоящего, будущего и прошедшего времени. По этой причине нецелесообразно рассматривать категории вида и времени глагола отдельно. Заметим, что грамматическая

категория времени в свое время была выведена А.В. Бондарко из зоны темпоральности в широко понимаемый таксис, и это правильно, так как возможны транспозиции форм [10]. Глагольное время – функционально-грамматическая категория, а не семантическая. В функционально-семантическое поле темпоральности входят категории именной и наречной темпоральности, средства которых теснейшим образом связаны с видовременными значениями глагольных форм механизмом лексико-грамматической и грамматической сочетаемости.

Как известно, в русском языке только глаголы в настоящем времени не имеют формы совершенного вида, тогда как в прошедшем и будущем временах для большинства глаголов функционируют сразу обе формы глагольного вида. Исключение составляют глаголы, выведенные из видового противопоставления.

Специфика русского глагольного вида состоит в том, что вид – это еще один способ выражения категории времени, наряду с грамматическим временем *пишу – писал и написал – напишу* и категорией фазисности, частными случаями реализации которой являются, с одной стороны, глагольные сочетания *начал / продолжил / закончил что делать*, а с другой – глаголы начинательного СГД типа *пойти, заговорить, запеть* и ограничительного СГД (*петь в караоке с часок и пропеть всю ночь; поработать немного и проработать всю жизнь* и т.п.).

Наше понимание сути видового отношения основано на достижениях лингвистического направления функционально-коммуникативного синтаксиса (функционально-коммуникативной фундаментальной прикладной грамматики М.В. Всеволодовой [9;10;12]) и значительно отличается от модели А.В. Бондарко [8].

В зависимости от аспектуального характера глагольной лексики, грамматические формы вида выражают конкретные аспектуальные семы. Значения форм грамматического вида различаются для логически предельных (типа *писать – написать*) и логически неопредельных глаголов. Логически предельные глаголы имеют конфигурацию сем ‘Лимит’ = ‘начало + протяженность + завершен-

ность', на сему 'начало' впервые указала М.Я. Гловинская [13]. У глаголов логически предельных действий в форме несовершенного вида акцентируется сема 'протяженность', а в форме совершенного вида – 'завершенность'.

Мы исходим из того, что гиперсемами СВ и НСВ являются семы 'единичность' и 'повторяемость' соответственно, но гиперсема 'единичность' может иметь разное аспектуальное наполнение:

- у глаголов логически предельных действий (обычно переходных) типа *рассказал (историю), написал (книгу, статью), построил (дом), прочитал (20 страниц)*;
- у неопредельных глаголов типа *посадил (дерево), упал, прыгнул, взял, дал, увидел, толкнул и толкнул, пляснул*;
- 'одноактность' (у ряда других глаголов с –ну-: *моргнул, чихнул, кашлянул, вздохнул и всхрапнул, вскрикнул* и др.).

1. Очевидно, что у логически предельных глаголов сема несовершенного вида 'повторяемость' не противоречит семе 'протяженность' и может выражаться одновременно с ней, ср.: *он решает задачу (уже час и еще не решил – 'Единичность'. 'Протяженность' и он решает задачи каждый день – 'Повторяемость'. 'Протяженность'. Сема 'Завершенность', входящая в состав семы 'Лимит' логически предельных глаголов, также не исключает сему 'повторяемость': по два платья в месяц шьет, по пять задач за день / в день решает.*

Аспектуальная сема 'повторяемость' выражается при помощи совершенного вида логически предельного глагола с контекст-партнером квантитативом, когда ряд однотипных действий представлен как одна целостная ситуация: *За день пять задач решил (СВ)*. Ср.: *за день по пять задач решил / решает (НСВ)*, где акцент делается на повторении *всей* аспектуальной ситуации 'Лимит' = 'начало + протяженность + завершенность'.

2. Логически неопредельные (нехарактеризованные и характеризованные) глаголы в форме совершенного вида выражают: 1) начало действия (*услышать шум, узнать секрет, увидеть, пойти, запеть*), 2) одноразовость действия (*прийти, купить, спросить*,

упасть, сказать, отправить (письмо), наестся, крикнуть, толкнуть, соснуть, сказануть наготовить), 3) одноактность (чихнуть, толкнуть) [8; 9].

Соответственно, формы несовершенного вида таких глаголов выражают:

1) многоразовость (*прыгал с парашюта много раз, часто приходил гостис женой и сыном, всякий раз громко кричал мне при встрече (а хаживал, вскрикивал и покрикивал – разные способы глагольного действия)*);

2) многоактность (*прыгает на батуте / кувыркается в аэротрубе по два часа каждый раз; чихаю /чихалпо тридцать раз кряду*).

Только в совершенно особом контексте пересмотра или переслушивания записи возможно нормативное употребление форм НСВ настоящего времени с квантитативами: *Смотри! Он дважды прыгаетаксель в два с половиной оборота. Слышишь? Он два раза кричит*.

Только глаголы однократного (многократного) действия способны сочетаться с квантитативами типа *дважды* и *два раза*: *за субботу позвонили/ пришли два раза /дважды; за субботу звонили/ приходили два раза /дважды; был ранен дважды / два раза. Но брал /*взял кредит дважды в жизни (жизнь не кончилась) и взял кредит второй раз в жизни*.

Непредельные глаголы одноразовых действий с минимальной длительностью могут выступать в логически-предельных лексико-семантических вариантах (семный состав ‘начало + процессность + результативность’), что объясняет их способность реализовывать сему ‘протяженность’: *И пока я падал...; в то время как / когда он покупал / получал / брал / давал что где (у кого) / что кому... в частности, сочетаться с именными темпоральными группами со значением ‘Одновременность. Время, полностью занятое действием’*. Ср.: *астронавт кричал девять минут кряду (Инт.), Ты видел, как красиво он прыгал с вышки!* Ср. глаголы со значением многоактности: *Он прыгал с вышки целый час (= пропрыгал)*. Аналогичные отношения между ЛСВ целоваться 1 и 2: *Молодожены целовались 15 секунд*, ср.: *Они целовались весь фильм (= процеловались)*. Лек-

сико-семантические варианты глаголов с семей 'протяженность' в форме СВ прошедшего времени можно заменить на транспонированные формы настоящего времени со значением настоящего исторического: «*вот иду я вчера и вижу*» вместо «*шел и увидел*». Ср. актуальное (наблюдаемое) настоящее: *И вот они целуются уже тринадцатую секунду...*

Перейдем к краткому анализу способов выражения аспектуальности в китайском языке. Китайский язык – аналитический, с иероглифической письменностью. Собственно морфологические явления (словоизменение) развиты слабо, важнейшим грамматическим средством является порядок слов. Имеются грамматикализованные показатели наклонения, времени, аспектуальности– послелоги глаголов.

О средствах выражения в китайском языке собственнорезультативности как одного из значений аспектуальности – результативных и направительных морфемах – уже было сказано в [2;3;4], поэтому здесь остановимся на средствах выражения прямого времени (объективного таксиса). Существенно отметить, что лексико-грамматическая сочетаемость полнозначных глаголов и их аспектуальных показателей имеет логические (аспектуальные) основания, описанные в [16].

В китайском языке на метаязыковом уровне выделены два аспектуальных класса глаголов – 1) результативных (по З. Вендлеру [17]: свершений, достижений) и 2) нерезультативных (непредельных процессов и состояний). Аспектуальный класс результативных глаголов грамматикализован посредством результативных морфем разных типов, выступающих аспектуальными показателями. Заметим, что к видовому русскому языку аспектуальная классификация, предложенная З. Вендлером, едва ли может быть применима, так как одно и то же действие может быть названо двумя (а то и тремя-четырьмя!) разными лексемами (*махать – помахать вслед рукой; стукнуть – стучать – постучать в дверь; приходиться – прийти – ходить и хаживать; засыпать – заснуть – спать – поспать/проспать; плясать – сплясать – пляснуть* (СГД) и т.п.), а разные

действия могут передаваться одним словом в разных лексико-семантических вариантах (*враги окружили и лес окружает город; дети выходят в сад и окна выходят в лес* (пример Г.А. Золотовой), *бежал быстро и бежал дважды из тюрьмы; брат пьет чай и Отец пьет* (= пьющий, пьяница).

Случаев, когда лексическое и/или грамматическое значение глагола определяется контекст-партнерами, в русском языке много. Из этого следует, что словарные списки глаголов по аспектуальным классам создать, скорее всего, нельзя, или не для всех глаголов, однако в каждом конкретном речевом акте глагол нужно характеризовать в соответствии с определенной аспектуальной ситуацией, в первую очередь определить предельный или непредельный характер действия ('лимит' или 'не-лимит'), а затем его значение по признаку одно- / многократности или одно- / многоактности (*трижды прыгал/прыгнул с шестом / прыгал час; дважды / два раза приходил*, но нельзя (или можно?) в прямом значении о человеке **пришел дважды*, так как аннулированный результат – *пришел и ушел*, хотя интернет дает примеры *Война пришла дважды. Счастье не приходит / приходит дважды. Куда обращаться, если транспортный налог пришел дважды?*). И каждое употребление точно выражает аспектуальную ситуацию, на базе учета которых необходимо строить систему видовременных значений глагольных форм в прямом и переносном употреблении во всех трех временных планах для коммуникативного и нарративного речевых режимов [11, 2].

В китайском языке нет форм времени в привычном для европейских языков понимании, но, как и в русском, есть три временных плана: настоящее, прошедшее, будущее, и существуют свои, этноспецифичные, конкретно-языковые средства выражения аспекта и таксиса (отнесенности действия или высказывания к временному плану).

В китайском языке на значение времени в первую очередь указывают темпоральные слова *вчера, сегодня, завтра* и др., которые в китайском языке являются именами существительными, наречия *уже, скоро, потом, раньше* и др. (в силу особенностей одной из трех временных моделей учащиеся часто путают *раньше* и *потом*, как как

если бы человек пятился в будущее, устремляя взгляд в прошлое) или именные группы (*в следующем году*), относящие высказывание к плану настоящего, прошедшего, будущего. В русском языке именные и наречные темпоративы – это важнейшие контекст-партнеры при выражении значений аспектуальности (*за утро решил две задачи; все утро писал отчет; два часа шел домой; утром работал; утром / за утро дважды звонил / позвонил, написал отчет, летом ездил / съездил в деревню; по утрам плавает два часа; по два часа плавает утром*), а в китайском это скорее показатели времени, так как аспектуальный характер действия выражается лексическим значением глагола (и это универсалия) и аналитически – глагольным формантом в постпозиции.

Разнообразные формальные показатели времени (глагольные послелогии), как правило, служат выражению времени (таксиса) и аспекта – внутренних характеристик самого действия, однако их отсутствие может быть значимо. И это тоже сходство с русским языком: в безглагольных предложениях типа *Светает. Вечер. Зима. Миру – мир! Мир, труд, май!* и т.п. время выражается синтаксически.

Для выражения плана будущего в китайском используются так называемые потенциальные синтаксические конструкции. В русском языке категорию потенциальности обслуживают формы несовершенного и совершенного вида (*буду писать, напишу*), однако это не единственные способы выражения. Так, с потенциальностью связаны повелительные (*Напиши ему письмо. Пиши! Пусть пишет / напишет*) и модальные конструкции (*Надо / можно писать / написать* и др.), в том числе с глаголом в форме сослагательного наклонения (*Написал бы он письмо президенту! Уехать бы тебе!*).

Важно понимать, что грамматическое время русского глагола может выражать временной план прямо или с переносом. Приведем примеры предложений китайского языка, соотнесенных с разными временными планами, в которых выражается прямое время.

1. **Настоящее время.** При отсутствии в предложении лексических средств, задающих временной план (типа *вчера* 昨天 *zuótiān*, *завтра* 明天 *míngtiān*; *теперь* 现在 *xiànzài*, *тогда* 然后 *ránhòu*).

Глагол с локализатором 在 zài 正在 zhèngzài в препозиции к глаголу без показателей результативности выражает реальное настоящее время: *Студенты читают в библиотеке.* 学生在图书馆看书。Xuéshēng zài túshū guǎn kànshū. Я делаю пирог. 我做一个蛋糕。Wǒ zuò yīgè dàngāo (ср. прошедшее время: Я сделала пирог. 我做了一个蛋糕了。Wǒ zuò yīgè dàngāo le).

Прямое значение настоящего времени не составляет понятийной трудности для китайцев, однако есть существенные формальные трудности, связанные со спряжением русского глагола. Лексическое выражение времени (*Иду я вчера и вижу...*) в русском языке позволяет осуществлять грамматические переносы глагольных форм. С переносным употреблением видовременных форм, в том числе для выражения текстового времени, связан значимый языковой барьер.

2. Прошедшее время. Русским формам прошедшего времени в КЯ соответствует одна и та же лексема – глагольная морфема (или комплекс), оформленная при помощи так называемых результативных морфем [16, с. 414] (глагольных формантов аспектуально-временного значения), стоящих всегда после глагола. Выбор результативной морфемы зависит от аспектуальных характеристик действия. Для логически предельных глаголов это может быть 完, 了, 到 и другие. На результативную завершенность действия «писать» указывает объект «одно определенное письмо» и показатель глагола 了: 写了一封信。Xiě le yī fēng xìn. Букв.: Написал один кошелок письма.

Глаголы неопределенной семантики (одноразового действия) типа *приехать, встретит, съездить* и другие присоединяют в качестве показателей результативности направительные морфемы. Например, *встречался / встретился* 见面 jiàn miàn + показатель аспекта 了 le для однократного действия или 过 guo. Глаголу с формантом 过 guo в русском языке соответствует общефактическое, ср.: 你有没有去过中国? Nǐ yǒu méiyǒu qùguò zhōngguó? На русский язык правильно перевести «Ты когда-нибудь ездил в Китай / был в Китае?», однако можно спросить «Ты ездил в Китай?» 你去过中国吗? Nǐ qùguò zhōngguó ma? в отличие от конкретно-фактического значения:

«Ты съездил в Китай, как планировал?» 你按计划去了中国吗? Nǐ àn jìhuà qù le zhōngguó ma? Об особенностях дистрибуции форм вида в обще-фактическом и конкретно-фактическом значении прошедшем времени в русском языке см. [3].

Формальные маркеры аспектуальности в китайском языке указывают на временной план, а их морфологическая сочетаемость, как уже говорилось, определяется аспектуальной семантикой глагольного слова. Сводная таблица направительных и результативных морфем КЯ насчитывает более 250 единиц [16, с. 312]. Морфемы результативности и направленности в китайском языке выражают следующие признаки действия: квантифицируемость, успешность, превращение, готовность, норма / аномальность, контакт, недопущение дистантности vs. недопущение контактности, появление объекта в сфере субъекта vs. исчезновение объекта из поля зрения наблюдателя, направление не вниз, продолжительность, вхождение в состояние, доведение действия до конца [16, с. 285].

2. **Будущее время** в китайском языке имеет разнообразные средства выражения. Это и контекстные средства именной и наречной темпоральности (*завтра, в следующем году, скоро*), и показатели плана будущего 将 jiāng, и средства выражения модальности возможного (потенциальности) 会 huì (мочь), 可以 kěyǐ (мочь), 能 néng (мочь), для планируемого действия 要 yào (надо), 将要 jiāngyào (совсем скоро случится), а также потенциальные синтаксические конструкции с 的 de и 了 / 不了 liǎo / bùliǎo.

1. Если есть контекстные указатели на план будущего, то указанные показатели не нужны, ср.: *Завтра 1 сентября ребенок пойдет в школу*. В КЯ: 明天, 9月1日孩子上学。Míngtiān, 9 yuè 1 rì háizi shàngxué. *明天去莫斯科*. Míngtiān qù mòsīkē. *В следующем году кубок мира [пройдет] в Южной Африке*. В КЯ букв. «проходит», в РЯ можно обойтись без глагольного предиката. *Скоро [будут] каникулы*. 快放假了。Kuài fàngjià le. – Букв.: Наступать каникулы [16, с. 395] (результативная морфема, используется для указания на смену ситуации; обычно указывает на прошедшее время).

2. Примеры с нулевым показателем времени, выражающие план будущего [8, 395]. 小王睡觉。Xiǎo Wáng shuìjiào. Сяо Ван [будет] спать. Ср. предложение с показателем ЛЭ: 小王睡觉。Xiǎo Wáng shuìjiào le. Сяо Ван спит (уснул и продолжает спать). 我會想出辦法。Wǒ huì xiǎng chū bànfǎ. Я обдумаю выход. Ср. предложение с показателем ЛЭ: 我找到了办法。Wǒ zhǎodào le bànfǎ. Она съест обед. Ср. предложение с показателем ЛЭ: 她吃了午饭。Tā chī le wǔfàn. Она съела обед. 小王来。Xiǎo Wáng lái. Сяо Ван придет. Ср. предложение с показателем ЛЭ: 小王来了。Xiǎo Wáng lái le. Сяо Ван приехал.

3. Примеры с показателями плана будущего:

1) Примеры с 将jiāng: 世界杯将在南非举行。Shìjièbēi jiāng zài nánfēi jǔxíng. Срок действия твоей кредитной карты закончится 20 июня – 你的信用卡将于六月二十号到期。Nǐ de xìnyòngkǎ jiāng yú liù yuè èrshí hào dàoqī.

2) Примеры с 会huì ХЭЙ: 已经十点了, 他还会来吗? Yǐjīng shí diǎn le, tā hái huì lái ma? Будет ли завтра дождь? – 明天会不会下雨? Míngtiān huì bu huì xià yǔ? До 10 часов он не уйдет. 十点前他走不了。Shí diǎn qián tā zǒu bù liǎo. Вариант: 他不会走。Tā bù huì zǒu. Он не сможет уйти. Обе конструкции потенциальности содержат модальность.

3) Примеры с 要yào ЯО и 将要jiāngyào ЦЗЯН ЯО. Второй показатель используется, если событие произойдет через короткий промежуток времени. Данные средства указывают на планируемое действие: Я собираюсь поехать в Пекин – 我要去北京。Wǒ yào qù běijīng.

4) Отнесение к плану будущего без показателей модальности с показателем результативности логически предельного действия: Следующие примеры относятся к плану будущего: 当你什么时候能看完这本小说? Nǐ shénme shíhòu néng kàn wán zhè běn xiǎoshuō? Букв.: Ты вопрос время мочь смотреть результат этот роман? – До среды дочитаю. 看得完星期三以前。Kàn dé wán xīngqísān yǐqián. Букв.: Смотреть ДЭ результат среда перед [16, с. 316].

5) Форма будущего при выражении условия «если, ... то». В русском языке форма будущего времени используется при выражении реального условия: *Если придешь рано, сможешь купить билеты*. Ирреальное условие выражает форма прошедшего времени с частицей «бы»: *Если бы ты не ел тот салат, то не отравился бы*.

В КЯ для выражения реального и ирреального условия используется конструкция с 的 и就...了jiù...le. Примеры: *Если бы ты не съел, не заболел (бы)*. 你不吃的话就不会生病了。Nǐ bù chī de huà jiù bù huì shēngbìng le. Букв.: Ты не есть ДЭ(=не съевший) ХУА ЦЗЮ не мочь заболеть ЛЭ. *Если придешь рано, сможешь купить билеты*. 你早来的话票就买到了。Nǐ zǎolái de huà piào jiù mǎi dào le. Букв.: Ты рано прийти ДЭ (=пришедший), билет купить ДАО (=достичь, результат) ЛЭ [16, с. 414].

6) Дополнение возможности с得dé ДЭ. Существует пять разновидностей утвердительных конструкции «дополнение возможности» с показателем 得 dé и их отрицательных вариантов, вероятно, по числу типовых ситуаций (ТС 1-5).

6.1. ТС-1. Сочетание глагол + модально-аспектуальный комплекс 得了ДЭ ЛЯО (либо ДЭ с другим показателем результативности) выражает возможность исчерпания действия, его доведения до логического предела. – 你吃得了这么多饺子吗? Nǐ chī déliǎo zhème duō jiǎozi ma? *Ты доешь (сможешь доестъ) все пельмени?* – 吃得了 chī dé liǎo. – *Смогу (доем) / не смог*. chī bùliǎo. ЧИ БУ ЛЯО – *Не смогу (не доем)*. 他走得动。Tā zǒu de dòng. *Он в состоянии идти*. 我买得起。Wǒ mǎi de qǐ. Я в состоянии [могу] купить. 作得了。Zuò de liǎo. *Можно сделать, в состоянии закончить* (например, работу). 除非你去,才说得他服。Chú fēi nǐ qù, cái shuō de tā fú. *Только ты один можешь пойти и убедить его*.

6.2. Отрицательная модель дополнения абсолютной невозможности с 的...不了 (de...bùliǎo); 了不得 (liǎo bùde) и 没了 (méiliǎo).

1) Конструкция с 不了 bu liǎo после глагола или другим показателем результативности означает невозможность действия и имеет русские аналоги: *не смочь, невозможно*.

Конструкция с 不了 **bù liǎo** наиболее частотно, оно используется, вероятно, в актуальной ситуации. 错不了 **cuò bù liǎo**. Ошибки быть не может. Калька: Ошибка /ошибиться невозмо;受不了. **Shòu bù liǎo**. Не в состоянии вынести (страдания);说得(不)了。 **Shuō de bù liǎo**. Невозможно досказать всё до конца;及不了格。 **Jí bù liǎo gé**. Не в состоянии успевать в учебе;错不了。这点儿钱济不了他的贫。 **Zhè diǎn ér qián jì bù liǎo tā de pín**. Эти гроши не спасут его от нищеты;说这话,伤不了人。 **Shuō zhè huà, shāng bù liào rén**. Говорить такие слова – никого не обидеть;长到老,也学不了。 **Zhǎng dào lǎo, yě xué bù liǎo**. Дожить до старости, еще не научиться;写不了。 **Xiě bù liào**. Написать невозможно (напр. слишком большой текст); [никак] не дописать;这事是长远不了。 **Zhè shì shì zhǎng yuǎn bù liǎo**. Это дело бесперспективное;讨不了好。 **Tǎo bù liǎo hǎo**. Того не удалось. **Tǎo bù liǎo hǎo ér**. Не войти в расположение (чь-л.) = Отношение не хорошее.

Конструкция с 不下 **bù xià** – вероятно, вневременная характеристика – эпистемическая или алетическая невозможность вместить что-либо. 这个包太小,手机太大了,装不下。 **Zhègè bāo tài xiǎo, shǒujī tài dà le, zhuāng bù xià**. Эта сумка очень маленькая, а телефон очень большой, он не вместится. Или: 这个袋子是不是太小了,手机是小,它代替。 **Zhègè dàizi bùshì tài xiǎole, shǒujī shì xiǎo, tā dài**. Эта сумка не очень маленькая, и телефон небольшой, он вместится.

Конструкция с 不动 **bù dòng**, вероятно, для значения внутренней (физической) невозможности. *На гору взбираемся уже полчаса, больше не могу идти.* 已经爬了半个小时了,我有点儿爬不动了。 **Yǐjīng pá le bàn gè xiǎoshí liǎo, wǒ yǒudiǎn er pá bù dòng le**. – Букв.: Уже полчаса идем в гору, я подниматься не могу двигаться.

Конструкция с 不住 **bù zhù** выражает, вероятно, невозможность состояния зафиксироваться или остаться неизменным. 你一天记得住二十个生词吗? **Nǐ yītiān jìde zhù èr shí gè shēngcí ma?** Ты за один день запомнишь (сможешь запомнить) 20 новых слов? 我想记得住。 **Wǒ xiǎng jìde zhù**. Я хочу суметь запомнить.

Конструкция с отрицанием 不完 **bù wán** выражает невозможность достижения результата логически предельного действия. (今天的作业太多),一个小时作不完。 **[Jīntiān de zuòyè tài duō], yí gè xiǎoshí zuò bù wán**. [Сегодня домашнее задание большое], за час НЕ справлюсь. Ср.: (如今,一点点功课),我可以处理一个小时。 **[Rújīn, yī diǎndiǎn gōngkè], wǒ kěyǐ chǔ lǐ yí gè xiǎoshí**. [Сегодня домашнее задание небольшое], я за час справлюсь.

2) Конструкция с 了不得 **liǎo bù dé**, вероятно, в ситуации потенциальности.

一不小心就了不得。 **Yī bù xiǎoxīn jiù liǎo bù dé**. Если не остеречься, будет совсем плохо. 今天热得了不得。 **Jīntiān rè de liǎo bù dé**. Калька: Сегодня жарко нельзя терпеть.

3) Конструкция с 没了 **méi liǎo**, вероятно, для значения объективной невозможности. 没完没了。 **Méi wán méi liǎo**. Нескончаемый, бесконечный. 没了期。 **Méi liǎo qī**. Калька: невозможно закончить. (Конца этому нет /не предвидится).

Синтаксические конструкции возможности-невозможность – характерная особенность грамматики китайского языка. Этот фрагмент грамматики КЯ не имеет эквивалентных средств выражения в русском языке; переводные аналоги весьма далеки от оригинала с точки зрения формы выражения. Межкатегориальные связи аспектуальности и модальности – лингвистическая универсалия, и ее важно учитывать при разработке методик обучения глагольному виду.

2. Как показала Н.С. Авилова, в русском языке есть характеризованные глаголы, получившие название «способы глагольного действия» [1]. В китайском языке такой (лексико-грамматической) категории нет, однако отсутствие способов глагольного действия в китайском языке компенсировано глагольными направительными морфемами, которые, помимо собственно аспектуальных значений, выражают дополнительные пространственные характеристики действий, и средствами выражения значений количества, меры, степени и т.п., которые, помимо собственно аспектуальных значений, выражают дополнительные квалификативные и фазисные характеристики действий.

Выбор служебных и полуслужебных морфем китайского языка, так же, как и сочетаемость приставок и суффиксов с производящей глагольной основой в РЯ, определен законом семантического согласования и поддается прогнозированию. Дистрибуция служебных и полуслужебных глагольных морфем (аспектуально-временного значения) зависит от аспектуальной семантики [16]. Это означает, что онтологические характеристики действия проявляются на уровне морфологии в виде группировок – семантических классов глаголов, способных к оформлению показателями аспекта. По-видимому, аспектуальные классы глаголов – это лингвистическая универсалия. В русском языке данные классы предстоит выявить и описать.

3. Необходимо сказать о грамматическом переносе при употреблении видовременных форм и о выражении текстового времени. Существенно отметить, что в русском языке форма глагола может

использоваться не в прямом значении: *Представляешь, встречаю вчера Петра* = в значении ‘встретил’. *Везжаю через два часа* = в значении ‘уеду’. *Двумя годами позже, перед самой войной, он вернется в Ленинград, где и умрет от голода* в значении ‘вернулся’, ‘умер’. Система значений настоящего времени представлена в [11], прошедшего и будущего в [2;3;4]. Система значений и употреблений форм прошедшего и будущего времени русского глагола представлена в [2;4]. В нарративном режиме речи (в повествовательном тексте) время глагола может быть реальным и виртуальным; если задан речевой регистр воспоминания, мечты, сна, то грамматическое время в русском языке не существенно, так как лексика сильнее грамматики, ср.: *Я мечтаю: вот приеду / приезжаю / приехала я в Москву, меня встретят / встречают букетом чайных роз.*

Подобные транспозиции в китайском языке невозможны в принципе, что связано с отсутствием в китайском языке грамматических показателей глагольного времени. Более того, и при обозначении такса в нарративе, глагольные формы ориентированы на объективную ось времени. В китайском нарративе всем временным формам русского глагола соответствует одна форма: *我有一个梦想：看哪，我来到莫斯科，他们用鲜花迎接我。* Wǒ yǒu yí gè mèngxiǎng. Kàn nǎ, wǒ lái dào Mòsīkē, tāmen yòng xiānhuā yíngjiē wǒ. Калька: Я иметь одна штука мечта. Вот / вижу (Kàn nǎ) я приехать достичь Москва они использовать цветы приветствовать я. Аспектуально-временной показатель в китайском языке (в приведенном примере формант результативности 到 dào) оформляет глагольное сочетание (комплекс морфем); с помощью него передаются пространственные, фазисные, количественные и качественные характеристики действия, не чуждые значениям аспектуальности.

Заключение

1. Обучение иностранным и неродным языкам основано на лингвистических универсалиях – понятийных категориях, о которых писал И.И. Мещанинов [14]. Преподаватель-русист должен иметь представление о принципах выражения значений в родном языке

учащегося, аналогичных тем, что выражаются изучаемыми средствами иностранного языка, чтобы продемонстрировать учащимся глубинное (семантическое) сходство при формальных различиях на поверхностно-синтаксическом уровне.

2. На примере временных значений китайского языка как типологически иного по сравнению с русским языком, отчетливо проявляется принцип лингвистической относительности. На примере средств выражения временных и аспектуальных значений средствами китайского языка было установлено, что значения таксиса (временного плана) и аспектуальности выражаются согласованно – в русском языке основным средством выражения данных значений является видовременная форма. Материал показал, что в китайском языке глагольная морфема (или глагольный комплекс с результитивной морфемой) выражает аспектуальность, а вместе с ней и прошедшее время. В плане настоящего и будущего аспектуальные и временные значения выражаются раздельно.

3. В китайском и языке в выражении значений независимого таксиса участвует лексика – контекст-партнеры типа *вчера* и *завтра* однозначно выражают временной план, с чем связано отсутствие грамматикализованных показателей (их нульформа).

4. В русском языке значения грамматического времени облигаторны. Актуальной для учащихся является информация о том, что грамматическое значение времени русского глагола может не соответствовать временному плану высказывания в нарративе, если имеются другие способы выражения независимого таксиса.

5. Для аналитического китайского языка установлено, что значения времени и аспекта выражаются раздельно, хотя имеется тесная взаимосвязь между данными категориями. Лингвистическая (семантическая) универсалия, – аспектуальный характер глагольного действия, определяющий избирательную сочетаемость аспектуальных и временных показателей в безвидовом китайском языке, что позволяет проводить межъязыковые сопоставления, соотнося аспектуальные ситуации и средства их выражения в типологически далеких языках.

6. В целом ряде контекстов результивный показатель 了le ЛЭ указывает на план прошедшего, коррелируя со значением результивного или общефактического действия, тогда как в других контекстах этот же показатель употребляется в плане будущего времени. Думается, что это свидетельствует о недостаточном понимании аспектуальной функции показателя 了le.

7. Имеются межкатегориальные связи функционально-грамматической категории времени (значения будущего) и функционально-семантической категории модальности возможности, и это, вероятно, суть лингвоуниверсалия значения потенциальности.

Выводы

Насущная задача грамматики русского глагольного вида состоит в выявлении аспектуальных классов глаголов и соотнесения средств выражения аспектуально-временных значений в русском и китайском языках на универсально-лингвистических основаниях. Постулирование аспектуальных классов глагола в русском языке на основе функционально-коммуникативного подхода (фундаментальной грамматики, учитывающей факты объективной грамматики) позволит объяснить аспектуальные явления русского языка и корректно представить их для китайской (и не только) аудитории учащихся.

Требуется системное представление (в виде дендрограммы) значений всех видовременных форм в прямом и переносном употреблении, а не перечисление через запятую так называемых «частных значений вида».

Список литературы

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 288 с.
2. Акимова И.И. Лингводидактическое представление таксисных отношений в предложениях русского языка и проблемы грамматики глагольного вида // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 1. С. 56–64.
3. Акимова И.И. Выражение таксисных отношений на уровне полипредикативного и полипропозитивного предложения // Вестник

- Оренбургского государственного университета. 2017а. № 7 (207). С. 38–43.
4. Акимова И.И. Проблемы лингводидактического представления глагола в курсе русского языка как иностранного для носителей китайского языка и грамматика глагольного вида // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2017б. № 4-5. С. 193–205.
 5. Акимова И.И. Лингвистические универсалии как методологическая основа обучения иностранным языкам. Функционально-семантическая категория именной темпоральности. Книга для преподавателя. РПА Минюста России, Дальневосточный (г. Хабаровск) филиал РПА Минюста России. М.; Хабаровск: РПА Минюста России, 2013. 172 с.
 6. Акимова И.И. Грамматический навигатор как средство преодоления языковой интерференции при обучении РКИ (из опыта работы с китайскими учащимися). Вопросы филологии. 2012. № 3 (42). С. 70–77.
 7. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник МГУ. 2001. № 6. С. 215–233.
 8. Бондарко А.В. (ред.) Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург: Наука, 1991. 371 с.
 9. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М.: URSS, 2018. 656 с.
 10. Всеволодова М.В. Глагольный вид и именная темпоральность: механизмы взаимодействия // Вопросы языкознания №1, 2018, С. 91–104.
 11. Всеволодова М.В. Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). Фрагмент фундаментальной прикладной грамматики. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛЕНАНД, 2015. 136 с.
 12. Всеволодова М.В. Категория аспектуальности, глагольный вид и способы глагольного действия. О некоторых нерассмотренных вопросах грамматики вида // V Международный конгресс исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и совре-

- менность”: Труды и материалы. Москва, МГУ, 18–21 марта 2014 г. Из-во Моск. ун-та. Москва, 2014. С. 37–53.
13. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. Монография. М.: Наука, 1982. 155 с.
 14. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке. / Тр. Военн. ин-та иностр. яз. 1945. № 1. С. 24–31.
 15. Насруддин А. Особенности функционирования беспредложных и предложно-падежных форм русских существительных (на фоне их коррелятов в дари). Опыт лингвометодического описания: Дисс. ... канд. филол. наук.: 10.02.01. М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1985. 200 с.
 16. Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М. Язык славянской культуры. 2002. 896 с.
 17. Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1967. 203 p.

References

1. Avilova N.S. *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova* [Type of verb and semantics of the verb word]. М.: Nauka, 1976. 288 p.
2. Akimova I.I. Lingvodidakticheskoe predstavlenie taksisnyh otnoshenij v predlozheniyah russkogo yazyka i problemy grammatiki glagol'nogo vida [Linguodidactic representation of taxis relations in sentences of the Russian language and problems of grammar of a verb]. *Gumanitarnyj vektor*. 2018. T. 13. No 1, pp. 56–64.
3. Akimova I.I. Vyrazhenie taksisnyh otnoshenij na urovne polipredika-tivnogo i polipropozitivnogo predlozheniya [Expression of taxis relations at the level of polypredicative and polypro-positive sentence]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017a. No 7(207), pp. 38–43.
4. Akimova I.I. Problemy lingvodidakticheskogo predstavleniya glagola v kurse russkogo yazyka kak inostrannogo dlya nositelej kitajskogo yazyka i grammatika glagol'nogo vida [Problems of linguodidactic representation of the verb in the Russian language as a foreign language for native speakers of Chinese and grammar of the verb]. *Vest-*

- nik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i prava.* 2017b. No 4–5, pp. 193–205.
5. Akimova I.I. *Lingvisticheskie universalii kak metodologicheskaya osnova obucheniya inostrannym yazykam. Funkcional'no-semanticheskaya kategoriya imennoj temporal'nosti. Kniga dlya prepodavatelya* [Linguistic universals as a methodological basis for teaching foreign languages. The functional-semantic category of nominal temporality. Teacher's book]. RPA Minyusta Rossii, Dal'nevostochnyj (g. Habarovsk) filial RPA Minyusta Rossii. M.; Habarovsk: RPA Minyusta Rossii, 2013. 172 p.
 6. Akimova I.I. Grammaticheskij navigator kak sredstvo preodoleniya yazykovej interferencii pri obuchenii RKI (iz opyta raboty s kitajskimi uchashchimisya) [Grammatical navigator as a means of overcoming language interference in teaching RCT (from experience working with Chinese students)]. *Voprosy filologii.* 2012. No 3 (42), pp. 70–77.
 7. Amiantova E.I., Bitekhtina G.A., Vsevolodova M.V., Klobukova L.P. Funkcional'no-kommunikativnaya lingvodidakticheskaya model' yazyka kak odna iz sostavlyayushchih sovremennoj lingvisticheskoy paradigmy (stanovlenie special'nosti «Russkij yazyk kak inostrannyj») [Functional and communicative linguodidactic model of the language as one of the components of the modern linguistic paradigm (the formation of the specialty “Russian as a foreign language”)]. *Vestnik MGU.* 2001. No 6, pp. 215–233.
 8. Bondarko A.V. *Teoriya funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Functional grammar theory. Personality. Category of the voice]. St. Peterburg: Nauka, 1991. 371 p.
 9. Vsevolodova M.V. *Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment fundamental'noj prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli yazyka. Uchebnik* [Theory of functional and communicative syntax. Fragment of the fundamental applied (pedagogical) language model. Textbook.]. M.: URSS, 2018. 656 p.
 10. Vsevolodova M.V. Glagol'nyj vid i imennaya temporal'nost': mekhanizmy vzaimodejstviya [Verbal form and nominal temporality: interaction mechanisms]. *Voprosy yazykoznanija.* No1, 2018, pp. 91–104.
 11. Vsevolodova M.V. Kim Teh CHzhin. *Sistema znachenij i upotreblenij form nastoyashchego vremeni russkogo glagola (v zerkale*

- korejskogo yazyka*). *Fragment fundamental'noj prikladnoj grammatiki* [The system of meanings and uses of the present tense forms of the Russian verb (in the mirror of the Korean language). Fragment of fundamental applied grammar]. Izd. 3-e. M.: Izdatel'stvo LENAND, 2015. 136 p.
12. Vsevolodova M.V. Kategoriya aspektual'nosti, glagol'nyj vid i sposoby glagol'nogo dejstviya. O nekotoryh nerassmotrennyh voprosah grammatiki vida [Category of aspectuality, verb type and ways of verb action. On certain pending questions concerning verb type grammar]. *V Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka "Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'": Trudy i materialy. Moskva, MGU, 18–21 marta 2014 g* [V International Congress of Russian Language Researchers "Russian Language: Historical Fates and the Present": Works and materials. Moscow, Moscow State University, March 18–21, 2014]. Iz-vo Mosk. un-ta. Moskva, 2014, pp. 37–53.
 13. Glovinskaya M.Ya. *Semanticheskie tipy vidovyh protivopostavlenij russkogo glagola* [Semantic types of specific oppositions of the Russian verb.]. M.: Nauka, 1982. 155 p.
 14. Meshchaninov I.I. Ponyatijnye kategorii v yazyke [Conceptual categories in language]. *Tr. Voenn. in-ta inostr. yaz.* 1945. No 1, pp. 24–31.
 15. Nasruddin A. *Osobennosti funkcionirovaniya bespredlozhnyh i predlozhno-padezhnyh form russkih sushchestvitel'nyh (na fone ih korrelyatov v dari). Opyt lingvometodicheskogo opisaniya* [Peculiarities of the functioning of preposition-free and prepositional-case forms of Russian nouns (compared to their correlates in Dari). Experience linguistic description]: Diss. ... kand. filol. nauk.: 10.02.01. M.: In-t russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 1985. 200 p.
 16. Tan' Aoshuan. *Problemy skrytoi grammatiki: syntaxis, semantika i pragmatika izoliruyushchego stroya (na primere kitayskogo yazyka)* [Problems of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of the language of the isolating system (based on Chinese)]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury 2002. 896 p.
 17. Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1967. 203 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Акимова Инга Игоревна, к.филол.н., доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский университет МВД

ул. Летчика Пилотова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация

kazyulkinatata@mail.ru

Григорова Елена Алексеевна, старший преподаватель

Санкт-Петербургский университет МВД

ул. Летчика Пилотова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация

lgrigorova@mail.ru

Омарова Лейла Алакберовна, преподаватель

Санкт-Петербургский университет МВД

ул. Летчика Пилотова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация

leylusia@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Akimova Inga Igorevna, candidate of arts. Sc., Associate Professor,

Associate Professor of the Russian Language Department

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs

1, Pilot Pilutov Str., St. Petersburg, 198206, Russian Federation

kazyulkinatata@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6198-0143

Grigорова Elena Alekseevna, Senior Lecturer

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs

1, Pilot Pilutov Str., St. Petersburg, 198206, Russian Federation

lgrigorova@mail.ru

Omarova Leyla Alachberovna, Senior Lecturer

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs

1, Pilot Pilutov Str., St. Petersburg, 198206, Russian Federation

leylusia@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-123-136

УДК 811.352.3

**ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ
ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ И ЛИТЕРАТУРНОГО
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА)**

Абазова М.М.

Статья посвящена исследованию языковой интерференции как формы взаимодействия различных языковых систем, сосуществующих на одной территории, на примере речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом. В качестве источниковой базы выбраны материалы фоноархива ИГИ КБНЦ РАН, ПМА, труды, в которых изучались те или иные аспекты языковой интерференции. На основе анализа источников выявляются некоторые особенности в фонологическом, лексическом, грамматическом уровнях языка, а также и в парадигматическом и синтагматическом отношениях.

В звучащей речи наиболее ярко проявляется фонетическая интерференция. Задача ее изучения состоит в том, чтобы установить, как носитель кабардино-черкесского языка в контакте с представителями другой языковой группы заимствует ее лексические единицы, адаптируя их под нормы родного языка. Выделена синтагматическая интерференция, которая проявляется в виде ресегментации и сингармонизации. Делается вывод, что языковая интерференция в речи билингва представляет собой смешение элементов родного и изучаемого языков.

Цель исследования: *изучение языковой интерференции в речи кабардино-черкесской диаспоры в сравнении с кабардино-черкесским литературным языком, выявление степени языковой интерференции кабардино-черкесского языка в иноэтнической языковой среде.*

Метод или методология проведения работы. Для восстановления некоторых фактов истории адыгской (черкесской) диаспоры за рубежом, а также для определения закономерностей трансформации речи кабардино-черкесской диаспоры в данной работе были использованы комплекс методов и приемов: описательный, сопоставительный, сравнительно-исторический. Данное исследование основывается на комплексном подходе к изучению, анализу и систематизации широкого круга источников, например, аудиозаписей бесед с респондентами различных половозрастных групп, собранных с 2007 г. по сей день в ходе опросов адыгов (черкесов), проживающих за рубежом, а также репатриантов из Турции, Сирии, Иордании, фоноархивов ИГИ КБНЦ РАН, в которых хранятся записи речи представителей кабардино-черкесской диаспоры, собранные во время экспедиций в разное время.

Результаты. Анализ эмпирических данных показывает, что в речи (языка) кабардино-черкесской диаспоры за рубежом под влиянием внешних и внутренних факторов наблюдается языковая интерференция. Отмечается, что взаимовлияние языков разных народов приводит к различным иноязычным вкраплениям. Также отмечено появление фонетической и лексической интерференции. Изучение проблемы языковой интерференции на примере речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом дает возможность по-новому проанализировать ряд малоизученных аспектов трансформации черкесского этнического социума, проживающего в течение длительного времени в иноязычной среде.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут быть использованы в образовательном процессе при обучении иностранных студентов кабардино-черкесскому языку в вузах Северного Кавказа, а также в научно-исследовательской работе по исследованию языковых процессов в диаспорах.

Ключевые слова: интерференция; черкесы; диаспора; иноязычная среда; речь; современный кабардино-черкесский язык.

THE LINGUISTIC INTERFERENCE (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN DIASPORA ABROAD AND LITERARY KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE)

Abazova M.M.

The article is devoted to the study of language interference as a form of interaction of different language systems that coexist on the same territory on the example of the Kabardino-Circassian diaspora abroad. The materials sources include the phonoarchive at the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, as well as works that studied certain aspects of language interference. On the the analysis of sources certain features in phonological, lexical, grammatical levels of language, as well as in paradigmatic and syntagmatic relations are revealed. It is phonetic interference that is most evident in speech. The task of the study is to establish the way a native speaker of the Kabardino-Circassian language, being in contact with representatives of another language group, borrows its lexical units, adapting them to the norms of their native language. Selected syntagmatic interference is identified, which manifests itself in the form of resegmentation and enharmonically. It is concluded that the language interference in bilingual speech is a mixture of elements of the native and studied languages.

The purpose of the study: *to study the language interference in the speech of the Kabardino-Circassian diaspora in comparison with the Kabardino-Circassian literary language, to identify the degree of linguistic interference of the Kabardino-Circassian language in a foreign language environment.*

Method or methodology of the work. *To restore some facts of the history of the Adyghe (Circassian) diaspora abroad, as well as to determine the laws of the transformation of the speech of the Kabardino-Circassian diaspora, a set of methods and techniques were used in this work: the descriptive, comparative, comparative and historical ones. This study is based on an integrated approach to the study, analysis and systemati-*

zation of a wide range of sources, such as audio records of interviews with respondents of different age and sex groups collected since 2007. To this day, during surveys of the Adygs (Circassians) living abroad, as well as repatriates from Turkey, Syria, Jordan, phonoarchive of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, which stores speech records of representatives of the Kabardino-Circassian diaspora, collected during expeditions at different times.

Results. *The analysis of the empirical material shows that language interference is observed in the speech (language) of the Kabardino-Circassian diaspora abroad under the influence of external and internal factors. It is noted that the interaction of languages of different peoples leads to various foreign inclusions. Phonetic and lexical interference also takes place. The study of the problem of language interference on the example of the speech of the Kabardino-Circassian diaspora abroad makes it possible to analyze in a new way a number of insufficiently studied aspects of the transformation of the Circassian ethnic society living for a long time in a foreign language environment.*

The scope of the results. *The results of this study can be used in the educational process in teaching foreign students the Kabardino-Circassian language in the universities of the North Caucasus, as well as in research work on the study of language processes in diasporas.*

Keywords: *modern Kabardino-Circassian language; interference; diaspora; foreign language environment; speech; Circassian language.*

Контакт нескольких языков, культур на одной территории под влиянием эндогенных и экзогенных факторов неизбежно приводит к языковой интерференции, которая выражается не только в заимствовании отдельных речевых единиц, но и их сближении в целом. Так, «в повседневном общении, которое характеризуется непринужденностью, отсутствием психологических барьеров, предусматривающих соблюдение языковых предписаний» [1, с. 47], черкесы (адыги), проживающие в диаспоре, переходят на смешанное общение, при котором особое внимание уделяется смыслу, а не оформлению мысли.

Исследование языковой интерференции в речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом на основе сопоставительного анализа с современным кабардино-черкесским литературным языком вызывает особый интерес, ее изучение имеет важное значение для выявления особенностей речи кабардино-черкесской диаспоры, проживающей в иноязычной среде, а также языковой и социокультурной систем стран проживания. Во все времена взаимовлияние языков, заимствование одними языками лексики из других языков как следствие языковых контактов были и остаются одной из важных проблем общего языкознания.

Изучение языковой интерференции в речи адыгской (черкесской) диаспоры за рубежом является актуальной научной проблемой, которая до сих пор не становилась предметом специального исследования. В лингвистике термином «интерференция» обозначается влияние системы одного языка на другой, что на сегодняшний день является одной из основных проблем современной теории языковых контактов. В.Ю. Розенцверг полагает, что «интерференция – это нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [10, с. 28].

Согласно Н.С. Пак, «Интерференция – это случаи отклонения от нормы в речи билингва на Я2 под влиянием Я1, на фонологическом, грамматическом, лексическом уровнях языка как результат языкового контакта» [8, с. 10]. По мнению В.А. Виноградова, интерференция является прямым следствием и основным явлением языковых контактов, «определяемая как отклонения от нормы одного или каждого из контактирующих языков» [5, с. 16], проявляющаяся в речи билингва как результат взаимодействия с одним и более языком. Чем больше различие между взаимодействующими системами, тем больше потенциальная область интерференции.

В речи чаще всего встречается фонетическая интерференция, которая представляет собой воспроизводство речи носителем первичного языка в иноязычной среде (восприятие и воспроизводство кабардино-черкесского языка представителями черкесской диаспо-

ры за рубежом) звуков вторичного языка (государственного языка страны проживания). У. Вайнрайх выделяет «синтагматическую интерференцию», которая обусловлена функционированием единиц фонетической системы в речевой цепи и возникла вследствие контактов двух и более различных контактирующих языков, проявляющаяся в формах ресегментации и сингармонизации [4, с. 67].

Ресегментация речевого потока приводит к изменению количества элементов в слове. В статье мы выделили наиболее часто встречающиеся типы фонетической интерференции (по У. Вайнрах) в речи представителей кабардино-черкесской диаспоры за рубежом (Турция, Иордания, Сирия), к основным типам которой относятся:

а) наращение гласного и согласного звуков или слога в начале, середине или в конце слова. Например: *Лэкъум хъурей, мэрамысэ сэ зэ-тIэу сышхати зэи сигу ирихъакъым* [9] вместо *Лэкъум хъурей, мэрамысэ сэ зэ-тIэу сихати зэи сигу ирихъакъым* «Один два раза ел круглый лакум и мымылгу, но мне не понравилось» (здесь и далее перевод – М.А.); *дыкъыздынэсами* вместо *дыкъыздэсами* «до чего дошли»; *Сэ аргуэруу сэлам къывызохыжхэ* вместо *Сэ аргуэру сэлам къывызохыжхэ* «Я опять прощаюсь с вами» [11]; *зымахуэ гуэр* вместо *зымахуэ гуэр* «в какой-то день» [11]; *бжъантIэ* вместо *жъантIэ* «почетное место» [3, с. 210].

б) метатеза, например: *натрыху* вместо *нартыху* «картофель»; *Абы зыри жимыIэу цтымэ сэ нывжесIэнс...* вместо *Абы зыри жимыIэу цтмэ сэ нывжесIэнц ...* «Если он ничего не скажет, я вам расскажу» [12; 19; 15], *сысабий кIыцIэ* вместо *сысабий цIыкIэ* «когда был ребенком» [3, с. 210].

в) синкопа, например: *Си адэ[р]рэ си анэ[ц]рэ адыгэбзэкIэ зэропсалъэнэти сэри абы седаIуэурэ зэзгъэцIас* [9] вместо *Си адэмрэ си анэмрэ адыгэбзэкIэ зэпсалъэхэрти, сэри абы седаIуэурэ зэзгъэцIац.* «Мои мама и папа разговаривали на черкесском языке и я, слушая их разговор, тоже научился разговаривать [на черкесском языке]»; *сцIэIым сэ абы с[к]къыщIыхихар* вместо *сцIэкъым сэ абы сккъыщIыхихар* «Я не знаю почему он меня выбрал» [11]; *сызыкэс жылэм дэгъу[у]уи сагуроIуэ* вместо *сызыкэс жылэм дэгъууи сагу-*

poIyэ «хорошо лажу с односельчанами» [3, с. 221]; cIty дахэ весто сыту дахэ «как красиво» [14; 12]; Минрэ цибгьурэ бгьуицIрэ им Анкэрэ зэхуэс ицIаI, фидеи зы гун кьичIауэ ицIтас [17] вместо Минрэ цибгьурэ бгьуицIрэ им Анкэрэ зэхуэс ицIаиц, фидеи зы гун кьикIауэ ицIтаиц. «В тысяча девятьсот девяносто восьмом году в Анкаре состоялась встреча, из [России] приехала делегация».

г) апокопа, например: Курдым ицIэ дженералу ицIтаI, кьэтэгс абыи псалъI дахи жиIаI [14] вместо Курдым ицIэ генералу ицIтар кьэтэдэжц абыи псалъэ дахи жиIаиц. «Бывший генерал который у курдов встал и произнес красивую речь»; адрэI вместо адрей «другой» [11; 13; 16]; Сэ зэрызыхэсхамкIэ ды кьэбэрдеуI жаIэ, бесльэнейуI жаIэ вместо Сэ зэрызэхэсхамкIэ ды кьэбэрдейуI жаIэ, ды бесльэнейуI жаIэ «Я слышал, что некоторые нас называют кабардинцами, а другие – бесленеевцами [9].

д) элизия, например: тауI фыицIтхэ? вместо дауэ фыицIтхэ – «как дела» [14]; ауI вместо ауэ – «но» [11; 16; 18]; Игы янэр адыгэми тыркубзэс зэрыпсалъэр, абы кьыдылхуа бзэр дауI пхуэхьумэну? Вместо Иджы янэхэр адыгэми тыркубзэц зэрыпсалъэр, абы кьыдалхуа бзэр дауэ пхуэхьумэну? «Сейчас матери со своими детьми разговаривают на турецком языке, как мы сможет сохранить родной язык [черкесский]» [16]?

е) отпадение слога в начале слова, например: илъэс Iбжанэ вместо илъэс зыбжанэ – «несколько лет» [12; 15; 16]; уи псалъэр Iпызоуд вместо уи псалъэр зэпызоуд – «прерываю твой разговор» [11]; 1999 гьэм IциIэдзау, вместо 1999 гьэм ициIэдзау – «начиная с 1999 года» [19].

Под сингармонизацией У. Вайнрайх подразумевает «изменение» набора гласных и согласных. В речи кабардино-черкесской диаспоры, в соответствии с правилами сочетаемости фонем родного языка, в речевом потоке наблюдаются некоторые изменения в системе гласных и согласных. Например, ицIтыгьэрэклэс вместо ицIтарэт – «было бы так», пэмыцI вместо нэмыцI – «кроме этого», иг'ы вместо иджы – «теперь», хьыг'абз вместо хьыджэбз – «девушка» [20; 15; 16].

Также фонетическая интерференция создает предпосылки для возникновения иностранного акцента, которая вносит в чужую фонологическую систему навыков фонологическую систему родного языка. Следовательно, фонетическая интерференция порождает появление акцента. В зависимости от того, какой язык оказывает интерферирующее воздействие на изучаемый, и определяется тип акцента. Основными языками, воздействующими на речь черкесов за рубежом, является турецкий для тех, кто проживает на территории Турции, и арабский для жителей Сирии и Иордании. Это подтверждается выводами А.Е. Карлинского, который считает, что владение иностранными языками протекает не автономно, а во взаимодействии с родным языком, в последующем влияющим на речь дву(поли)язычного человека либо положительно, либо отрицательно [6, с. 52].

Отклонение от узуса порождает нарушение сочетаемости, расстановки, выбора языковых единиц. Огромное значение приобретает изучение взаимодействия контактирующих, степени их интерферирующего влияния [7, с. 52]. Так, смешение языков – результат не столько заимствования, сколько взаимного приспособления контактирующих языков в сторону их упрощения [20]. При этом наблюдается лексическая интерференция, которая происходит, согласно А.Е. Карлинскому, с использованием в речи на R2 иноязычных слов и словосочетаний. «Данная закономерность связана прежде всего с тем фактором, что лексика и фразеология любого языка представляет собой открытую систему, менее строго организованную по сравнению с единицами и правилами фонетического и грамматического уровней» [6, с. 53].

При заимствовании того или иного слова заимствующий язык адаптирует иноязычное вкрапление по законам фонетики, грамматики и словообразования. В нашем случае тюркизмы и арабизмы адаптируются в соответствии с фонетикой и грамматикой кабардино-черкесского литературного языка. В речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом наблюдается лексический пласт фонетически адаптированных слов, которые, в свою очередь, имеют эквиваленты в литературном языке. Далее рассмотрим это на конкретных мате-

риалах речи черкесской диаспоры за рубежом. *Мэ 'сэла* (*me'selâ*)- «например»: *Нобэ, мэ 'сэла, хьер Iyoxy иIыу зыгуэрым хьелэ Iуэху иIэмэ и гьунэгьухэр зыхуешэс...* [17] вместо *Нобэ, псалъэм папцIэ, хьер Iуэху иIэу зыгуэрим хьелэ Iуэху иIэмэ и гьунэгьухэр зыхуешэс*. «Например, если сегодня у кого-то радостное событие, он собирает соседей...». В слове «*мэ 'сэла*» наблюдается замена кратким гласным среднего ряда *э* обоих гласных переднего ряда *е*, но ударение остается на последнем слоге *мэсэла'*, то есть произносят его с турецким акцентом. Также часто встречается слово *дэхьэ* (*daha'*) «ещё» – *Си къуажэр Къунашейс дэхьэ сэ хьыцIрэ зырэ ситс* [19] вместо *Си къуажэр Къунашейс сэ иджы ильэс хьыцIрэ зым сити* «Мое село называется Кунашей, мне шестьдесят три года». В речи диаспоры в слове «*daha'*» на конце и в середине слова долгий гласный заднего ряда *а* переходит в краткий гласный среднего ряда *э*. Данное слово произносится в соответствии с нормами кабардино-черкесского литературного языка.

К адаптированным иноязычным словам в речи черкесской диаспоры за рубежом относится слово *альфа 'бэ* (*Alfabe'*) – «алфавит». Например: *Фи альфа 'бэм къеджэнэ мэракъ зыцI цыIэхэс, сэ [информатор] арап альфабэ зэзгьэцIат, сысабий чIыцIэ* [13] вместо *Фи алфавитым къеджэныр мэракъ зыцI цыIэхэц, сэ арап алфавитыр сысабий цIыкIэ зэзгьэцIат* «Есть и те, которые желают научиться читать, используя ваш алфавит, но я в детстве выучил арабский алфавит». При употреблении слова «*альфа 'бэ*» нарушаются орфоэпические нормы: на конце слова вместо гласного переднего ряда *е* используют краткий гласный среднего ряда *э*. Данный арабизм употребляется не только в речи черкесской диаспоры в Сирии, но и в речи представителей черкесской диаспоры в Турции. Таким образом, слово *альфа 'бэ* заимствовано из арабского языка, но в речи диаспоры в Турции это слово встречается как тюркизм, а в Сирии и на исторической родине оно употребляется в диалектах и говорах как арабизм. Стоит отметить, что слово «алфавит», которое встречается в литературном кабардино-черкесском языке тоже не кабардино-черкесское, а русизм, которое заимствовано из русского языка. «Эти новые заим-

ствования в большинстве случаев вытеснили исконные адыгские слова, которые в настоящее время наличествуют в кабардино-черкесском литературном языке» на исторической родине [2, с. 90].

В ходе анализа источников и материалов установлено, что лексическая интерференция подчиняется законам осваиваемого языка (кабардино-черкесский): происходит замена непривычных по артикуляции и по сочетаемости звуков турецкого и арабского языков близкими им по качеству звуками кабардино-черкесского языка.

Таким образом, языковая интерференция – это отклонение от литературной нормы в речи билингва под влиянием другого языка как следствие языкового контакта. При этом доминирующим является тот язык, которым билингв владеет в совершенстве. Изучение проблемы языковой интерференции на примере речи кабардино-черкесской диаспоры за рубежом дает возможность по-новому проанализировать ряд малоизученных аспектов трансформации черкесского этнического социума, проживающего в течение длительного времени в иноязычной среде.

Языковая интерференция является одной из основных причин возникновения иностранного акцента, иноязычных вкраплений, которые нарушают языковые нормы. Появление в речи иноязычных слов оформляется в соответствии с нормами заимствующего языка. Полагаем, что изучение языковой интерференции на материалах черкесской диаспоры за рубежом следует проводить с учетом дифференциации респондентов по возрастному критерию. Это объясняется тем, что для представителей старших поколений кабардино-черкесский язык является основным, а язык страны проживания – вторичным. В случае с молодым поколением наблюдается обратная ситуация. В любом случае взаимодействие языков приводит к образованию языковой интерференции.

Список литературы

1. Абазова М.М. Интеркаляция в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71): в 3-х ч. Ч.3. С. 47–49.

2. Абазова М.М. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 136 с.
3. Бижоев Б.Ч. Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура / гл. ред. Х.М. Думанова. Нальчик: Эль-фа, 2000. С. 201–241.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: «Вища школа», 1979. 264 с.
5. Виноградов В.А. Лингвистические аспекты обучения языку. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1972. 60 с.
6. Карлинский А.Е. Экспериментальное изучение лексической интерференции в прикладных целях. // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция. Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1989. С. 51–60. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sranvsopost/text.pdf> (дата обращения: 25.10.2018).
7. Межецкая Г.Н. Интерференция в письменном переводе студентов неязыковых направлений подготовки // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №3. С. 93–96.
8. Пак Н.С. Проблема исчезновения миноритарных языков. Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Алматы, 2004. 51 с.
9. ПМА Полевой материал автора Абазовой М.М. (2007-2017 гг.)
10. Розенцвейг В.Ю. Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. 536 с.
11. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 0016, № 749 – ф/1 (Сирия).
12. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1065, № 744 – ф/4 (Сирия).
13. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1067, № 744 – ф/6 (Сирия).
14. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1068, № 744 – ф/7 (Иордания, Сирия).
15. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1072, № 744 – ф/11 (Иордания).
16. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1073, № 744 – ф/12 (Турция).
17. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1074, № 744 – ф/13 (Турция).
18. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1076, № 744 – ф/15 (Турция).
19. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1078, № 744 – ф/17 (Турция).
20. Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН, кас. 1079, № 744 – ф/18 (Турция).
21. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. Москва: Эдиториал УРСС, 2003. 291 с.

22. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Ленинград: из-во Ленигр. ун-та. Т. 1, 1958. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=226720> (дата обращения: 25.10.2018).
23. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1990. 687 с.

References

1. Abazova M.M. Interkalyatsiya v rechi kabardino-cherkesskoi diasporы v Turtsii [Intercalation in the vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2017. No 5-3 (71), pp. 47–49.
2. Abazova M.M. *Rech' kabardino-cherkesskoi diasporы v Turtsii* [The vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI RAN 2014. 132 p.
3. Bizhоеv B.Ch. Yazyk kabardino-cherkesskoi diasporы v Sirii, Iordanii, Turtsii [The language of the Kabardino-Circassian diaspora in Syria, Jordan, Turkey]. *Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura* [Adyghe and Karachay-Balkar foreign diaspora: history and culture]. Nal'chik, 2000, pp. 201–241.
4. Weinreich W. *Jazykovye kontakty* [Language contacts]. Kiev: “Vyscha shkola”, 1979. 264 p.
5. Vinogradov V.A. *Lingvisticheskie aspekty obuchenija jazyku* [Linguistic aspects of language teaching]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1972. 60 p.
6. Carlin A.E. Jeksperimental'noe izuchenie leksicheskoy interferencii v prikladnyh celjah [Applied experimental study of lexical interference in applications comparative study of languages and interference]. *Sravnitel'no-sopostavitel'noe izuchenie jazykov i interferencija* [Comparative study of languages and interference]. Alma-Ata: Izd-vo KazGu, 1989, pp. 51–60. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sranvsopost/text.pdf>
7. Mezheritskaya G.N. Interferencija v pis'mennom perevode studentov nejazykovyh napravlenij podgotovki [Interference in translations made by students of nonlinguistic areas of training]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. No. 3, pp. 93–96.

8. Park N.S. *Problema ischeznovenija minoritarnyh jazykov* [The problem of the disappearance of minority languages]. Avtoref. diss. ... d-ra. fil. nauk. Almaty, 2004. 51 p.
9. *PMA Polevoj material avtora Abazovoj M.M. (2007–2017)* [Field material collected by Abazova M. M. (2007–2017)].
10. Rosenzweig V.Yu. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. M.: Progress, 1972. 536 p.
11. *Fonoarhiv* [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 0016, No. 749 – f/1 (Syria)).
12. *Fonoarhiv* [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1065, No. 744 – f/6 (Syria)).
13. *Fonoarhiv* [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1067, No. 744 – f/7 (Jordan, Syria)).
14. *Fonoarhiv* [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1068, No. 744 – f/11 (Jordan)).
15. *Fonoarhiv* [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1072, No. 744 – f/12 (Turkey)).
16. *Fonoarhiv* [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1073, No. 744 – f/13 (Turkey)).
17. *Fonoarhiv* [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1074, No. 744 – f/15 (Turkey)).
18. *Fonoarhiv* [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1076, No. 744 – f/17 (Turkey)).
19. *Fonoarhiv*. [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1078, No. 744 – f/17 (Turkey)).
20. *Fonoarhiv*. [Phonoarchive]. IHR KBSC RAS (cas: 1078, No. 749– f/17 (Turkey)).
21. Shuhardt G. *Izbrannye stat'i po jazykoznaniju* [Selected articles on linguistics]. Moscow: Jeditorial URSS, 2003. 291 p.
22. Shcherba L.V. *Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta. T. 1, 1958. URL.: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=226720>
23. Yartseva V.N. *Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1990. 687 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Абазова Марита Мухамедовна, канд. филол. наук, ст. н. с. сектора кабардино-черкесского языка.

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, КБР, 360000, Российская Федерация
marita.abazova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Abazova Marita Mukhamedovna, Cand. of Philol. Sciences, Senior Research Associate of the Sector of the Kabardino-Circassian language

*Institute for the Humanities Research – Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
18, Pushkin Str., 18, Nalchik, 360000, Russian Federation
marita.abazova@yandex.ru
SPIN-code: 2763-0953
ORCID: 0000-0002-7701-1133*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-137-158

УДК 81'255.2:82

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Нененко А.А., Панин В.В., Рындина Ю.В.

Цель. Цель работы – рассмотреть оригинальный текст романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» и его переводы с целью выявления способов передачи прецедентных феноменов с английского на русский язык (на материале переводов В.О. Станевич и И.Г. Гуровой).

Метод или методология проведения работы. В статье используются сопоставительный метод, метод лингвокультурологического анализа текста, а также метод количественного анализа.

Результаты. Выделенные в тексте прецедентные феномены были разделены на тематические группы, такие как: исторические личности, библейские персонажи и сюжеты, герои и цитаты из художественных произведений. Путем сопоставительного анализа было установлено, что прецедентные феномены, как правило, сохраняются в переводящем языке, при этом доминирующими способами их передачи являются транскрипция и транслитерация. Также было установлено, что в переводе И.Г. Гуровой переданы все прецедентные феномены, тогда как в переводе В.О. Станевич отдельные прецедентные имена опускаются.

Область применения результатов. Результаты проведенного сопоставительного анализа могут быть использованы в работах по лингвокультурологии, посвященных изучению прецедентных феноменов, а также исследованиях по теории перевода, в которых рассматриваются проблемы передачи прецедентных феноменов с одного языка на другой.

Ключевые слова: прецедентные феномены; художественный перевод; способы перевода.

**PECULIARITIES OF TRANSFERRING
PRECEDENT PHENOMENA IN RUSSIAN TRANSLATIONS
OF JANE EYRE BY CH. BRONTË**

Nenenko A.A., Panin V.V., Ryndina Yu.V.

Purpose. *The purpose of the article is to examine the original text of the novel Jane Eyre by Ch. Brontë and its translations in order to identify the ways of transferring precedent phenomena from English into Russian (based on the translations by V.O. Stanevich and I.G. Gurova).*

Method or methodology of the work. *The comparative method as well as the methods of linguo-cultural and quantitative analysis is applied in the article.*

Results. *The precedent phenomena highlighted in the text were divided into thematic groups, such as historical figures, biblical characters and plots, characters and quotes from literary works. The comparative analysis allowed to establish the fact that precedent phenomena of the source language are generally preserved in the target language, with transcription and transliteration being the dominant ways of translation. It was also determined that I.G. Gurova did transfer all precedent phenomena, while several precedent phenomena were omitted in the translation by V.O. Stanevich.*

Practical implications. *The results of the comparative analysis can be used in linguocultural studies devoted to precedent phenomena, as well as in the studies on the theory of translation that deal with the problems of transferring precedent phenomena from one language into another.*

Keywords: *precedent phenomena; literary translation; ways of translation.*

Последние десятилетия развития лингвистики ознаменованы повышенным интересом к вопросу отражения в языке национальной культуры. Одними из наиболее значимых культурных компонентов, закрепленных в сознании носителей языка, являются прецедентные феномены. Несмотря на то, что теория прецедентности была разра-

ботана только лишь в конце XX в., к настоящему времени опубликовано значительное количество научных работ по данной тематике такими лингвистами, как Ю.Н. Караулов, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, И.В. Захаренко и другие. Однако исследование прецедентных феноменов не теряет свою актуальность, так как данная проблема многоаспектна и может быть рассмотрена не только с позиций лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации, но и в ракурсе литературоведения, психолингвистики, социоллингвистики, теории перевода и других филологических дисциплин.

Обратимся к понятию и классификации прецедентных феноменов.

Д.Б. Гудков рассматривает прецедент с точки зрения теории межкультурной коммуникации как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс, значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума» [5, с. 105]. К прецедентам относятся образцовые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов, представленные в речи определенными вербальными сигналами, актуализирующими стандартное содержание, которое не создается заново, но воспроизводится. В этом понимании прецедентов в них включаются языковые клише и штампы разного уровня, стереотипы, фрейм-структуры и подобные единицы [5, с. 105].

В.В. Красных определяет прецедентные феномены как феномены, «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей сообщества» [7, с. 58].

Р.З. Назарова и М.В. Золотарев выделяют ряд основных и дополнительных признаков прецедентных феноменов. К основным, обязательным признакам относятся:

- 1) отсылочность – способность прецедентных феноменов осуществлять отсылку на первоисточник;
- 2) наличие ценностной составляющей – выражение положительной или негативной ценности, что может проявляться в конно-

тативной окрашенности языковой единицы, объективизирующей концепт прецедентного феномена;

3) эталонность – способность прецедентных феноменов выступать неким эталоном/шаблоном для факта или явления действительности;

4) семиотический способ существования – возможность прецедентных феноменов выступать в качестве целостной единицы обозначения [10, с. 22].

К дополнительным, необязательным признакам прецедентных феноменов относятся: 1) широкая распространенность и общеизвестность, 2) клишированность, 3) возобновляемость и повторяемость, 4) метафоричность, 5) имплицитность значения, 6) реинтерпретируемость, 7) хронотопическая маркированность, 8) способность выражать определенные отношения между двумя различными текстами, 9) включенность в систему ценностей определенной группы, 10) способность репрезентировать культурный артефакт [10, с. 23].

Как Д.Б. Гудков, так и В.В. Красных различают следующие виды прецедентных феноменов:

1) социумно-прецедентные феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума и входящие в коллективное когнитивное пространство;

2) национально-прецедентные феномены, известные любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входящие в когнитивную базу этого сообщества;

3) универсально-прецедентные феномены, известные любому современному полноценному *homo sapiens* и входящие в универсальное когнитивное пространство человечества [7, с. 51].

Разграничиваются следующие виды прецедентных феноменов.

1. Прецедентный текст – это законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [5, с. 106]. Прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, обраще-

ние к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы. К прецедентным текстам можно отнести произведения художественной литературы, например, «Евгений Онегин», «Бородино», тексты песен («Подмосковные вечера», «Ой, мороз, мороз...»), рекламы, политические и публицистические тексты и др.

2. Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; к числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера, например: *All men are brothers* (высказывание китайского мыслителя Конфуция, которое используется, чтобы призвать всех народов к миру); *Что делать?* (по названию романа Н.Г. Чернышевского; *To be or not to be* (из произведения У. Шекспира «Гамлет»); *Не судите, да не судимы будете* (цитата из Библии).

3. Прецедентная ситуация – это часто обсуждаемая ситуация, действительно имевшая место или относящаяся к произведениям искусства/литературы, которая имеет конкретные ассоциации у представителей ментально-лингвального дискурса: *поцелуй Иуды*, *Смутное время*, *Ватерлоо* и др.

4. Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное либо 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Hamlet*, *Обломов*, *Тарас Бульба*), либо 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Guy Fawkes*, *Иван Сусанин*, *Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт*, *Ломоносов*) [5, с. 108].

Поскольку многие прецедентные феномены, хорошо знакомые представителю одного лингвокультурного сообщества, могут быть неизвестны представителям другого, неизбежно возникает проблема их адекватной передачи в переводе художественной литературы. Основная функция художественного перевода – художественно-эстетическое воздействие на читателя [8, с. 251], поэтому этот вид перевода представляет не только литературную, но и социокультур-

ную ценность, выступая как средство взаимной интеграции и взаимного обогащения культур. Л.С. Макарова отмечает, что «заменяя оригинал в новой лингвокультурной среде, перевод призван сохранить самобытность мировидения автора, вступающего в диалог с миром и самим собой» [9, с. 24]. Наиболее близкими прецедентным феноменам в содержательном отношении являются аллюзивные имена, которые у носителей языка ассоциируются с определенным словом, сюжетом, персонажем. Если аллюзивные имена являются международно известными, то они транскрибируются с учетом традиций переводящего языка, если же они широко известны только одному народу, то транскрипция должна сопровождаться комментариями [1, с. 188].

В нашей статье рассматриваются особенности передачи прецедентных феноменов в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык.

Роман «Джейн Эйр» был опубликован в 1847 г. и представляет собой один из ярких образцов викторианской литературы. Произведение было высоко оценено критиками и заслужило любовь нескольких поколений читателей как в Великобритании, так и в России. Существуют шесть переводов романа на русский язык, наиболее известным из которых является перевод В.О. Станевич (1955). По мнению Ю.В. Ямаловой, «в данном переводе романа на русский язык сохранен индивидуальный стиль автора, нет сокращений описания природы, диалогов и монологов героев, сохраняются все сюжетные линии оригинального произведения» [13, с. 40]. При этом исследователь отмечает, что «в переводе все же имеют место сокращения, и касаются они в основном темы религии» [13, с. 40]. Последним переводом романа на русский язык стал перевод И.Г. Гуровой, где «полностью сохранена и воспроизведена христианская проблематика романа Шарлотты Бронте во всей ее сложности и полноте» [13, с. 40].

Путем целенаправленной выборки нами было выделено 18 прецедентных феноменов и произведен анализ способов их перевода на русский язык. Материалом исследования послужили оригиналь-

ный текст романа «Джейн Эйр» и два его перевода на русский язык, выполненные В.О. Станевич и И.Г. Гуровой.

В романе были зафиксированы прецедентные феномены, отсылающие читателя к историческим личностям и событиям.

Например, при описании детства главной героини в тексте романа находим следующее предложение:

Abbot, I think, gave me credit for being a sort of infantine Guy Fawkes [2, с. 25].

Имя Гая Фокса широко известно в Великобритании как имя участника Порохового Заговора (1605), организованного английскими католиками с целью убить протестантского короля Якова I.

Сравнение маленькой Джейн с Гаем Фоксом подчеркивает ее непокорный нрав, нежелание следовать жестким правилам, установленным в доме Миссис Рид.

Обратимся к способам перевода этого прецедентного имени.

Очевидно, Эббот действительно считала меня чем-то вроде маленького Гая Фокса (пер. В.О. Станевич) [3, с. 37].

В глазах Эббот я, видимо, была кем-то вроде Гая Фокса в детском платьице (пер. И.Г. Гуровой) [4, с.15].

Оба переводчика используют прием транскрипции, причем сноски с информацией о Гае Фоксе дается только в переводе В.О. Станевич. Необходимо отметить удачное сочетание транскрипции и трансформации модуляции (смыслового развития) у И.Г. Гуровой, где словосочетание *infantine Guy Fawkes* переводится как *Гай Фокс в детском платьице*, что придает переводу образность и экспрессивность.

В следующем отрывке упоминается королева Боадичея (Боудикка) – царица и предводительница бриттского племени иценов, поднявшая восстание против римских завоевателей:

«You must see the carriage, Jane, and tell me if you don't think it will suit Mrs. Rochester exactly; and whether she won't look like Queen Boadicea, leaning back against those purple cushions» [2, с. 229].

В.О. Станевич использует в переводе трансформацию опущения:
– *Вы должны посмотреть коляску, Джен, и сказать, подходит ли она для миссис Рочестер. И будет ли моя невеста похожа на*

настоящую королеву, когда откинется на пунцовые подушки (пер. В.О. Станевич) [3, с. 237].

На наш взгляд, опущение здесь вполне оправданно, так как в тексте романа не содержится отсылки к историческим событиям, связанным с королевой Боадией; это имя ассоциируется скорее с роскошью и богатством.

И.Г. Гурова сохраняет прецедентное имя в переводе, не сопровождая его примечанием:

– Вы обязательно посмотрите новую карету, Джейн, и скажете мне, верно ли, что она удивительно подойдет миссис Рочестер, которая, откинувшись на алые подушки, будет выглядеть как Боадия в колеснице (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 138].

В тексте содержатся сразу несколько прецедентных имен, связанных с историей Британии. Например, в диалоге между мистером Рочестером и Бланш Ингрэм мы находим ряд исторических личностей:

‘Who would not be the Rizzio of so divine a Mary?’

‘A fig for Rizzio!’ cried she, tossing her head with all its curls, as she moved to the piano. ‘It is my opinion the fiddler David must have been an insipid sort of fellow; I like black Bothwell better: to my mind a man is nothing without a spice of the devil in him; and history may say what it will of James Hepburn, but I have a notion, he was just the sort of wild, fierce, bandit hero whom I could have consented to gift with my hand [2, с.167].

В романе речь идет о Давиде Риччио – секретаре и фаворите королевы Марии Стюарт, убитом протестантами; Джеймсе Хепберне, графе Босуэлле, третьем муже Марии Стюарт, который, как полагают, был причастен к убийству её второго мужа лорда Дарнли. Также упоминается сама Мария Стюарт – шотландская королева-католичка, вынужденная бежать в Англию, где она была казнена по приказу Елизаветы I.

В.О. Станевич предлагает вариант перевода прецедентных имен с использованием приема транскрипции, сопровождая их необходимыми сносками:

– Кто не захочет быть Риччио при столь божественной Мэри?
– Бросьте вашего Риччио! – воскликнула она, тряхнув кудрями и направляясь к роялю. – Я считаю, что скрипач Давид был препротивным субъектом, черный Босуэлл нравится мне гораздо больше. По-моему, мужчина ничего не стоит, если в нем нет чего-то дьявольского. Пусть история говорит что угодно, но, мне кажется, он был как раз таким диким, неистовым героем злодейского типа, какому я согласилась бы отдать свою руку (пер. В.О. Станевич) [3, с. 177].

В переводе опущено личное имя графа Босуэлла, так оно дается в сноске. Перевод И.Г. Гуровой более приближен к оригиналу, здесь, как и в тексте оригинала, сохраняются имя и фамилия Босуэлла:

– Кто откажется быть Риччио при такой божественной Мариш?

– Ах, подите вы с Риччио! – воскликнула она, встряхнув головой и локонами, и направилась к роялю. – По-моему, пиликавший на скрипочке Давид был тряпкой. Я предпочитаю черного Босуэлла. На мой взгляд, мужчина – не мужчина, если в нем нет хоть частицы дьявола. И пусть история твердит что хочет о Джеймсе Хепберне, но мне кажется, он был именно таким необузданным, неистовым героем-разбойником, кому бы я согласилась даровать мою руку (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 100].

Сцена из романа, в которой описано публичное унижение Джейн со стороны наставника приюта «Лоувуд» мистера Брокльхерста содержит известную прецедентную ситуацию, связанную с решительностью и отвагой римского полководца и императора Юлия Цезаря:

A pause – in which I began to steady the palsy of my nerves, and to feel that the Rubicon was passed; and that the trial, no longer to be shirked, must be firmly sustained [2, с. 63].

В переводе В.О. Станевич прецедентное высказывание опущено, тогда как И.Г. Гурова его сохраняет:

Наступила пауза, во время которой я почувствовала, что мне уже удастся сдержать дрожь, сотрясающую все мои члены: ведь так или иначе суда не избежать, а испытание нужно вынести с твердостью (пер. В.О. Станевич) [3, с. 74].

Пауза, в течение которой я начала справляться с пляской моих нервов и понимать, что Рубикон перейден, что испытание, которого избежать не удалось, необходимо перенести с твердостью (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 38].

Отказ от перевода прецедентного феномена В.О. Станевич, по-видимому, вызван тем, что он не вносит какой-либо дополнительный смысл в содержание отрывка.

При описании своей жены Берты Мейсон, с которой он встретился на Ямайке, Рочестер характеризует её как порочную женщину, сравнивая с женой римского императора Мессалиной:

I tried dissipation – never debauchery: that I hated, and hate. That was my Indian Messalina's attribute: rooted disgust at it and her restrained me much, even in pleasure [2, с. 291].

Мессалина – третья жена римского императора Клавдия, известная своей порочностью [6, с. 215]. При переводе данного прецедентного имени используется прием транслитерации.

Я стал искать развлечений, хотя никогда не опускался до разврата. Излишества всякого рода мне глубоко противны. Это было как раз стихией моей вест-индской Мессалины (пер. В.О. Станевич) [3, с. 298].

Разочарования лишили меня разборчивости, я испробовал беспутную жизнь – но не разврат, его я ненавижу и ненавижу. Он был атрибутом моей ямайской Мессалины: глубокое отвращение к ней и к нему удерживало меня от многого даже в удовольствиях (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 178].

Вторая и, пожалуй, наиболее многочисленная группа прецедентных феноменов – библейские персонажи и сюжеты. Многие исследователи творчества Ш. Бронте отмечают, что христианские мотивы являются доминирующими в романе. По мнению Д. Шин, на протяжении всего действия романа Джейн пытается найти равновесие между моральным долгом и земными желаниями, между духовными и плотскими устремлениями [14].

В приюте «Лоувуд» маленькая Джейн встречает Хелен Бёрнс – набожную девочку, которая со смирением принимает издевательства и унижения.

Still I felt that Helen Burns considered things by a light invisible to my eyes. I suspected she might be right and I wrong; but I would not ponder the matter deeply; like Felix, I put it off to a more convenient season [2, с. 53].

В данном предложении можно обнаружить прецедентную ситуацию, связанную с библейской историей об апостоле Павле и римском прокураторе Антонии Феликсе. Узнав об обвинениях иудеев против Павла, Феликс отсрочил вынесение вердикта в отношении Павла. Оба переводчика в данном отрывке сохраняют прецедентную ситуацию для более детальной передачи содержания романа:

Я пододревала, что, может быть, права она, а я ошибаюсь, но не собиралась в это углубляться и подобно Феликсу отсрочила свои размышления до более подходящего случая (пер. В.О. Станевич) [3, с. 64].

Мне показалось, что, возможно, правота за ней, а не за мной, и, подобно Феликсу, я отложила решение вопроса на потом (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 31].

Библейские имена служат своего рода аллегориями. Например, в данном отрывке имя персидского царя Артаксеркса, упоминающегося в Библии, является аллегорией богатства:

“Now, King Ahasuerus! What do I want with half your estate? Do you think I am a Jew-usurer, seeking good investment in land? I would much rather have all your confidence. You will not exclude me from your confidence if you admit me to your heart?” [2, с. 244]

Переводы прецедентного имени идентичны, поскольку имя царя Артаксеркса обнаруживается в первоисточнике – тексте Библии, который взят переводчиками за основу:

– *Послушайте, царь Артаксеркс, что мне делать с половиной вашего состояния? Уж не думаете ли вы, что я еврей-ростовщик, который ищет, как бы повыгодней поместить свои деньги? Я предпочла бы, чтобы вы подарили мне ваше доверие целиком. Ведь я не лишусь вашего доверия, раз уж вы допустили меня в свое сердце?* (пер. В.О. Станевич) [3, с. 253]

– *Ах, царь Артаксеркс! Зачем мне половина ваших владений? Или я, по-вашему, ростовщик, желающий вложить деньги в землю? Я*

бы предпочла ваше полное доверие. Вы ведь не лишите меня своего доверия, если допустите в свое сердце? (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 147]

Прецедентные библейские имена Job и leviathan обнаруживаются в диалоге между Джейн и Рочестером:

'I wish to be a better man than I have been, than I am; as Job's leviathan broke the spear, the dart, and the habergeon, hindrances which others count as iron and brass, I will esteem but straw and rotten wood' [2, с. 134].

Левиафан – огромное и непобедимое морское чудовище, упоминаемое в Книге Иова из Ветхого Завета:

The sword of him that layeth at him cannot hold: the spear, the dart, nor the habergeon.

He esteemeth iron as straw, and brass as rotten wood [15].

В указанных переводах передача прецедентных имен идентична, так как данные лексические единицы имеют единичные соответствия в русском языке:

Я хочу стать лучше, чем я был, чем я есть; и так же, как Левиафан сломал стрелу и копьё Иова, так же препятствия, которые другими считаются железом и сталью, станут для меня соломой и гнилушками! (пер. В.О. Станевич) [3, с. 144]

Я хочу стать лучше, чем был, чем пока остаюсь. Подобно тому как Левиафан Иова сокрушал копьё, дротики и латы, так я считаю соломой и гнилым деревом препятствия, которые другим представляются железом и медью (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 81].

Однако в переводах наблюдается расхождение в способах описания ситуации. В.О. Станевич допускает отклонение от оригинала при указании на прецедентную ситуацию – в ее интерпретации Левиафан сломал стрелу и копьё Иова, тогда как в Книге Иова из Ветхого Завета не упоминается борьба между Иовом и Левиафаном; дается только описание неуязвимости Левиафана. Перевод И.Г. Гуровой, таким образом, точнее передает содержание текста оригинала и прецедентную ситуацию.

Следующая прецедентная ситуация отсылает читателя к библейскому сюжету «Десяти казней Египетских», согласно которому Бог

наказал египтян за нежелание египетского фараона освободить поработанных евреев; так были умерщвлены все первенцы, кроме еврейских:

My hopes were all dead – struck with a subtle doom, such as, in one night, fell on all the first-born in the land of Egypt [2, с. 277].

Как в переводе В.О. Станевич, так и в переводе И.Г. Гуровой, прецедентная ситуация сохраняется:

Все мои надежды погибли, они убиты по воле коварного рока, как были убиты в одну ночь все первенцы в Египте (пер. В.О. Станевич) [3, с. 283].

Все мои надежды погибли, уничтоженные тайным роком, подобным тому, который однажды ночью поразил всех первенцев в земле Египетской (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 167].

Текст романа содержит отсылки к другим библейским сюжетам. Например, наблюдая театрализованное представление, в котором участвуют Бланш Ингрэм и мистер Рочестер, Джейн безошибочно узнает персонажей библейской книги Бытия:

From the bosom of his robe he then produced a casket, opened it and showed magnificent bracelets and earrings; she acted astonishment and admiration; kneeling, he laid the treasure at her feet; incredulity and delight were expressed by her looks and gestures; the stranger fastened the bracelets on her arms and the rings in her ears. It was Eliezer and Rebecca: the camels only were wanting [2, с. 171].

Согласно Библии, Елиезер из Дамаска жил в доме Авраама, должен был стать его наследником в случае, если бы брак Авраама оказался бездетным. Обычно полагают, что Елиезер был тем рабом, который сватал для Исаака жену из родственниц Авраама [11].

Тогда он вынул из-за пазухи шкатулку, открыл ее и извлек оттуда драгоценные браслеты и серьги. Женщина изобразила удивление и восторг. Преклонив колена, он сложил сокровища к ее ногам. Она взглядом и жестами выразила недоверие и радость. Незнакомец надел браслеты на ее руки и вдел серьги ей в уши. Это были Елиезар и Ревекка; не хватало только верблюдов (пер. В.О. Станевич) [3, с.181].

Тогда из складок одежды на груди он извлек ларчик, открыл и показал ей великолепные браслеты и серьги. Она изобразила изумление и восторг. Опустившись на колени, он поставил ларчик с драгоценностями у ее ног. Ее лицо и жесты выражали ошеломление и радость. Незнакомец застегнул браслеты на ее запястьях и вдел золотые обручи ей в уши. Елиезер и Ревекка! Не хватало только верблюдов (пер. И.Г. Гуровой) [4, с.103].

Сопоставительный анализ переводов показывает, что перевод И.Г. Гуровой точнее передает содержание оригинала, так как в нем воспроизводится библейская цитата и подобран русский эквивалент имени Eliezer – Елиезер.

В романе упоминается Димас (Демос) – сподвижник Павла, вместе с ним посылавший из Рима приветы в Колоссы и Филимону. Позже он, из любви к мирскому, оставил апостола и отправился в Фессалонику.

In the calm with which you learnt you had become suddenly rich, I read a mind clear of the vice of Demas: – lucre had no undue power over you [2, с. 377].

В.О. Станович в переводе данного прецедентного имени использует прием транслитерации, тогда как И.Г. Гурова отдает предпочтение транскрипции.

Вы спокойно учились жить. И внезапно к вам пришло богатство. Я угадал в вас душу, чистую от грехов Демоса; жадность осталась вам чуждой (пер. В.О. Станевич) [3, с. 383].

В спокойствии, с каким ты приняла известие о своем внезапном богатстве, я узрел дух, чистый от порока Димаса – золото не пробуждало в тебе алчности (перевод И.Г. Гуровой) [4, с. 227].

Интересно отметить, что в обоих переводах не содержится примечаний, объясняющих происхождение и значение прецедентного имени Димас, хотя оно может быть неизвестным даже читателям, хорошо знакомым с текстом Библии.

Источником третьей тематической группы прецедентных феноменов послужили литературные произведения.

В следующем отрывке содержится несколько измененное выражение *Warmecide feast – Бармецидов пир, видимость угощения,*

восходящее к памятнику средневековой арабской и персидской литературы «Тысяча и одна ночь»:

That night, on going to bed, I forgot to prepare in imagination the Barmecide supper of hot roast potatoes, or white bread and new milk, with which I was wont to amuse my inward cravings [2, с. 71].

Трудность перевода выражения заключается в том, что в русском языке не фиксируется постоянного эквивалента выражения *Barmecide feast*, поэтому переводчики вынуждены заменить его. В переводе В.О. Станович имя собственное заменяется прилагательным *роскошный*.

Вечером, ложась в постель, я даже забыла представить себе роскошный ужин из жареной картошки или же из булки и парного молока – мои излюбленные яства, которыми я обычно старалась в воображении утолить постоянно мучивший меня голод (пер. В.О. Станевич) [3, с. 81–82].

И.Г. Гурова использует фразеологизм *лукуллов пир*, заимствованный из античной литературы и имеющий значение «обильного застолья и всякого рода гастрономических изысков» (по имени римского полководца и консула Лукулла) [12, с. 307]:

Вечером, когда я легла спать, то забыла приготовить в воображении лукуллов пир из горячей жареной картошки или из белого хлеба и парного молока, каким обычно заглушала голод (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 41].

В тексте романа был обнаружен ряд прецедентных феноменов, источником которых являются литературные произведения, ставшие классикой уже ко времени публикации романа, например, пьесы У. Шекспира. В тексте оригинала находим прецедентное имя *Ariel*, обозначающее дух воздуха в шекспировской пьесе «Буря»:

The west wind whispered in the ivy round me; but no gentle Ariel borrowed its breath as a medium of speech: the birds sang in the tree-tops; but their song, however sweet, was inarticulate [2, с. 204].

Прецедентное имя с небольшими расхождениями передано в обоих переводах.

Западный ветер шелестел хвоей вокруг меня, но нежный Ариель не воспользовался его дыханием, чтобы ответить вместо меня;

птицы пели в кронах деревьев, но их песнь, хотя и сладостная, была бессловесна (пер. В.О. Станевич) [3, с. 212].

В плюще вокруг меня шелестел западный ветерок, но не нашлось Ариэля воспользоваться им, чтобы нашептать мне нужные слова; в цветущих ветвях над моей головой звенели птичьи трели, но и их нежная музыка ничего посоветовать не могла (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 123].

She stood there, by that beech-trunk – a hag like one of those who appeared to Macbeth on the heath of Forres [2, с. 134].

Предложение содержит прецедентную ситуацию из драмы У. Шекспира «Макбет» – сцену, когда Макбет встречает трех ведьм на поросшей вереском пустоши у шотландского города Форрес.

В обоих переводах сохранено указание на прецедентную ситуацию:

Она стояла вон там, возле ствола, – ведьма, подобная одной из тех, которые явились Макбету под Форресом (пер. В.О. Станевич) [3, с. 144].

Она стояла вон там у ствола бука – ведьма вроде тех, что являлись Макбету среди вересков под Форресом (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 80].

В переводе И.Г. Гуровой с помощью транслитерации точнее передано название города Форрес.

В следующем примере находим прецедентное высказывание из исторической хроники У. Шекспира «Король Иоанн», вошедшее во фразеологический фонд английского языка:

'Not at all, sir; I ask only this: don't send for the jewels, and don't crown me with roses: you might as well put a border of gold lace round that plain pocket handkerchief you have there.'

'I might as well 'gild refined gold' [2, с. 244].

Русскоязычный читатель, скорее всего, не знаком с данным устойчивым выражением, поэтому в своем переводе И.Г. Гурова прибегает к трансформации добавления:

– Нет-нет, сэр. Я попрошу лишь одного: не посылайте за драгоценностями и не увенчивайте меня розами. Не станете же вы обшивать золотом и кружевами вот этот простой носовой платок.

– С тем же успехом я мог бы «золото позолотить», как сказано у Шекспира (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 147].

Перевод В.О. Станевич не содержит каких-либо указаний на первоисточник выражения:

– *Прошу вас об одном: не посылайте за драгоценностями и не украшайте меня розами. Это все равно что обшить золотым кружевом вот этот простой носовой платок, который вы держите в руке...* –

– *Может быть, ты хочешь сказать, что золото не нуждается в позолоте (пер. В.О. Станевич) [3, с. 252].*

В тексте романа также можно обнаружить прецедентную ситуацию, взятую из аллегории английского писателя и религиозного деятеля Джона Беньяна «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (The Pilgrim's Progress from This World, to That Which Is to Come):

He may be stern; he may be exacting; he may be ambitious yet; but his is the sternness of the warrior Greatheart, who guards his pilgrim convoy from the onslaught of Apollyon [2, с. 422].

Имена, являющиеся компонентами данной ситуации, передаются в обоих переводах с помощью калькирования и транслитерации:

Пусть он суров, пусть требователен, пусть даже честолюбив. Но суров он как воин Великое Сердце, оберегающий своих паломников от нападения дьявола Аполлиона (пер. В.О. Станевич) [3, с. 427].

Пусть он суров, пусть требователен, пусть даже все еще честолюбив, но суров он, как воин Великое Сердце, оберегающий вверившихся ему паломников от дьявола Аполлиона (пер. И.Г. Гуровой) [4, с. 254].

Таким образом, сопоставительный анализ оригинального текста романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» и его переводов на русский язык показал, что в целом переводчиками были найдены адекватные способы передачи прецедентных феноменов. В тех случаях, когда имеются единичные соответствия, то есть в русском лингвокультурном пространстве обнаруживаются те же прецедентные феномены, переводчики прибегают к транскрипции и транслитерации. Это относится, прежде всего, к библейским персонажам и сюжетам, которые составляют значительную часть прецедентных феноменов в романе. Национально-прецедентные феномены чаще сопрово-

ждаются пояснениями в виде сносок, дополнениями в тексте перевода. В некоторых случаях пояснения отсутствуют, что затрудняет понимание современного русскоязычного читателя, не знакомого с данными прецедентными феноменами.

Если сопоставлять степень полноты передачи прецедентных феноменов, то из 18 выявленных в оригинальном тексте прецедентных феноменов в переводе И.Г. Гуровой сохранены 18, в переводе В.О. Станевич передано 15 прецедентных феноменов. Такие отклонения от текста оригинала допустимы, так как не нарушают сюжетную линию романа. Однако, на наш взгляд, текст перевода в случае отказа от передачи прецедентных феноменов недостаточно полно передает специфику национальной лингвокультуры, глубину образов романа и авторский замысел.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Бронте Ш. Лучшие романы сестер Бронте / The Best of the Brontë Sisters. М.: Эксмо, 2013. 1072 с.
3. Бронте Ш. Джейн Эйр: Роман. Стихотворения: Перевод с английского В. Станевич. М.: Художественная литература, 1990. 447 с.
4. Бронте Ш. Джейн Эйр: Перевод с английского И.Г. Гуровой. М.: АСТ, 2005. 256 с.
5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
6. Ермолович Д.И. Англо-русский словарь персоналий. М.: Русский язык, 1999. 336 с.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДК «Гнозис», 2002. 284 с.
8. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
9. Макарова Л.С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода. Дис. ... д-ра фил. наук. М., 2006. 364 с.

10. Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 17–23.
11. Ринекер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза // URL: <https://www.bible-center.ru/ru/dict/brodict> (дата обращения: 15.02.2019).
12. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-пресс, 2005. 852 с.
13. Ямалова Ю.В. История переводов романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» в России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 38–41.
14. Shin J. Reflection on Feminism and Christianity in «Jane Eyre» // URL: https://www.academia.edu/33264954/Feminism_and_Christianity_in_Jane_Eyre (дата обращения: 28.02.2019).
15. The Holy Bible. King James Version. // URL: <https://www.o-bible.com/cgi-bin/ob.cgi?version=kjv&book=job&chapter=41> (дата обращения: 12.02.2019).

References

1. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to translation theory]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. 352 p.
2. Brontë Ch. *Luchshie romany sester Bronte* [The Best Novels of the Brontë Sisters] / *The Best of the Brontë Sisters*. M.: Jeksmo, 2013. 1072 p.
3. Brontë Ch. *Dzhejn Jejr: Roman. Stihotvorenija* [Jane Eyre. A Novel. Poems]. *Perevod s angliyskogo V. Stanevich*. M.: Hudozhesvennaya literatura, 1990. 447 p.
4. Brontë Ch. *Dzhejn Jejr* [Jane Eyre]. *Perevod s angliyskogo I. Gurovoj*. M.: ACT, 2005. 256 p.
5. Gudkov D.B. *Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii*. [Theory and practice of intercultural communication]. M.: ITDGG «Gnozis», 2003. 288 p.

6. Ermolovich D.I. *Anglo-russkij slovar' personalij* [The English-Russian who's who in fact and fiction]. M.: Russkij jazyk, 1999. 336 p.
7. Krasnyh V.V. *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: Kurs lekcij* [Ethnopsycholinguistics and linguo-cultural studies: A course of lectures]. M.: ITDK «Gnozis», 2002. 284 p.
8. Komissarov V.N. *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. M.: Vysshaja shkola, 1990. 253 p.
9. Makarova L.S. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty hudozhestvennogo perevoda* [Communicative and pragmatic aspects of literary translation]. Dis. ... d-ra fil. nauk. M., 2006. 364 p.
10. Nazarova R.Z., Zolotarev M.V. Precedentnye fenomeny: problemy definicii i klassifikacii precedentnyh fenomenov [Precedent phenomena: problems of their definition and classification]. *Izvestija Saratovskogo Universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika*, no 15 (2015). P. 17-23.
11. Rineker F., Majer G. *Biblejskaja jenciklopedija Brokgauza* [Brokgauz biblical encyclopaedia]. URL: <https://www.bible-center.ru/ru/dict/brodict>.
12. Serov V.V. *Jenciklopediceskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopaedical dictionary of proverbial words and phrases]. M.: Lokidpress, 2005. 852 p.
13. Jamalova Ju.V. Istorija perevodov romana Sharlotty Bronte «Dzhejn Jejr» v Rossii [History of translations of “Jane Eyre” by Charlotte Brontë in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 363 (2012). P. 38-41.
14. Shin J. Reflection on Feminism and Christianity in «Jane Eyre». URL: https://www.academia.edu/33264954/Feminism_and_Christianity_in_Jane_Eyre.
15. The Holy Bible. King James Version. URL: <https://www.o-bible.com/cgi-bin/ob.cgi?version=kjv&book=job&chapter=41>.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Нененко Александр Александрович, ассистент кафедры теории и методики начального и дошкольного образования, кандидат

филологических наук.
Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
nepenko_t@mail.ru

Панин Виталий Витальевич, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания, кандидат филологических наук
Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
paninvv@mail.ru

Рындина Юлия Валерьевна, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания, кандидат филологических наук
Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация
melodica@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nenenko Aleksandr Aleksandrovich, Assistant Lecturer at the Department of Theory and Methods of Preschool and Primary Education, Candidate of Philological Sciences
P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute, a branch of Tyumen State University
1, Lenin Str., Ishim, Tyumenskaya Oblast, 627750, Russian Federation
paninvv@mail.ru

Panin Vitaliy Vitalyevich, Senior Lecturer at the Department of Russian and Foreign Philology and Methods of Teaching, Candidate of Philological Sciences

P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute, a branch of Tyumen State University

1, Lenin Str., Ishim, Tyumenskaya Oblast, 627750, Russian Federation

paninvv@mail.ru

Ryndina Yulia Valeryevna, Assistant Professor at the Department of Russian and Foreign Philology and Methods of Teaching, Candidate of Pedagogical Sciences

P.P. Yershov Ishim Pedagogical Institute, a branch of Tyumen State University

1, Lenin Str., Ishim, Tyumenskaya Oblast, 627750, Russian Federation

melodica@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-159-171

УДК 81

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Телегина Е.В., Талапина М.Б.

Цель. Статья посвящена сопоставительному анализу русских и английских фразеологических единиц с точки зрения аксиологического аспекта их языковой семантики.

Методология проведения работы. Рассмотрение семантики проводится на материале фразеологических единиц с компонентами-числительными в оценочно-культурологическом ключе, что позволяет уточнить характер выражаемой оценки с точки зрения лингвокультурологии. Анализ языковой семантики фразеологических единиц в русском и английском языках проводится в русле сопоставительного метода с использованием метода компонентного анализа в его дефиниционном варианте, а также частичным использованием статистических методик. Для лингвистического описания фразеологических единиц по выявленным тематическим группам используется комплекс синхронных приемов анализа, а именно общенаучные методы исследования, такие как анализ, синтез, сравнение, классификация.

Результаты. Определены общие и отличительные особенности актуализации аксиологической составляющей узуальной семантики русских и английских фразеологических единиц с компонентами-числительными.

Область применения результатов. Результаты исследования позволяют уточнить информацию о культурном своеобразии типа оценки на уровне коллективного знания в русской и английской языковых картинах мира.

Ключевые слова: лингвокультурология; фразеологические единицы; аксиологический компонент семантики; характер оценки; тематическая группа; лингвокультура; языковая картина мира.

AXIOLOGICAL ASPECT OF PHRASEOLOGICAL UNITS SEMANTICS IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES

Telegina E.V., Talapina M.B.

Purpose. *The paper presents a contrastive analysis of Russian and English phraseological units in terms of the axiological aspect of their usual semantics.*

Methodology. *The study analyses semantics of phraseological units with numerical components in terms of evaluative cultural semantics, which helps to obtain a more detailed information on the evaluation characteristics as seen by cultural studies. The analysis of language semantics of the phraseological units is carried out on the basis of the comparative method using the method of component analysis in its definition variant as well as statistical techniques. Linguistic description of the phraseological units within thematic groups is provided with the usage of a number of synchronous techniques of analysis, namely such methods of general science as analysis, synthesis, comparison and classification.*

Results. *The study identifies both common and specific features of axiological usual semantics actualization of phraseological units with numerical component parts.*

Practical implications. *The results presented provide more details on cultural peculiarities of evaluation types on the level of universal knowledge in the Russian and English linguistic pictures of the world.*

Keywords: *linguistic and cultural studies; phraseological units; axiological aspect of semantics; evaluation character; thematic group; linguoculture; linguistic picture of the world.*

Введение

В последние десятилетия наблюдается активное развитие лингвокультурологического направления во фразеологии, ориентированного на исследование фразеологических единиц сквозь призму общности языка и культуры. Особое внимание многих отечественных и

зарубежных лингвистов обращено к таким аспектам изучения фразеологизмов, как выявление их национально-культурной специфики и анализ эмотивно-аксиологического аспекта фразеологизмов сквозь призму установок культуры: Н.Ф. Алефиренко [1], Н.Д. Арутюнова [2], В.Г. Гак [5], И.В. Зыкова [6], М.Л. Ковшова [8], В.Н. Маслова [11], В.Н. Телия [16], А. Naciscione [19], К. Fox [17] и другие.

Актуальность данной статьи обусловлена тем фактом, что фразеологизм как особый знак языка осуществляет возможность человека выразить его ценностно-эмоциональное отношение к окружающей действительности. Исследование фразеологизмов с этой точки зрения позволяет выявить их лингвокультурные особенности. Данное исследование позволяет уточнить данные по разным фрагментам фразеологической картины мира для формирования её единой структуры.

Научная новизна работы объясняется тем, что исследование направлено на выявление характера оценки фразеологических единиц с компонентами-числительными, которые в малой степени изучены с точки зрения лингвокультурологии и аксиологии.

Объектом исследования являются фразеологические единицы с компонентами-числительными в русском и английском языках.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ характера оценки фразеологических единиц с компонентами-числительными на языковом уровне и выявление их специфики в русской и англоязычной лингвокультурах.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: определить корпус фразеологических единиц русского и английского языков с компонентами-числительными, разработать методику выявления оценочных характеристик данных фразеологических единиц, рассмотреть культурно-обусловленные значения чисел в русской и англоязычной культурах, выявить значимость и специфику оценочного компонента в семантике фразеологизмов русского и английского языков.

Материалы и методы

Материал исследования извлечен методом сплошной выборки из фразеологических словарей современного русского и английского

языков (всего 24 словаря русского языка и 19 словарей английского языка) и составил 400 фразеологических единиц в равных количествах в сопоставляемых языках.

Для определения методики исследования оценочного компонента семантики фразеологизмов необходимо определить сущность оценки. В научной литературе под *оценкой* понимается отношение между нормативной картиной мира субъекта оценки и объектом оценки, оцениваемым положительно или отрицательно по какому-либо основанию. В качестве субъекта оценки (эксплицитного или имплицитного) может выступать человек или социум. Объектом оценки может быть предмет, лицо или событие [2; 4].

Специфика фразеологии состоит в том, что оценочный компонент семантики фразеологических единиц отражает человеческий фактор, то есть отношение говорящего к сообщаемому. Это дает нам основание говорить о «характере оценки», под которым мы понимаем отрицательную или положительную оценку и направленность этой оценки на тот или иной вид деятельности субъекта.

В целях нашего исследования ФЕ с количественным компонентом были классифицированы по тематическим группам с учётом характеризующей функции фразеологических единиц. При отнесении фразеологизмов к той или иной тематической группе мы руководствовались методикой В.Н. Телия, в соответствии с которой «основанием классификации является денотативный аспект значения фразеологических единиц» [16, с. 157].

Выявление оценочности всей фраземы с компонентом-числительным осуществлялось на основе компонентного анализа в его дефиниционном варианте с учетом словарных помет. Кроме того, активно использовался лингвокультурологический комментарий, представленный в толковых словарях [3; 9; 13; 18; 20], словарях символов [7; 10] и энциклопедических словарях [14].

Число является одним из значимых элементов культуры, которое отражает особенности мышления нации. Обращение к символическим значениям числа позволяет выявить, какие культурные представления и ассоциации входят в семантику языкового знака, как это влияет на оценку фразеологизма.

Результаты и обсуждение

В целях исследования анализ аксиологического компонента семантики русских и английских фразеологических единиц удобно проводить в рамках тематических групп. Так, с опорой на лексикографический материал нами были выделены 9 тематических групп фразеологизмов в зависимости от характера оценки, а именно: 1) фразеологизмы с оценкой деятельности субъекта, 2) с оценкой действия или поведения субъекта, 3) с оценкой характера действия, 4) с оценкой результата действия, 5) с оценкой процесса совершаемого действия, 6) с оценкой качества субъекта, 7) с оценкой физического или психофизиологического состояния субъекта, 8) с оценкой эмоционального состояния субъекта и 9) с оценкой межличностных отношений.

Рассмотрим особенности актуализации оценочного компонента в языковой семантике ФЕ в наиболее репрезентативных тематических группах.

Количественный анализ репрезентативности разных типов оценки показал, что подавляющее большинство ФЕ с компонентами-числительными обоих языков актуализируют *оценку характера действия/поведения субъекта* (рус. яз. – 40%; англ. яз. – 30%), а также его *внешних качеств и внутренних свойств* (рус. яз. – 30%; англ. яз. – 35%), что демонстрирует антропоцентрический характер оценки исследуемых ФЕ [15, с. 143].

Анализ показал, что, как в русском, так и в английском языке, большинство ФЕ с *оценкой характера действия* связаны с понятием времени и скорости совершаемого действия (например, *одним махом, в один миг, в двух словах; at one sitting, at/in one fell swoop, in the first place*). В русском языке выявлены ФЕ, которые соотносятся с категорией пространства (*один шаг до чего-либо, в двух шагах*).

В группе с *оценкой качеств субъекта* у многих ФЕ в двух языках оцениваются главным образом профессиональные качества (например, *на вторых ролях, первой руки, давать сто очков вперед; one trick pony, number one*). При этом устойчивые словосочетания с *оценкой внутренних свойств*, таких как умственные способности человека и его знания, малочисленны (например, *голова два уха, одна голова хорошо, а две лучше; two heads are better than one, one*

track mind). Нужно отметить, что среди рассматриваемых ФЕ русского языка выявлены единицы, которые выражают оценку внешних и внутренних свойств человека и используются с целью сравнения его с другими людьми (например, *на одно лицо, одного поля ягода из одного теста*).

Третье место занимают ФЕ с *оценкой действия / поведения субъекта* (рус. яз. – 13%, англ. яз. – 10%) (например, *спустить семь шкур, стричь всех под одну гребёнку; have second thoughts, fall between two stools*) [15, с. 145].

Английские и русские ФЕ с *оценкой межличностных отношений* составили примерно одинаковое количество (по 10 % в рус. и англ. яз.) [15, с. 145]. Если русские ФЕ манифестируют оценку родственных и дружеских отношений (*десятая вода на киселе, как собаке пятая нога*), то английские ФЕ характеризуют деловые отношения людей (*fifty-fifty, two can play at the game, first among equals*).

Следующими по репрезентативности выделяются ФЕ с *оценкой эмоционального состояния субъекта* с примерно одинаковым количеством по языкам (рус. яз. – 3%, англ. яз. – 5%) [15, с. 145]. Общими семантическими компонентами для ФЕ данной группы оказываются ‘счастье’, ‘радость’ и ‘настроение человека’. Интересно отметить, что некоторые устойчивые словосочетания английского языка имеют эквиваленты в русском языке (*to be on the seventh heaven – на седьмом небе, between two fires – между двух огней*).

Общей чертой языковой картины мира в русском и английском языках является низкая когнитивная выделенность оценки *психологического* или *физического состояния* человека, *процесса совершаемого действия* и *результата действия* на материале рассматриваемых устойчивых словосочетаний.

Сопоставительный анализ ФЕ данной группы в аксиологическом аспекте также показал, что фразеологизмы двух языков манифестируют противоположную оценочность на языковом уровне. В то время как большая часть ФЕ русского языка актуализирует отрицательную оценку, в английском языке наблюдается преобладание положительной оценки [15, с. 146].

Можно предложить, что доминирование в английском языке положительной оценки объясняется особенностями британской лингвокультуры. Повседневная социальная жизнь англичан в значительной степени регулируется этикетом, правилами сдержанности, умеренности и преуменьшения значимости событий [17]. Тот факт, что в русском языке в большинстве рассмотренных тематических групп превалируют ФЕ с отрицательной эмоциональной оценкой, по-видимому, может быть объяснен гораздо большей потребностью представителей русской культуры «дифференцировать отрицательную, опасную информацию, чтобы быть к ней лучше подготовленным, чтобы уметь более точно и ясно о ней рассказать...» [12, с. 301].

В группе ФЕ с *оценкой качеств* субъекта наблюдается равное соотношение английских ФЕ с положительной и отрицательной оценкой, тогда как в русском языке доминирует негативная оценка внешности, характера, социального положения человека [15, с. 147]. В обоих языках положительно оценивается знание человеком своего дела (*давать десять (сто) очков вперед, первый человек; be the second to none, to be of the first order*). Если представители русской культуры осуждают непостоянство, с неодобрением высказываются о схожести в проявлении качеств (*одного поля ягода, семь пятниц на неделе*), то в англоязычной лингвокультуре дается негативная оценка таким качествам человека, как глупость, нерешительность в действиях, проявление лжи (*be in two minds, as phony as a three-dollar bill, as thick as two short planks*).

Следующая группа ФЕ, представленная в обоих языках, эксплицирует *оценку характера действия и поведения* человека. Статистический анализ показал, что ФЕ русского языка выражают негативную оценку в большей степени, чем положительную (17% и 11% соответственно), в то время как в английском языке наблюдается противоположная тенденция (20% английских ФЕ с положительной оценкой и 5% с отрицательной) [15, с. 147]. В русской культуре негативно оценивается притеснение других людей с целью получения выгоды для себя, выполнение двух дел одновременно, поведение с целью обмана (*драть семь шкур, на два фронта, наговорить семь верст до небес*). Осуждается также необоснованное уравнивание

людей (*мерить на один аршин, стричь всех под одну гребенку*). Носители английского языка выражают одобрение новых начинаний (*take the first step, first things first*).

Далее рассмотрим группу ФЕ с оценкой эмоционального состояния человека. В данной группе русские фразеологизмы с положительной оценкой составляют 1%, а с отрицательной оценкой (1,5%), тогда как соотношение английских фразеологизмов составляет 2% и 3,4% соответственно [15, с. 148]. Выявлено, что в обоих языках фразеологизмы с положительной оценочностью описывают чувство счастья и радости (*на седьмом небе, to be on the seventh heaven, to be like a dog with two tails*). Если объектом отрицательной оценки в русском языке являются одиночество, душевная боль (*девятый вал, один как перст*), то в английском языке – плохое настроение, смятение (*as cross as two sticks; at sixes and sevens*).

Процент английских ФЕ, манифестирующих отрицательную оценку психофизиологического или физического состояния субъекта, чуть выше, чем с положительной оценкой (2,5% и 1% соответственно). В русском языке данное соотношение одинаковое (1,5%) [15, с.148]. Общей чертой русских и английских ФЕ данной группы является описание такого состояния человека, как бодрость, энергичность (*второе дыхание, вторая молодость, second wind, second breath*).

Общей чертой русских и английских ФЕ с оценкой межличностных отношений является то, что большинство устойчивых сочетаний данной группы манифестируют отрицательную оценку человеческих отношений рус. яз. – 5%, англ. яз. – 4%) [15, с. 148]. Нами замечено, что в русской фразеологии объектами оценки преимущественно являются родственные отношения и социальные связи (*седьмая вода на киселе, два медведя в одной берлоге не уживутся*). Фразеологизмы английского языка чаще оценивают партнерские отношения (*two dogs over one bone, a third party*).

Сопоставительный анализ характера оценки ФЕ с компонентами-числительными указывает на то, что большинство ФЕ русского языка манифестируют отрицательную оценку обозначаемого, тогда как среди английских фразеологизмов преобладают устойчивые словосочетания с актуализацией положительной оценки. Данный

факт, по-видимому, может быть объяснен тенденцией представителей русской культуры реже замечать и говорить о светлых сторонах жизни, чем это делают англичане.

Заключение

Проведенный анализ русских и английских фразеологизмов с количественным компонентом позволил расширить представления о типах оценки, транслируемой данными устойчивыми словосочетаниями, и углубить знания о национальном своеобразии культур.

Интерпретирующий характер оценки указывает на то, что временная характеристика действия, представленная в семантике рассматриваемых фразеологизмов, является преобладающей в русской и англоязычной лингвокультурах. Языковая репрезентативность ФЕ с количественным компонентом указывает на то, что в русской культуре важным оказывается сравнение людей между собой с целью выявления внутреннего или внешнего сходства, тогда как в англоязычной культуре ценятся профессиональные качества человека.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 2-е изд., М.: Наука, 2010. 288 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 224 с.
5. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260–265.
6. Зыкова И.В. Фразеология XXI века: итоги и перспективы // Вестник МГЛУ. Выпуск 572, 2009. С. 172-187.
7. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: Relf-book, 1994. 602 с.

8. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.
9. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: «Русский язык», 1984. 944 с.
10. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
12. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 301 с.
13. Русская фразеология: словарь-справочник: около 1500 фразеологизмов. М.: Русский язык. Медиа, 2006. 894 с.
14. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2011. С. 488–489.
15. Телегина Е.В. Оценочно-культурологический аспект русских и английских фразеологизмов с порядковыми и количественными числительными: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 221 с.
16. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 157 с.
17. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. Рипол Классик, 2008. 512 с.
18. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М.: Изд-во Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
19. Naciscione A. Stylistic use of Phraseological Units in Discourse. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 292 p.
20. Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 12.09.2018).

References

1. Alefirenko N.F. *Lingvokultirologia: tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka* [Linguistic culture study: evaluative meaningful scope of the language]. М.: Nauka, 2010. 288 p.

2. Arutiunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye* [Types of language meanings: Evaluation. Event]. M.: Nauka, 1988. 341 p.
3. *Bolshoi phraseologicheskii slovar russkogo yazyka* [Big phraseological dictionary of the Russian language. Usage. Cultural commentary]. M.: AST-PRESS KNIGA, 2006. 784 p.
4. Volf E.M. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. M.: Nauka, 1985. 224 p.
5. Gak V.G. Natsionalno-kulturnaya spetsifika meronimicheskikh phraseologizmov [National and cultural specific features of meronymic phraseologisms]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. M.: Yazyki russkoy kultury, 1999, pp. 260–265.
6. Zykova I.V. Phraseologiya XXI veka: itoghi i perspektivy [Phraseology of the XXI century: results and prospects]. *Vestnik MGLU*. Issue 572, 2009, pp. 172–187.
7. Kerlot H.E. *Slovar simvolov* [Dictionary of symbols]. M.: Relf-book, 1994. 602 p.
8. Kovshova M.L. *Lingvokulturologicheskii metod vo phraseologii: Kody kultury* [Linguocultural method in phraseology: Codes of culture]. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013. 456 p.
9. Kunin A.V. *Anglo-russkii phraseologicheskii slovar* [English-Russian phraseological dictionary]. M.: «Russian language», 1984. 944 p.
10. Makovskiy M.M. *Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh* [Contrastive dictionary of mythological semantics in Indo-European languages]: *Obraz mira i miry obrazov*. M.: Gumanit.izd.tsentr VLADOS, 1996. 416 p.
11. Maslova V.A. *Lingvokulturologhia* [Linguistic culture studies]: ucheb. posobie. M.: Akademia, 2001. 208 p.
12. Maslova V.A. *Homo lingualis v culture* [Homo lingualis in culture]. M.: Gnozis, 2007. 301 p.
13. *Russkaya phraseologhia: slovar-spravochnik: okolo 1500 phraseologizmov* [Russian phraseology: Dictionary handbook: about 1500 phraseologisms]. M.: Russkiy yazyk. Media, 2006. 894 p.

14. *Slavianskaya mifologhia. Entsiklopedicheskiy slovar* [Slavic mythology. Encyclopedia]. M.: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 2011, pp. 488–489.
15. Telegina E.V. *Otsenочно-kulturologicheskiy aspekt russkih i angliyskih phraseologismov s poriadkovymi i kolichestvennymi chislitelnyimi* [Evaluative and cultural aspect of the Russian and English phraseological units with ordinal and cardinal numbers]: diss. ...kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2017. 221 p.
16. Teliya V.N. *Russkaya phraseologhia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturnyi aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Shkola “Yazyki Russkoi kultury”, 1996. 288 p.
17. Fox K. *Nabludaya za anglichanami. Skrytye pravila povedeniya* [Watching the English. The hidden rules of English behavior]. M.: Ripol Klassik, 2008. 512 p.
18. *Phraseologhicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. M.: Astrel: AST, 2008. 878 p.
19. Naciscione A. *Stylistic use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 292 p.
20. Cambridge English Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Телегина Елена Васильевна, доцент, к.филол.н.

*Уральский Федеральный университет имени Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, 620002, Российская Федерация
elenatel@mail.ru*

Талапина Марина Борисовна, доцент, к.филол.н., доцент

*Уральский Федеральный университет имени Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, 620002, Российская Федерация
marinatalapina@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Telegina Elena Vasilievna, assistant professor, candidate of philological sciences

*Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin*

19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

elenatel@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9096-2435

Talapina Marina Borisovna, assistant professor, candidate of philological sciences

*Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin*

19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

marinatalapina@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3131-3985

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-172-179

УДК 81'255.222.118

**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПЕРЕВОДА НАРТОВСКОГО ЭПОСА)**

Бизикоева Л.С.

***Цель.** Статья посвящена проблемам перевода осетинского варианта Нартовского эпоса на разноструктурные языки (русский, английский и французский). Новизна исследования заключается в том, что тексты переводов Нартовского эпоса впервые анализируются с позиций фольклористического перевода. Цель исследования заключается в лингво-культурологическом анализе переводов текстов отдельных сказаний (кадагов), подтверждающем, что подход переводчиков к переводу фольклорных текстов отличается от перевода других художественных текстов.*

***Основные методы,** использованные в исследовании: описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный (контрастивный) и метод контекстологического анализа.*

***Результаты.** В результате проведенного исследования выявлено, что, несмотря на отдельные недостатки, такие как семантические несоответствия, переводчикам удается добиться целей фольклористического перевода, а именно легкости и доступности понимания текста.*

***Область применения результатов.** Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в преподавании теории и практики перевода, лингвокультурологии, сопоставительной лексикологии осетинского и русского языков, осетинского и французского языков, осетинского и английского языков.*

***Ключевые слова:** фольклористический перевод; текст оригинала; языковые особенности текста; аналитическая цель перевода; познавательная цель перевода; эстетическая цель перевода.*

PROBLEM OF PRESERVING NATIONAL IDENTITY WHENTRANSLATING FOLKLORE TEXTS (BASED ON THE TRANSLATION OF THE NARTS' LEGENDS)

Bizikoeva L.S.

Purpose. *The article deals with the problems translators face when translating the Ossetian version of The Narts' Legends into the languages with different lexical and grammatical structures, namely Russian, English and French. It is the first time that the translated texts of The Narts' Legends are analyzed from the point of view of the folklore translation. The goal of the research is to make a lingvo-cultural analysis of the translated texts of the particular Narts' legends to prove that the translators' approach to the translation of folklore texts differs from that of other belles-letters texts.*

*The main **methods** employed in the research are the analytical-descriptive, contrastive ones as well as the method of contextual analysis.*

Results. *The results of the research showed that despite certain drawbacks such as semantic incongruity the translators manage to achieve the goals of the folklore translation. The translated texts are easy for reading and understanding.*

Practical implications. *The received results can be used in teaching theory and practice of translation, cultural science, comparative lexicology of the Ossetian and Russian languages, the Ossetian and English languages and the Ossetian and French languages.*

Keywords: *folklore translation; original text; language peculiarities of the text; analytical goal of translation; cognitive goal of translation; esthetic goal of translation.*

Сказания о нартах занимают особое место в культурном наследии осетинского народа, именно поэтому интерес к ним продолжает привлекать внимание ученых разных областей. За более чем вековую историю изучения Нартовского эпоса исследователи накопили огромный материал, освещающий различные аспекты Нартиады.

Особый интерес вызывает проблема перевода сказаний. В силу определенных отличий от текста художественного произведения, фольклорный текст, требует от переводчика особого мастерства. Именно поэтому В.М. Гацак, наряду с терминами лингвистический и художественный перевод, предложил термин «фольклористический» перевод [3, с. 183]. По мнению Ю.В. Лиморенко «если для широкой аудитории и для целей популяризации фольклора проблема научной точности перевода не стоит, то для исследователей это вопрос ключевой, принципиальный» [5, с. 71]. Если так, то переводчик, выполняющий фольклористический перевод, должен быть переводчиком, историком и лингвистом в одном лице.

Трудность перевода фольклорного текста заключается в том, что для достижения адекватного перевода переводчику необходимо соблюсти одно, очень важное, правило, а именно, максимально сохранить композиционный строй текста оригинала, а это возможно лишь при сохранении оригинальных грамматических и синтаксических структур. К сожалению, переводчики очень часто игнорируют это правило, стремясь в первую очередь передать языковые особенности текста.

Ю.В. Лиморенко выделяет три основные цели фольклористического перевода: аналитическую, познавательную и эстетическую. «Для аналитического использования основное требование к тексту – точность выбора языковых соответствий, передачи исторических и этнографических деталей, следование структуре текста без сокращений, дополнений, установления ложных логических связей. Для познавательного чтения главное – легкость и доступность понимания текста и с языковой, и с содержательной точки зрения. Для эстетического воздействия необходимо сохранить художественную выразительность, красоту формы и глубину содержания текста, не перегруженного языковыми и семантическими излишествами» [5, с. 72].

Рассмотрим на примерах как переводчикам удастся достичь всех этих целей. Для анализа мы выбрали сказание о «Нарте Урузмаге и кривом ваюге». В осетинском цикле Нартиады, как и в других ее вариантах, важное место занимают образы мифических

существ. Основными мифическими персонажами осетинского варианта Нартовского эпоса являются уайыг (великан, циклоп) и *зæд* (ангел).

Уаиги (ваюги), согласно тексту эпоса, были созданы богом прежде нартов и обладали непомерным ростом и силой. Если в некоторых осетинских сказках «черт» и «уаиг» выступают как идентичные или родственные существа, что лишний раз подтверждает демонологическую природу *уаигов*, то в эпосе *уаиги* рисуются как великаны огромной силы; иногда они одноглазые или кривые, семиголовые или даже стоголовые и, как правило, они враждебны к нартам.

Упомянутый выше сюжет сказания о «Нарте Урузмаге и кривом ваюге» в деталях совпадает с сюжетом мифа об Одиссее и циклопе Полифеме [2, с. 188].

Сохъхыр уайыджы фырт Бæдзæнæг хохæй касты уыдонмæ [6, кн. I, с. 261]. (Сын одноглазого уаига Бадзанага смотрел на них с холма (пер. наш))

Le fils de Géant aveugle, Bædzæncæg, les vit du haut de sa montagne. [7, с. 84].

Во французской лексикографии *géant*, m трактуется как *être fabuleux, gigantesque, génie bienfaisant ou malfaisant*. Если бы Ж. Дюмезиль употребил вместо *géant* слово *suclope* или *ogre*, он бы достиг аналитической цели перевода, поскольку и *suclope* (одноглазый великан) и *ogre* (злбный великан людоед) более точно передают сущность *уаигов*.

В сказании «Как нарт Батраз спас нартовских богатырей» также встречается лексема *уаиг*:

...Кæсыны, æмæ, дын, иу ранæй рухс кæлы. Уыцы рухсмæ сарæзтой Нарты гуыппырсарта се 'ргом æмæ цæуыны. Бахæццæ сты дойнагдурæй амад мæсыгмæ æмæ бахъæр кодтой мидæмæ.

Уыцы мæсыджы кæд царди авд уайыджы. Рауадысты хъæрмае. Стыр цин бакодтой уайыгуытæ, хæххон дзиглотæ нæм сæхи къæхæй æрцыдысты, зæгъгæ [8, с. 124]. (Видят они невдалеке свет. Направились нартовские вожаки к тому месту, где горел свет. Подошли к

башне из речного камня и прокричали «Есть кто дома?» В башне той жили семь *уаугов*. Вышли они на крик. Очень обрадовались *уауги*, что люди сами пришли к ним (пер. наш))

Suddenly, far away, they caught sight of a light, and at once guided their syeps towards it. Before them, out of the darkness, a tower rose, all made of great slabs of stone. The eminent Nartæ drew near and began to shout and summon the host: "Hey, there, guests await you.

But in that one tower seven giants lived. Having heard the cries of the Nartæ, they ran out to greet them, and were overjoyed at what they saw. "Mountain small fry" was what they called them, and looked at them as prey which had appeared before them [8, с. 125].

Как видно из перевода, У. Мэй использует английское слово *giant*, и, как Ж. Дюмезиль, не достигает аналитической цели перевода. В английском языке, как и во французском, существуют слова *ogre* и *cyclop*, с семантической точки зрения более подходящие осетинскому *уауг*. На самом деле, в Нартовском эпосе *уаёйгуытæ* (великаны) встречаются самых различных размеров. Если для возгордившегося своей победой Сослана *уауги* были невероятно огромных размеров и некоторые из них могли спрятать его под языком, то для Батраза они представляли нечто неопределенное и настолько слабое, что ему ничего не стоило без труда отразить нападение целых полчищ уаигов. Такая трансформенность *уаугов* в Нартовском эпосе указывает на то, что под этим термином предки осетин имели в виду какое-то абстрактное понятие, «персонифицированный абстрактный образ» по определению В.И. Абаева [2, с. 189].

В сказаниях также часто встречается мифическое *зоед/зоедтæ*. В историко-этимологическом словаре В.И. Абаева «*зоед* – в дохристианский период – «божество», в христианской традиции осетин в переводах церковных книг <...> «ангел». *Зоед* часто идет в паре с синонимичным *дауæг*: *зоедтæ 'мадауджытæ* «зэды и дауги», «боги, небожители в совокупности» «небесные силы» [1, с. 290]. В Нартовском эпосе *зэды* и *дауаги* выступают как земные жители и относятся к нартам враждебно, борются с ними и гибнут десятками. В конечном счете, небесные силы одерживают победу над нартами.

Сатана хорз ус уьди, оемое зоедтоей алчидоер загъта: «Моехиуоен оей хэзгул куы бакоенин!» (Шатана была хорошей женщиной и каждый из **зэдов** сказал: «Как бы мне сделать ее моей любовницей?») (пер. наш)

Satana était une belle femme, et chacun des zäd (anges) se disait: "Si je pouvais faire d'elle ma maîtresse!" [7, с. 65].

Ж. Дюмезиль использует прием транслитерации (транскрипции). Мы полагаем, что при переводе таких лексем как **зоед** стоит применять именно транслитерацию, поскольку это лингвокультурные реалии. Однако мы уверены, что для передачи более полной коннотации перевод должен сопровождаться комментарием, в нашем случае лучше затекстовым, а не внутритекстовым, как у Ж. Дюмезиля.

Ю. Либединский предлагает такой вариант перевода:

Сатана была хорошая женщина, и из зэдов каждый говорил: «Как бы сделать мне ее своей любовницей!» [4, с. 112].

В комментарии, который прилагается к переводу, Ю. Либединский поясняет, что **зэд** – это ангел. Эстетическая цель обоих переводов, несомненно, достигнута; текст перевода воспринимается легко, он не перегружен ни языковыми, ни семантическими излишествами, при этом сохраняется художественная выразительность сказаний, красота их формы и глубина содержания текста. Отмечая значимость переводов Ю. Либединского и Ж. Дюмезиля, тем не менее, приходится констатировать, что они не достигли аналитической цели, поскольку оба переводчика оставляют своим читателям додумывать, какие именно это были ангелы.

Проведенный анализ показал, что жанр эпических сказаний – это особый жанр фольклорного текста, перевод которого может вызвать определенные трудности при переводе. Для понимания фольклорного текста переводчику необходимо не только прекрасно владеть языком оригинала, но и обладать глубокими социокультурными знаниями.

Сравнив разные переводы Нартовских сказаний, мы можем утверждать, что любой переводчик, имеющий дело с фольклорным текстом, должен помнить, что такого рода текст, по словам Ю.В. Лимошенко, «всегда продукт творчества, и представить его вне эстетики,

лишь как набор функциональных характеристик и фактического материала, значит исказить и его аналитическую значимость» [5, с. 77].

Несомненно, профессионально выполненный перевод, основанный исключительно на языковой интуиции, языковом чутье переводчиков, на их прекрасном знании осетинского языка и осетинской культуры позволил им добиться целей фольклористического перевода и сохранить в тексте перевода национальную идентичность текста оригинала.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 4-х томах. Том IV. М.: Виком, 1996. 328 с.
2. Абаев В.И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ: «ИР», 1990. 638 с.
3. Гацак В.М. Проблема фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 182–196.
4. Либединский Ю. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Изд. переработанное и дополненное. М.: «Советская Россия», 1978. 170 с.
5. Лиморенко Ю.В. Научный перевод фольклора: цели и средства (на примере анализа перевода эпического текста) // Фольклорный текст: перевод и аналитическое описание. 2011. С. 71–77.
6. Нарты. Осетинский героический эпос в 2-х томах. Том I. Под ред. Т.А. Хамицаевой и А.Х. Бязырова. М.: Наука, 1989. 492 с.
7. Dumézil G. Légendes sur les Nartes suivies de cinq notes mythologiques. Paris: Imprimerie R. Bussier, 1930. 216 p.
8. Равзаргæ Нарты Кадджытæ. Selected Nartæ Tales. Цхинвал: Хуссар Алани, 2007. 217 с.

References

1. Abaev V.I. *Istorico-etimologichesky slovar Ossetinskogo jazika v 4-x tomah. Tom IV*. [Hystorico-Etymological Dictionary of the Ossetian Language in 4 volumes]. M.: Vikom, 1996. 328 p.
2. Abaev V.I. *Izbrannie trudi. Religia, folklore, literature* [Selected works. Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz: IR, 1990. 638 p.

3. Gatsak V.M. Problema folkloristicheskogo perevoda eposa [Problems of Translation of Epic texts]. *Folklore. Izdanie eposa*. M.: Nauka, 1997, pp. 182–196.
4. Libedinski Y. *Skazanie o Nartah. Ossetizki epos* [The Narts' Legends. Ossetian Epos]. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1978. 170 p.
5. Limorenko Y.V. Nauchni perevodf olklora: tseli I sredstva (naprimere analiza perevoda epicheskogo teksta) [Scientific Translation of Folklore: goals and means (based on the analysis of the translation of an epic text)]. *Folklornytekst: perevod I analiticheskoye opisaniye* [Folk text: translation and analytical description]. 2011, pp. 71–77.
6. *Narti. Ossetiski geroicheski epos v 2-x tomah. Tom I* [The Narts. Ossetian Heroic Epos in 2 volumes]. Ed. T.A. Khamitsaeva and A.H. Biazirov. M.: Nauka, 1989. 492 p.
7. Dumézil G. *Légendes sur les Nartes suivies de cinq notes mythologiques*. Paris: Imprimerie R. Bussier, 1930. 216 p.
8. *Selected Nartæ Tales*. Tskhinval: South Ossetia, Alania, 2007. 217 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Бизикоева Лана Сергеевна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка, факультета иностранных языков
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
tmz.b@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bizikoeva Lana Sergeevna, Associate Professor of the English language Chair, Ph.D. in Philological Science, Faculty of Foreign Languages
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin st., Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
tmz.b@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-6814-2134

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-180-187

УДК 811.11-112

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА)

Планкина Р.М.

Цель. В центре внимания исследователя находится такое понятие как религиозный дискурс. Статья посвящена семантическому анализу бинарной оппозиции свой – чужой в Библии. Целью данной работы является исследование способов реализации бинарной оппозиции свой – чужой с точки зрения ее семантических особенностей в религиозном дискурсе на материале библейских текстов.

Метод или методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляет совокупность методов анализа словарных дефиниций, метода сплошной выборки, а также метода контекстуального анализа, предполагающий рассмотрение вопроса о содержании культурной коннотации и условиях ее актуализации в контексте.

Результаты. В результате получены выводы о том, что бинарная оппозиция свой – чужой представляет собой разделение по принципу принадлежности или не принадлежности к группе своих, а также условно обозначает зоны своего и чужого духовного пространства.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в теоретических и практических курсах общего языкознания, лингвокультурологии, литературоведении и религиоведении, а также в исследовании и анализе других бинарных оппозиций.

Ключевые слова: бинарная оппозиция; свой – чужой; религиозный дискурс; Библия.

BINARY OPPOSITION OWN – STRANGE IN RELIGIOUS DISCOURSE (AS BASED ON THE BIBLE)

Plankina R.M.

Purpose. *It is the concept of religious discourse that is in the center of attention of the researcher. The article is devoted to the semantic analysis of binary opposition own – strange in the Bible. The goal of this work is studying the ways of realization of binary opposition own – strange in terms of its semantic peculiarities in religious discourse based on the bible.*

Methodology. *The methodological basis of the study is a set of methods of analysis of dictionary definitions, continuous sampling method, as well as the method of contextual analysis involving consideration of the content of cultural connotation and conditions of its text realization.*

Results. *The author concludes was that the binary opposition own – strange represents a division according to its belonging or not belonging to a particular group and also notionally indicates the areas of own and strange space of the spirit.*

Practical implications. *The results of the research can be applied in theoretical and practical courses of linguistics, cultural linguistics, literature and religious studies, as well as in the research and analysis of other binary oppositions.*

Keywords: *binary opposition; own – strange; religious discourse; Bible.*

Интерес к исследованию бинарной оппозиции *свой – чужой* не случаен, ведь она является характерной для человеческого общества в любую историческую эпоху. Данная оппозиция уже явилась предметом многочисленных исследований самых различных научных направлений. В зависимости от целей и задач рассматриваемая оппозиция каждый раз получает свою новую интерпретацию, раскрываясь по-разному с точки зрения лингвистики, психолингвистики, социальной философии, литературоведения и журналистики. Исследованием бинарной оппозиции *свой – чужой* зани-

мались такие видные ученые, как В.И. Карасик, А.Б. Пеньковский (2004), С.Л. Сахно (1991), Э. Бенвенист (1995), Б. Синочкин (1997), В.Г. Зусман (2000), Ю.С. Степанов (2001), А.П. Бабушкин (2003), И.А. Стернин (2007) и др.

Данная оппозиция, на наш взгляд, является универсальной и представляет исключительный интерес с точки зрения ее реализации в текстах религиозного содержания. Как известно, история религии содержит достаточно большое количество примеров нетерпимости и несогласия, конфликтов и вражды, выяснения отношений между «своими» и «чужими»; для любой религии, как правило, все остальные являются заведомо ложными. Все это обусловило актуальность настоящего исследования.

Новизна работы заключается в том, что оппозиция *свой – чужой* еще не становилась предметом специального лингвистического исследования в сфере религиозного дискурса.

Термин «дискурс» стал широко употребляться с начала 70-х гг. прошлого столетия, в то время как понятие «религиозный дискурс» становится предметом лингвистических исследований со второй половины 90-х гг. Лингвистическому описанию данного типа дискурса посвящены работы таких известных ученых, как Л.П. Крысина [9], В.И. Карасика [8], Н.Д. Арутюновой [1], Е.Б. Казниной [7] и др., трактуя данное понятие как религиозный христианский текст, либо как совокупность актов религиозной коммуникации. Религиозный дискурс «включает в себя всю совокупность идей, представленных как в тексте Библии, так и в произведениях художественной литературы» [6, с. 40]. По определению Е.В. Бобыревой, данный термин в узком смысле представляет собой совокупность речевых актов, которые используются в религиозной сфере; в широком – набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов [4, с. 162].

Очевидно, что религиозный дискурс отражает религиозную картину мира, которая, в свою очередь, является частью общей картины мира. Нельзя не отметить всю многогранность и многокомпонент-

ность семантического пространства библейского текста, ведь он включает в себе сложную структуру смыслов, складывающуюся из многослойных текстов, объединенных ключевыми концептами, образами, смыслами. Заметим, что библейский текст основан на противопоставлении праведности и греховности и это связано с тем, что в Библии находит свое отражение двоичное восприятие мира, которое осуществляется через противопоставления. Об этом свидетельствуют различные сюжеты и образы библейского текста, основанные на противопоставлении созидания и разрушения, любви и ненависти, правды и лжи, счастья и горя. Оппозиции не только определяют основную тему Библии, а именно борьбу противоположных начал и противопоставление праведности и греховности, но и способствуют формированию целостности текста Священного писания, основанной на антонимии. Поэтому семантические оппозиции играют очень важную роль в реализации принципа контраста в Библии.

Согласно тексту Библии, бинарная оппозиция *свой – чужой* реализуется в следующих контекстах: «*Если кто потравит поле, или виноградник, пустив скот свой травить чужое поле, пусть вознаградит лучшим из поля своего и лучшим из виноградника своего*» [3, Книга Исход 22:5]; «*Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмешается чужой*» [Там же; Притчи 14:10]. В приведенном примере оппозиция *свой – чужой* коррелирует с оппозицией *радость – горе*.

Чаще всего лексему *свой* можно встретить в значении «относящийся к себе как члену какого-л. коллектива, какой-либо общности; связанный отношениями родства или общим местом работы, социальным положением, взглядами, вкусами»: «*Сынов своих и внуков своих с собою, дочерей своих и внучек своих и весь род свой привел он с собою в Египет*» [там же; Бытие 46:7]. А также в значении «принадлежащий или свойственный себе» [5, с. 1162–1163]: «*И снял Ионафан верхнюю одежду свою, которая была на нем и отдал ее Давиду, также и прочие одежды свои, и меч свой, и лук свой, и пояс свой*» [3, 1 Царств 18:4].

Чужой как один из составляющих бинарной пары реализуется в значении «являющийся собственностью другого (других); не

имеющий непосредственного отношения к кому-либо; не свой» [5, с. 1486]: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое» [3, Первое послание Петра 4: 15]; «Чтобы они охраняли тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает слова свои» [там же; Притчи 5:20]. Заметим, что лексема *другой* в приведенном примере имеет отрицательную коннотацию, приобретая значение «чужого», в современном же мире «другой» – это не обязательно «чужой». В следующем предложении на лицо негативное значение лексемы «другой»: «Ни в ком другом спасения нет, потому что не дано людям никакого другого имени под небом, которым надлежало бы нам спастись» [3, Деяния 4:12].

Вторая группа примеров представлена в значении «не являющийся родиной; не такой, как на родине; не местный (обычно иностранный, не родной)» [5, с. 1486]: «... в тот день, когда чужие уводили войско его в плен и иноплеменники вошли в ворота его и бросали жребий о Иерусалиме, ты был как один из них» [3, Авдий 1: 11]; «... потому что, говорил он, я стал пришельцем в чужой земле» [там же; Книга Исход 2: 22]; «Как нам петь песнь Господню на земле чужой?» [там же; Псалтирь 136: 4]; «... для чего Ты — как чужой в этой земле, как прохожий, который зашел переночевать?» [Там же; Иеремия 14: 8]. В приведенных примерах выстраивается синонимичный ряд: чужой – иноплеменник – пришелец – прохожий, объединенный общим семантическим значением.

В третьей группе *чужой* эксплицируется в словарном значении «не связанный близкими отношениями с кем-л., не совпадающий по духу, взглядам, интересам; посторонний, далёкий» [5, с. 1486]: *И для чего тебе, сын мой, увлекаться постороннею и обнимать груди чужой?* [3, Притчи 7:5]. «Посторонний», согласно БТС, имеет следующее значение – не свой, не принадлежащий к данной группе, семье и т.п.

В последней группе представлены лексемы с корнем *-чужд* в значении «отчужденный, отрешённый» [5, с. 1486]: «И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым

делам...» [3, Послание к Колоссянам 1:21]; «*Богами чуждыми они раздражили Его и мерзостями разгневали Его...*» [там же; Книга Второзаконие 32:16]; «... но Надав и Авивуд умерли, когда принесли чуждый огонь пред Господа» [там же; Книга Числа 26:61]. В современном толковом словаре русского языка [11] значение «отчужденный, чуждый» зафиксировано как переносное; «отчужденный» означает «забытый, лишний, внутренне отдалившийся, совсем чужой». «*Чужой*», согласно представленным выше примерам, представляет собой врага, злодея, постороннего, пришельца, убийцу, вора. Следует отметить, что данные отрицательные коннотации лексемы *чужой* исчезли по мере освоения человеком мира и расширения знания о нем: «чужое» уже не пугает и не ужасает, а вызывает интерес. В современном же мире «не свой» – это «отличающийся, иной», а не «враждебный, чужой».

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что бинарная оппозиция *свой-чужой* является определяющей в религиозном дискурсе. В целом, разграничение на «своих» и «чужих» происходит по следующим критериям: последователь своей религии (свой) – иной религии (чужой), следующий заповедям (свой) – не следующий (чужой).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантическое представление бинарной оппозиции *свой – чужой* в Библии условно обозначает зоны своего и чужого духовного пространства.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Баканова Е.В. Библия как источник формирования русской концептосферы: концепт «семья» в синодальном переводе. Ульяновск, 2013. С. 61–73. Библия онлайн. URL: <https://bibleonline.ru/> (дата обращения: 20.04.19).
3. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.
4. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.

5. Казнина Е.Б. Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 40.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. М., 2001. №1. С. 90–106.
8. Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен. Автореф. дис. ... д-ра филол. н. Саратов, 2010. 50 с.
9. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 3. 890 с.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
11. Feyerabend K. Langenscheidt's Pocket Hebrew Dictionary to the Old Testament: Hebrew English. Berlin; Muenich: Langenscheidt, 2000. 432 p.
12. Nave's Topical Bible, Electronic Database. Biblesoft and TriStar Publishing, 1990 // PC Study Bible. CD-ROM Edition. Reference Library Plus with Greek and Hebrew Texts. Biblesoft. Electronic Data Base, Seattle, WA, 1996.

References

1. Arutyunova N.D. *Yazik i mir cheloveka* [Language and the world of a person]. М.: Yaziki russkoj kulturi, 1998. 896 p.
2. Bakanova E.V. *Bibliya kak istochnik formirovaniya russkoi kontseptosferi: kontsept semya v sinodalnom perevode* [Bible as a source of formation of Russian concept sphere: concept “family” in Synodal translation]. Ul'yanvsk, 2013, pp. 61–73. Bible on-line. URL: <https://bibleonline.ru/>.
3. Bobireva E.V. *Religioznii diskurs: tsennosti i ganri* [Religious discourse: values and genres]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2008. №1, pp. 162–167.
4. *BTS – Bolshoi tolkovii slovar russkogo yazika* [Lexicon dictionary of Russian language]. ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: “Norint”, 2000. 1536 p.
5. Kaznina E.B. *Kontsept “vera” v dialogicheskom khristianskom diskurse* [Concept “faith” in dialogic Christian discourse]: dissert. kand. filol. nauk. М., 2004. 40 p.
6. Karasik V.I. *Yazikovoi krug: lichnost, kontsepti, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2004. 477 p.

7. Krisin L.P. *Sovremennii russkii intelligent: popitka rekhevogo portreta* [Contemporary Russian intellectual: an attempt of a voice portrait]. *Russkii yazik v nauchnom osveshenii*. M., 2001, no 1, pp. 90–106.
8. Orlova N.M. *Bibleiskij tekst kak pretsendentnij fenomen* [Bible text as a case phenomenon]: avtoref. ... d-ra filol. n. Saratov, 2010. 50 p.
9. *Sovremennii tolkovyii slovar russkogo yazika: v 3-ch t.* [Contemporary lexicon dictionary]/ ed. T.F. Efremova. M.: AST; Astrel, 2006. T. 3. 890 p.
10. Stepanov Yu.S. *Konstantyi: Slovar russkoi kulturi* [Constants: dictionary of Russian culture]. M.: Akademicheskii proekt, 2001. 990 p.
11. Feyerabend K. *Langenscheidt's Pocket Hebrew Dictionary to the Old Testament: Hebrew English*. Berlin; Muenich: Langenscheidt, 2000. 432 p.
12. *Nave's Topical Bible, Electronic Database*. Biblesoft and TriStar Publishing, 1990. *PC Study Bible. CD-ROM Edition. Reference Library Plus with Greek and Hebrew Texts*. Biblesoft. Electronic Data Base, Seattle, WA, 1996.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Планкина Регина Маратовна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, Казань, Республика Татарстан, 420008,
Российская Федерация
regina_pl@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Plankina Regina Maratovna, senior teacher of Romano-Germanic philology
Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008,
Russian Federation
regina_pl@mail.ru
SPIN-code: 2095-7190
ORCID: 0000-0001-7238-681X

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-188-200

УДК 812

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОДЕЖДА» В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Кузьмина Р.П.

Цель. В статье впервые дается классификация наименований традиционной одежды эвенов по лексико-семантическим группам, выделяются основные функции повседневной и ритуальной одежды эвенов. Целью исследования является системный анализ наименований традиционной одежды эвенов, выявление и описание этнолингвокультурных особенностей тематической группы «Одежда» в говорах и диалектах эвенского языка и классификация наименований одежды по лексико-семантическим группам.

Метод и методология проведения работы. В работе используется метод сплошной выборки (при первоначальном сборе материала из источников), метод ступенчатой идентификации словарных дефиниций (при определении состава тематической группы).

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автором были введены в научный оборот лексические единицы, не зафиксированные в двуязычных словарях эвенского языка, а также был систематизирован языковой материал ТГ «Одежда» в говорах и диалектах эвенского языка.

Область применения результатов. Практическое применение работы обуславливается возможностью ее использования в сравнительно-сопоставительных исследованиях языков и культуры тунгусо-маньчжурских народов, при составлении сравнительных и диалектных словарей эвенского языка.

Ключевые слова: эвенский язык; говор; культура; одежда; мировоззрение; тематическая группа; диалект; лексика; материальная культура.

LEXICO-SEMANTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT “CLOTHING” IN THE EVEN LANGUAGE

Kuzmina R.P.

Purpose. *The article is one of the first to provide a classification of the names of traditional Even clothes according to lexico-semantic groups, as well as the main functions of the everyday and ritual clothes of the Evens are determined. The aim of the study is a systematic analysis of the names of traditional Even clothes, identification and description of ethno-linguistic and cultural features of the thematic group “Clothing” in dialects and sub-dialects of the Even language and classification of clothing items by certain lexical-semantic groups.*

Methodology. *The paper uses the continuous sampling method (for the initial collection of material from sources), the method of stepwise identification of vocabulary definitions (when determining the composition of a thematic group).*

Results. *The author introduces lexical units that were not recorded in the bilingual dictionaries of the Even language, as well as systematizes the language material of the thematic group “Clothes” in the sub-dialects and dialects of the Even language.*

Practical implications. *The results of the work can be used in the comparative studies of the languages and culture of the Tungus-Manchu peoples, as well as in compiling comparative and dialectal dictionaries of the Even language.*

Keywords: *Even language; sub-dialect; culture; clothes; worldview; thematic group; dialect; vocabulary; material culture.*

Жизнь общества и язык, на котором оно говорит, тесно связаны между собой. Остается общеизвестным факт того, что лексические значения слов в разных языках не совпадают, поскольку они отражают и – более того – передают образ мышления и жизненные установки конкретного общества или языковой общности. Важно

отметить, что эти слова представляют собой бесценные ключи к пониманию культуры [1]. Как отмечает А.Н. Мыреева: «Культура северных народов отшлифовывалась в течение тысячелетий в суровых климатических условиях жизни. Эта уникальность отчасти отражается в языке северных людей, представляя собой специфику языка того или иного этноса» [8, с. 134]. Согласно В.В. Красных: «Код культуры понимается как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [4, с. 232].

В языковой картине мира народа наименования одежды занимают особое положение. Обращение к этнографическим материалам, к этнической истории народа показывает, что одежда, относящаяся к объектам культуры, является одним из основных показателей этнической идентификации этноса и выполняет социальные, обрядовые функции, на ее формирование оказывают влияние эстетические представления этноса, социально-экономические условия, взаимовлияние и взаимодействие с другими этносами. Лексика традиционной одежды эвенов, представленная в говорах и диалектах эвенского языка, была зафиксирована в различных двуязычных словарях.

Одежда, являющаяся своеобразным носителем культурной информации, содержит в себе в первую очередь функцию защиты, репрезентирующуюся в эвенском языке следующими лексическими единицами: *тэты* «верхняя одежда, платье, пальто», *тэттэй* «одеваться, надевать», *тэудэй* «одевать кого-нибудь», *тэуттэй* «носить платье, обувь». Также в эвенском языке синонимами глагола *тэттэй* являются глаголы, образованные при помощи отыменных глагольных формантов *-ла*, *-лэ*: *чобакаладай* «надеть меховую одежду», *олачикладай* «надеть летние унты», *корбакаладай* «надеть шапку», *калбаладай* «надеть пояс», *кукатладай* «надеть рукавицы», *кумнэлэдэй* «надеть внакидку» [11].

Лексика одежды наряду с семантикой защиты представляет другие функции и оппозиции: темпоральную (зимняя, летняя одежда и т.д.), гендерную (женская, мужская и детская одежда).

О красоте эвенских костюмов исследователи отмечают следующее: «Многие путешественники и ученые восхищались нарядным костюмом эвенов. А.Ф. Миддендорф характеризовал шитье охотских эвенов как «великолепнейшее», «блистательнейшее». Ламутский кафтан сравнивали с испанским камзолом. По некоторым данным, наряд невесты-эвенки оценивался в XIX в. суммой в 500 руб. В.Г. Богораз в бедном жилище колымского эвена был поражен увиденным: «Вся одежда ламутов сверкала красными и голубыми узорами вышивок, как цветы на каменных склонах... На шапках, на огнивных и табачных мешках, на меховых сапогах и кожаных штиблетах, даже на колыбели, в которой лежал грудной младенец, на маленьком седле, выглядывавшем из-за полога и походившем на игрушечное, – везде и всюду сверкали затейливые узоры ламутских украшений». Наблюдения В.Г. Богораз подтверждают музейные экспонаты» [3, с. 153].

Традиционная эвенская одежда состоит из распашного кафтана, передника, штанов, унтов, шапки, рукавиц, шарфов, представленных в говорах и диалектах эвенского языка и имеющих некоторые отличительные особенности.

ЛСГ «Наименования кафтана». Распашной кафтан отличался по сезонам, был разного предназначения и видов. В зимнее время кафтаны шили, в основном, мехом наружу, в весеннее, летнее и осеннее время для шитья применялась шкура оленя ранней осени и выделанная ровдуга (кожа). Эвенский зимний кафтан был двух видов: кафтан, надеваемый в повседневной жизни и праздничный кафтан.

В говорах эвенского языка наименования **зимнего** кафтана презентуются следующим образом:

дуди Ох, Ойм, Д-Ч, Лам «доха, зимняя шуба, длинная верхняя (мужская и женская), шерстью наружу», *тугэсэк*, *тугэһэк* «зимняя одежда», *илкади тэти* Н-К «эвенский кафтан», *мука* Ол, Лам, Ох, Ойм «женский костюм из осенней оленьей шкуры мехом наружу», *дудика* Ол, Ох, Ойм «пальто из тонкой шкуры оленя мехом внутрь», *дуди* Ох «одежда мехом внутрь», Ол, Ох *чобака* «мужское пальто

из шкуры оленя мехом наружу», *нэндэкэ* «кафтан из меха осеннего оленя шерстью наружу», *кукуйди* «зимний кафтан шерстью наружу», *һэйэкти тэти* Н-К «чукотский кафтан (кукашка)», *хулсэк* Ох «дорожная зимняя одежда из пыжика», *һантак* Н-К «внутренняя доха из ровдуги», *көбд* 'э Алл «одежда (меховая, глухая, из зимних оленьих шкур мехом наружу)», *мука* Ол, Б, Лам, П, М, Ох, *мукар* Алл «одежда (меховая, шерстью наружу, женская или мужская), доха», *мукалда* Алл «зимняя мужская меховая одежда из оленьей шкуры мехом наружу, доха» [2; 9; 12].

Кафтаны, надеваемые в **летне-весенне-осенний** периоды, также отличались разнообразием, были нескольких видов: *камный* Ол «расшитый мужской костюм из ровдуги», *булатми* Охм «одежда из ткани (летняя, женская)», *урбак* < рус. рубаха, рубашка, платье женское, *көңгэкэ* Ол «летний расшитый костюм», *хөкимчэ* Ол «костюм из ровдуги с открытым передом (до середины груди) для мальчика», *нэунэкэ* Ох «верхняя, весенняя меховая кухлянка»; *һусчака* Ох, *Ойм* «куртка мужская (меховая, шерстью наружу, с коротко остриженной шерстью)», *чами* «комбинезон (детский меховой)», *дюгасак* Ох «летняя одежда», *арбагас* Тюг «одежда (мехом наружу, охотничья, ветхая)» < як. *арбагас* «доха ветхая, с поношенным мехом», *булатми* Ох «одежда из ткани, летняя», *эуэр* Лам, Ох «кухлянка (легкая, без застежек, с капюшоном)» [2; 7; 9].

ЛСГ «Наименования передников, нагрудников». Обязательным атрибутом одежды эвенов является наличие мужских и женских **нагрудников**: *халра* «мужской праздничный фартук с украшениями», *нэл* «фартук женский, состоит из 2 частей: 1) *хэлытын* верхняя часть женского фартука; 2) *нэл* – нижняя часть из замши (зимой с короткой шерстью)», *нэл*, *нэлик*, *нэлэкэн* Ойм, Ох «нагрудник, передник», *өлкэпэн* Ойм «нагрудник (до пояса) (из серебра делали монисту, пришивали на ровдугу, край обшивали тканью)» [2; 9].

ЛСГ «Наименования головных уборов». У эвенов имеется несколько типов традиционных мужских, женских и детских головных уборов, предназначенных для разных целей: *дыгапан* «мужская зимняя шапка из шкуры олененка мехом вовнутрь», *инрэми* «шапка

зимняя мужская из шкуры оленя», *корбака* Ол «шапка из осенней шкуры оленя», *элумча* «женская капорообразная шапка», *инрэми авун көрэкэ* «шапка детская, сшитая из зимней шкуры оленя мехом внутрь», *аван* Ойм, *авын* Д-Ч, *авун* Лам «шапка»; *кураһли* Н-К, Алл «шапка (без козырька с опушкой и орнаментом над опушкой)», *д`ава-ка* Ойм, Лам «шапка (остроконечная, затылочная часть из сукна, передняя из тарбагана или лисьих лапок)», *шутика-изутика* «шапка (из любого меха без козырька)», *дөнүзэпэн* «шапочка (типа тибетейки, затылочная часть стянута, из замши, вышита шейным волосом оленя)», *кумдирэ* Ол «козырек», Н-К, Алл *малахай* «зимняя шапка из пыжика, украшенная вышивкой», *моуһами* «женская шапка с бисером», *куратли* Алл, Тюг, Н-К «шапка», *көрэкэ* «шапка-капор из меха» [9; 11].

ЛСГ «Наименования брюк, штанов» подразделяются на зимние и межсезонные, также штаны, используемые в качестве натазников: *оһал һэркэ* Н-К «штаны из камусов (зимние, длинные, до щиколоток, из 20 лапок с завязками по нижнему краю, чтобы снег не попадал, штаны по низу украшены орнаментом из черного и белого меха)», *һэркэ* «штаны», *н`эчух һэркэ* Н-К, *тэргэс һэркэ* Ойм «ровдужные штаны», *ойав һэркэ* Н-К «зимние мужские меховые штаны из шкуры или камусов», *шаливар* Н-К < рус. *шаровары*, *һэркэ* «штаны-натазники, трусы; брюки», *дулаб абду* Н-К «женские штаны-натазники (досл. средняя вещь), шили их короткими» [2, с. 39].

ЛСГ «Наименования обуви» также отличалась многообразием, было несколько типов обуви. Летняя обувь у большинства групп эвенков называлась *олочик* (от *оло* «брести по воде») и шилась из оленьей ровдуги, *нисами* «расшитые бисером летние женские унты из летнего камуса с мягкой подошвой», *арамна* «чулки, ноговицы (мужские из ровдуги, до щиколоток)», *тэргикэ* Ойм «обувь (летняя из ровдуги)», *илэнуэһэк* Н-К «обувь для сухой погоды из ровдуги, подошва из нерпичьей шкуры», *олачик* Ох, Лам, *алачик* Н-К «унты (короткие, летние, ровдужные, для воды)», *чари* Лам, Н-К «обувь (непромокаемая, обычно из нерпичьей кожи), бродни (используемые во время лова рыбы)» < як. *сāры* «обувь (непромокаемая, из кожи конского крупа)», *истан* Ох. < рус. *штаны*.

Зимняя обувь: *дотын* Н-К, Алл, *дотон* Лам « меховые носки, сшитые из шкуры оленя мехом внутрь», *нубди* «расшитые бисером зимние женские унты из зимнего камуса». Также короткие и длинные унты - *нугду* «короткие унты из камуса для постоянной носки (мужские и женские)», *унты мэрун* «обувь до колен, сшитая из камуса, с завязкой из ровдуги ниже колен», *чикими* «обувь короткая, мужская и женская», *тэвун*, *нуйду* «короткие унты» и *хэлсык*, *мэрун*, *мурун* «длинные, закрывающие пах унты», *хокамча* «мужские короткие торбаза из камуса (наподобие ботинок), подошва из шерсти стопы оленя (плеки)», *хэврикэ хөкимчэ* «мужские и женские наколенники от голеней до бедер с короткой шерстью внутри», *дотанан* Ох, Лам, Ойм, Н-К «чулки (меховые, женские)», *дотын* Д-Ч «женские меховые чулки», *арьмрь* Ол, П, *архмдъ* М, *арьмнь* Б, *арьмрӓ* К-О, *арамдо* Лам «чулки, ноговицы (из ровдуги, меха)», *арамуа* «мужские чулки, ноговицы (из ровдуги)», *уонам унта* «длинные дорожные торбаза», *хэврин* «наколенники (для утепления колен)», *муқта* Алл «зимние короткие унты» [2; 7; 9; 12].

ЛСГ «Наименования рукавиц, перчаток, шарфов, воротников, поясов, набедренников» в говорах репрезентируется следующим образом:

рукавицы, перчатки – *хаир*, *хаялдо* «перчатки (мужские и женские) из ровдуги», *кукатан* Лам, Ойм, Ох, *коколда* Н-К «рукавицы»;

шарфы, воротники – *майта* Лам, *майтан* Н-К «шарф», *магдяка* «шарф (мужской, женский)», *уөйэкэ* Ох, Ойм «шарф; платок; горжетка из беличьих хвостов», *хилтэс* «шаль, платок», *чарпи*, *шарпа* «шарф» < рус. *шарф*, *мактан* «воротник женский, украшенный бисером», *умру* «воротник на мужском костюме, расшитый тесьмой», *ноекэ* Ох «шарф из хвостов белки»;

пояса, набедренники – *уйимчэ* «набедренник из камуса, длинный», *өжөн* Лам «пояс, ремень», *тэлги* Лам, *тэлге* Алл «ремень», *бойат* Ол, Алл «пояс (женский, железный или серебряный)» < рус. *пояс*, *калба* Ох «пояс», *одирук* Ох «пояс», *мээн калба* «серебряный пояс (к поясу привязывали футляр с труттом, огнивом)», *калба* «пояс», *мээн унэки* Ойм «пояс (серебряный)», *унэки* «пояс», *урдэ-*

пэн Ойм «пояс (широкий, типа бандажа, вышит бисером, по низу бахрома из полосок ровдуги)» [2; 7; 9; 10; 12].

ЛСГ «Наименования детской одежды». Детские комбинезоны шились в основном из шкуры годовалого олененка: *тамбака* Н-К «детский верхний комбинезон», *муррика* «детский комбинезон без рукавов из шкуры зимнего олененка мехом внутрь», *нэндэкэ* «1) детский костюм из шкуры оленя мехом внутрь, рукава закрыты, на них сбоку есть прорезы для рук; 2) штаны из шкуры оленя мехом наружу, внизу закрыты в форме обуви, подшиты шкурой оленя другого цвета», *очака* «детский комбинезон из оленьей шкуры мехом внутрь, внизу прорезь, через которую можно менять подстилки (подгузники) – мешок набитый мягкими опилками из белого трухлявого дерева», *чами* «комбинезон (детский меховой)», *ночкака*, *очака*, *кукчи* С, Л «комбинезон (детский меховой с вырезом в паху)», *ара* «свободный клин на детских штанишках или комбинезоне», *куна* *һипкун* «детская пеленка», *хулты*, *хатагай* С, Л «детская одежда (со штанами с вырезом)» [2; 11].

ЛСГ «Наименования одежды ритуального назначения». Данная одежда предназначалась для празднеств, свадебных и похоронных обрядов, охоты.

Праздничная одежда: *хани тэти* «праздничное пальто», *наймика* Ол «праздничное летнее женское пальто», *һанисак* «нарядная одежда, наряды для торжественных случаев», *һиһамча мука* «расшитая бисером доха», *найми* «летний кафтан из замши, расшитый шейным волосом и шелком», *дэнуэпэн* «женский праздничный расшитый головной убор», *курту* Охм, Ойм, Лам «шапка (женская, венчальная)», *ольми* Ол «мужское праздничное расшитое пальто из летней шкуры мехом наружу», *хөкимчэ* Ол «мужское праздничное пальто из ровдуги» [2; 9].

Пример: *Эр тек хэбдек одни. Бэйл, инэнтэн тэтутти тэтилбур, унталбур нукридюр, тек хани ою тэттэ. Асал дюганиран оран аймакан ипчэ нанрадук хо ханич хананпчав һонам тэтивур тэттэ. Гяки чуригач, эвэды онячач ханипчал эвэн асални тэтилтэн* [6, с. 117]. «И вот начался долгожданный праздник. Все, на время от-

ложив рабочие тужурки и торбаза, оделись в новую нарядную одежду. Женщины надели легкие шубы, сшитые из выделанных летних шкур оленя. Такие шкуры называют «кускэс» [5; с. 90].

Одежда для охоты: *буйусэжкэ тэти, кураһли* Н-К «кафтан и шапка для охоты на дикого оленя» (шили из шкуры дикого оленя), *удасак ~ удаһак* «дождевик типа плаща из брезента» (раньше для этой цели использовали рыбью шкуру (охотские эвены шили дождевики из шкур лососевых, кетовых рыб)).

В похоронной обрядности надевалась специальная одежда *бусэж* Ойм, Ох, *буһэк* Лам «саван, одежда для покойника» (шьют из белых шкур, при шитье следят, чтоб не было ни одного узелка: мол, на том свете узелки будут препятствием для умершего) [2, с. 42], *авун* Ол «шапка (праздничная и погребальная)».

Пример: *Эн'му боллар гүнн аччй отникан мэни һан һурэддий, абдугай һаһанаканд'иддйн. «Гий н'ан эрэ һаһан'атуһанни мэнтэ-кийи», - гүнни. Бй болла: «Этэм һаһанна», - гүннв. «Йатми»? «Учу-гэйэ бара бй тйк эһэм этэрэхмэ». «Иһэмэк һаһа бид'ин». «Этэм, бй норковой шубалкан, норка кураталкан, унталкан һурд'им». Дэ-лби-дэ ин'эннин. Тар гүнн: «Онуоха мут һину этэп һаркй», - гүннин [12, с. 141]. «Мама сказала перед смертью, знала, что уходит, одежду себе шила: «Ты тоже себе сшей одежду». А я говорю: «Не буду шить». «Почему»? «Ничего себе, я сейчас не хочу умирать». «Нужно будет». «Нет, я в норковой шубе, в норковой шапке, в унтах умру». Долго смеялась и говорит: «Мы же тебя не узнаем» [12, с. 162].*

Таким образом, в ходе исследования в 13 говорах и диалектах эвенского языка выявлен своеобразный лексический пласт, характеризующий наименования одежды эвенов. В ТГ «Одежда» наиболее разнообразно представлены наименования кафтанов и наименования обуви, подразделяющихся по сезонам. Выявлено 28 типов зимних и весенне-летне-осенних кафтанов и 33 наименований обуви. Так же следует отметить, что для эвенов, проживающих в тундренной зоне, характерным является наличие глухой верхней одежды корякско-чукотского типа, что не присуще эвенам горно-таежной

зоны, которые в большей степени сохранили аутентичность тунгусского распашного кафтана.

Данный пласт лексики в языковой картине мира этноса является носителем культурной информации и маркером народа. Представленная лексика, обладающая семантикой защиты, выступает в разных оппозициях и имеет культурную коннотацию.

Используемые сокращения в названиях говоров:

Алл –аллаиховский	Н-к –нижнеколымский
Бер –березовский	Ойм –оймяконский
Б –быстринский	Ох –охотский
Д-ч – догдо-чебогалахский	Ол – ольский
К-О – колымо-омолонский	П –пенжинский
Лам – ламунхинский	С – саккырырский
М – момский	

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Данилова А.А. Бытовая лексика эвенского языка. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. 116 с.
3. История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки / Туголуков В.А., Тураев В.А., Спесивовский Б.А., Захарова И.А., Бурькин А.А., Березницкий С.В., Шаньшина Е.В., Лебедева Ж.К., Жорницкая М.Я., Кочешков Н.В. СПб: Наука, 1997. 180 с.
4. Красных В.В. Этнопсиохоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
5. Кривошапкин А.В. Охотник Тормита: повесть в рассказах. Якутск: Бичик, 2007. 160 с.
6. Кривошапкин А.В. Тормита бубюсэмнэ. Якутск: Бичик, 2018. 208 с.
7. Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 112 с.
8. Мыреева А.Н. Особенности лексики эвенкийского языка // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора В.И. Цинциус. СПб: Наука, 2002. С. 134–138.

9. Роббек В.А., Роббек М.Е. Краски северного сияния в узорах мастериц: (Прикладное искусство эвенов Березовки). Новосибирск: Наука, 2004. 88 с.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1. А-Н; 1977. Т. 2. О-Э.
11. Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 777 с.
12. Шарина С.И., Кузьмина Р.П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018. 184 с.
13. Эвены. Каталог коллекции из собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2014. 204 с.
14. Boldyrev V.V. Лексикографическое и теоретическое исследование исчезающих языков этнических меньшинств народов Сибири, Сахалина и Дальнего Востока. *Altai hakpo. Journal of the Altaic society of Korea*. 2006. №16. С. 35–53.
15. Kharlamova M.A., Malmberg I.V. The conception of an electronic lexicographic dictionary (Based on folk speech of the middle Irtysh region). *Dialectologia: Universtat de Barcelona*. 2018. №20. С. 181–195.
16. Lew R., Grzelak M., Lwskowicz M. Now dictionary users choose senses in bilingual dictionary entries: an eye tracking study. *Lexikos: Buro van die Afrikaanse Taal*. 2013. Том 23. С. 228–254.
17. Fedosejeva J. Some lexicological remarks on the Komi-Permyak language. *Linguistica uralica*. 2017. Том 53 № 3. С. 179–185.
18. Sharina S.I., Kuzmina R.P. Even Language as a Basis of Ethnocultural Development of the People. *Language and Education*. Taylor & Francis, 2018. Issue 6 (2). Pages Volume 32, pp. 719–729.

References

1. Vezhbickaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov*. [Understanding cultures through keywords]. M: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 288 p.
2. Danilova A.A. *Bytovaya leksika evenskogo yazyka* [Even vocabulary of the Even language]. Yakutsk: YCS SB RAS, 1991. 116 p.

3. *Istoriya i kul'tura evenov: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Evens: Historical and ethnographic essays]. St. Petersburg: Nauka, 1997. 180 p.
4. Krasnyh V.V. *Etnopsiologingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: a course of lectures]. M.: ITDGK "Gnosis", 2002. 284 p.
5. Krivoshapkin A.V. *Ohotnik Tormita: povest' v rasskazah* [Tormita the hunter: a short novel in stories]. Yakutsk: Bichik, 2007. 160 p.
6. Krivoshapkin A.V. *Tormita buyusemye*. Yakutsk: Bichik, 2018. 208 p.
7. Kuz'mina R.P. *Yazyk lamunhinskih evenov* [Language of the Lamunxh Evens]. Novosibirsk: Nauka, 2010. 112 p.
8. Myreeva A.N. *Osobennosti leksiki evenkijskogo yazyka* [Specific features of the Evenki language vocabulary]. Materialy konferencii, posvyashchenoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.I. Cincius. St.-Petersburg: Nauka, 2002, pp. 134–138.
9. Robbek V.A., Robbek M.E. *Kraski severnogo siyaniya v uzorah masteric: (Prikladnoe iskusstvo evenov Berezovki)* [Paints of the Northern Lights in the patterns of masters: (Applied art of the Evens of Berezovka)]. Novosibirsk: Nauka, 2004. 88 p.
10. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus languages]. Leningrad: Nauka, 1975. T. 1; 1977. T. 2.
11. Cincius V.I., Rishes L.D. *Russko-evenskij slovar'* [Russian-Even dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1952. 777 p.
12. Sharina S.I., Kuz'mina R.P. *Nizhnekolymskij govor evenskogo jazyka*. [Nizhnekolymskii dialect of the Even language]. Novosibirsk: Nauka, 2018. 184 p.
13. *Eveny. Katalog kollekcii iz sobraniya HKM im. N.I. Grodekova* [The Evens. The catalog of the Khabarovsk regional museum collection named after N.I. Grodekov]. Khabarovsk: Khabarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova, 2014. 204 p.
14. Boldyrev B.V. *Leksikograficheskoe i teoreticheskoe issledovanie ischezajushhij jazykov jetnicheskij men'shinstv narodov Sibiri, Sahalina*

- i Dal'nego Vostoka* [Lexicographic and theoretical study of the endangered languages of ethnic minorities of the peoples of Siberia, Sakhalin and the Far East]. *Altai hakpo. Journal of the Altaic society of Korea*. 2006. No 16, pp. 35–53.
15. Kharlamova M.A., Malmberg I.V. The conception of an electronic lexicographic dictionary (Based on folk speech of the middle Irtysh region). *Dialectologia: Universtat de Barcelona*. 2018. No 20, pp. 181–195.
16. Lew R., Grzelak M., Lwskowicz M. Now dictionary users choose senses in bilingual dictionary entries: an eye tracking study. *Lexikos: Buro van die Afrikaanse Taal*. 2013. Volume 23, pp. 228–254.
17. Fedosejeva J. Some lexicological remarks on the Komi-Permyak language. *Linguistica uralica*. T. 53 No. 3. 2017, pp. 179–185.
18. Sharina S.I., Kuzmina R.P. Even Language as a Basis of Ethnocultural Development of the People. *Language and Education*. Taylor & Francis, 2018. Issue 6 (2). Pages Volume 32, pp. 719–729.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Раиса Петровна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
raisakuzmina2013@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuzmina Raisa Petrovna, Senior Researcher, Ph. D. in of Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch
1, Petrovsky, Str, Yakutsk, 677027, Russian Federation
raisakuzmina2013@yandex.ru
SPIN-code: 5134-1230
ORCID: 0000-0003-4964-3448
Researcher: K-1522-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-201-210

УДК 812

ОСНОВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Нестерова Е.В.

Цель. *Статья посвящена разбору основных словообразовательных моделей абстрактных имен в эвенском языке. Автор ставит целью выявить структурно-словообразовательные особенности абстрактных имен в эвенском языке.*

Метод или методология проведения работы. *Основным методом исследования служит описательный, также применяются методы словообразовательного анализа.*

Результаты. *В статье выявлены основные словообразовательные типы абстрактных имен в эвенском языке. Рассмотрены морфонологические изменения в производных абстрактных именах. Разобраны способы словообразования абстрактных имен, выявлено, что наряду с традиционным суффиксальным способом, абстрактные имена в эвенском языке активно образуются путем конверсии (морфолого-синтаксическом способом).*

Область применения результатов. *Результаты работы могут быть применены в исследованиях по синхронному словообразованию в эвенском языке, в сопоставительных исследованиях производной номинации тунгусо-маньчжурских языков.*

Ключевые слова: *эвенский язык; абстрактные имена; имя существительное; конверсия; морфонологические изменения.*

BASIC WORD-FORMING MODELS OF ABSTRACT NAMES IN THE EVEN LANGUAGE

Nesterova E.V.

Purpose. *The article is devoted to the analysis of the basic word-formation models of abstract names in the Even language. The author aims*

to identify the structural and derivational features of abstract names in the Even language.

Method or methodology of the work. *The main research method is the descriptive one; the word-formation analysis methods are also used.*

Results. *The article identifies the main word-formation types of abstract names in the Even language. Morphological changes in derived abstract names are considered. The methods of abstract names word formation are analyzed. It is revealed that, along with the traditional suffix method, abstract names in the Even language are actively formed by conversion (morphological-syntactic way).*

Scope of the results. *The results of the work can be applied in studies on synchronous word formation in the Even language, in comparative studies of the derived nomination of the Tungus-Manchu languages.*

Keywords: *Even language; abstract names; noun; conversion; morphological changes.*

Абстрактные имена существительные выражают понятия, «обозначающие действие или признак в отвлечении от действителя или носителя признака» [1, с. 465], например, в эвенском языке это слова: *айнучин* ‘добро’, *дэлмин* ‘воля, свобода’, *эвэчин* ‘верность’, *балдан* ‘рождение’ и др. «Они не обладают предметно-личным значением и обозначают понятия, которые не имеют конкретного вида и проявления и являются плодом абстрактного мышления человека. Они не могут быть познаны непосредственно органами чувств» [2, с. 86].

Проблема абстрактных имен, как и лексико-грамматических разрядов имени существительного эвенского языка в целом, является малоизученной. Наиболее исследованным из разрядов является имя собирательное. Так, в работе В.И. Цинциус подробно рассмотрено словообразование собирательных имен эвенского языка, приведен свод основных суффиксов [12, с.74].

О собственно абстрактных именах существительных специальных исследований по эвенскому языку не имеется. Вместе с тем, в работах по диалектам эвенского языка исследователи в той или

иной мере касаются вопросов, связанных с отвлеченными именами. Так в работе К.А. Новиковой находим сведения об отнесении слов с абстрактным значением в группу предметных имен (существительных): «По семантическому признаку среди имен выделяются три группы: 1) имена предметные, 2) имена качественные, 3) имена с нерасчлененной семантикой. В первую группу входят имена – названия предметов, живых существ и абстрактных понятий, т.е. все слова, к которым может быть поставлен вопрос *аек?* ‘что?’ или *н’и?* ‘кто?’ [5, с. 114].

В.Д. Лебедев, исследуя словообразование отглагольных имен существительных, выделяет суффикс –*нңа*, –*нңэ~нңы*, который образует существительные со значением названия предмета, процесса, отвлеченных понятий, например: гарпун*нңа* ‘луч’, маран*нңы* ‘радуга’ [4, с. 40].

Исследователь Р.П. Кузьмина в своей монографии среди заимствований в говоре выделяет группу заимствованных из якутского языка абстрактных существительных, например: үлэ ‘работа’, мун-н’ак ‘соборание’, бараһанн’ык ‘праздник’ [3, с. 69].

Мы, в свою очередь, опираясь на результаты вышеназванных исследований, а также работ Э.А. Аушевой [2], А.Р. Нургатиной [6] и др., преследуем цель разобрать способы словообразования, выявить основные словообразовательные модели абстрактных имен в эвенском языке. В качестве материала для работы использован словарь В.А. Роббека и М.Е. Роббек [7], а также полевые материалы автора.

Данная работа является продолжением ранее изданной статьи, где представлена лексико-семантическая классификация и основные способы словообразования абстрактных имен эвенского языка.

Абстрактные имена в эвенском языке образуются от глаголов, выражающих различные действия. По сути, абстрактные имена можно образовать из любого глагола, выражающего действие или состояние. Производное абстрактное имя тогда будет означать название этого действия. Например: *илаттай* ‘стоять’ → *илачин* ‘стояние’, *хунридэй* ‘трогать’ → *хунринмэй* ‘касание’, *гургэлдэдэй* ‘шевелиться’ → *гургэлдэнмэй* ‘шевеление’ и др.

Основным способом словообразования в эвенском языке является суффиксальный. Так, большая часть абстрактных имен в эвенском языке образовано с помощью суффикса -н. Схема образования таких абстрактных имен в эвенском языке выглядит подобным образом:

V +-н

Например: *мэргэттэй* + -н = *мэргэн* '1) ум, разум, рассудок, сознание; 2) смысл, толк, сообразительность'; *хамалкадай* + -н = *хамалкан* '1) выяснение, изучение, овладение навыками; 2) занятие, учеба; 3) знание'; *тэдедэй* + -н = *тэден* 'вера, доверие, уверенность' и др.

По этой же схеме с добавлением интерфикса (а, э): V + (а, э) + -н образуются следующие абстрактные имена: *тамдай* + (а) + -н = *таман* 'плата'; *цэлдэй* + (э) + -н = *цэлэн* 'трусость, боязнь, страх, испуг'; *дагамдай* + (а) + -н = *дагаман* 'приближение, подход' и др.

Другим продуктивным суффиксом, образующим абстрактные имена, является -нмай:

V + -нмай

Например: *иткудай* + -нмай = *иткунмай* 'подготовка, сборы'; *хагыңчидай* + -нмай = *хагыңчинмай* 'мучение, беспокойство, забота, волнение, тревога, хлопоты, суета'; *дабдадай* + -нмай = *дабданмай* '1) проигрыш; 2) поражение' и др.

В этой модели также наблюдается присоединение интерфикса: V +(а) + -нмай: *авурдай* + (а) + -нмай = *авуранмай* 'сумасшествие'; *уталдай* + (а) + -нмай = *уталанмай* 'понимание, уяснение, догадка'; *бактай* + (а) + -нмай = *баканмай* 'находка, обнаружение, получение, добыча' и др.

Следующий употребительный суффикс – -дек (-дяк, -чак):

V + -дек (-дяк, -чак)

Например: *дэрэмкэдэй* + -дек = *дэрэмкэдек* 'гибель, смерть, кончина'; *алитматтай* + -чак = *алитмачак* 'ненависть, вражда'; *хилгиттай* 'мучить' + -дяк = *хилгичидяк* 'мучение, тирания, насилие' и др.

Малопродуктивными являются модели словообразования абстрактных имен с помощью суффиксов -вки, -кич, -нңа/-нңэ, -ни:

V + -вки: *ниңиттэй*+ -вки = *ниңивки* ‘проклятие, заклинание’;
V + -кич: *төнңэдэй* +- кич = *төнңэкич* ‘1. грех; 2. запрет, табу’;
V +-нңа/-нңэ: *гарпудай*+ -нңа = *гарпунңа* ‘луч’; V + -ни: *бидэй*+ -ни =
бини ‘1) жизнь, бытие; 2) быт, уклад жизни, обстановка, условия;
3) поведение ‘и др.

Рассматривая словообразование абстрактных имен в эвенском языке, отметим часто встречающееся явление, при котором путем присоединения к одной основе различных суффиксов образуются отвлеченные имена, имеющие одно значение, например: *хагъиңчидай* + -дяк = *хагъиңчидяк* ‘мучение, беспокойство, забота, волнение, тревога, хлопоты, суета’; *хагъиңчидай* + -н = *хагъиңчин*, ‘мучение, беспокойство, забота, волнение, тревога, хлопоты, суета’; *хагъиңчидай* + -нмай = *хагъиңчинмай* ‘мучение, беспокойство, забота, волнение, тревога, хлопоты, суета’ и др.

В процессе словообразования абстрактных имен происходят различные морфонологические явления, такие как интерфиксация: *итаг/дай* + (а) + -н = *итаг/а/н* ‘подготовка, сборы’, *бэл/дэй* + (э) = *бэл/э/н* ‘помощь, содействие’; чередование согласных: *алаттай* + (и) + -н = *алачин* ‘ожидание’; наложение или интерференция морфов: *кэнив/дэй* + -вки = *кэни/вки*; *дабдукан/дай* + -нмай = *дабдука/нмай* ‘выигрыш, победа’, *и/вкэн/дэй* + -нмэй = *и/вкэ/нмэй* ‘впуск, ввод, воз, вовлечение, втягивание, водворение, внедрение, зачисление’ и др.

Другим распространенным способом образования абстрактных имен является безаффиксальный способ словообразования. Как пишет К.А. Новикова: «В современном эвенском языке безаффиксальный способ словообразования следует считать столь же продуктивным, как и аффиксальный» [5, с. 38]. Автор считает, что большинство глагольных основ переходит в имена существительные. К.А. Новикова приводит здесь же внушительный список омонимичных глагольно-именных основ. Применительно к абстрактным именам эвенского языка такой способ словообразования является одним из продуктивных. Так, например, образованы следующие имена: *илрандай* ‘жалеть’ → *илран* ‘1) жалость; 2) пощада; 3) сочувствие’;

муландай ‘скупиться’ → *мулан* ‘скупость, жадность’; *бутэндэй* ‘болеть’ → *бутэн* ‘болезнь’ *бутэндэй*; *авуандай* ‘беспокоиться’ → *авулан* ‘беспокойство, нервное состояние’; *мэнэдендэй* ‘оседать’ → *мэнэден* ‘переход на оседлость’; *дёмкандай* ‘навести на мысль’ → *дёмкан* ‘мысль, мнение’; *өрэндэй* ‘прийти в восторг’ → *өрэн* ‘восторг, восхищение’; *мудандай* ‘заканчиваться’ → *мудан* ‘конец, предел, окончание, исход, завершение’ и др.

Отметим, что данный способ словообразования часто встречается в образовании абстрактных имен от звукоподражательных глаголов. Так образуются названия различных звуков: *дырэлэндэй* → *дырэлэн* ‘гул мотора, раскат, рокот, стук’; *киңгэлэндэй* → *киңгэлэн* ‘звон, брэнчание (о металлических предметах)’; *көмдэлэндэй* → *көмдэлэн* ‘топот’ и др.

К данному типу словообразования К.А. Новикова относит и глагольные основы, совпадающие с названием действий или состояний, а также предметов, являющихся результатом того или иного действия или состояния. В эту группу входят и абстрактные слова *бивкэн* ‘заселение, вселение’ образованное от *бивкэндэй* ‘заселять вселять’; *дабдукан* ‘победа’ от *дабдукандай* ‘победить’; *давукан* ‘переправа’ от *давукандай* ‘переправить’; *усувкан* ‘осуждение, обвинение’ от *усувкандай* ‘осуждать’ и др. Здесь мы наблюдаем следующий процесс словообразования: *бидэй* → *бивкэндэй* → *бивкэн*; *давдай* → *давукандай* → *давукан* и др. То есть наблюдается переход основы залоговой формы глагола в имена существительные.

Таким образом, абстрактные имена в эвенском языке образуются суффиксальным способом, при котором наиболее продуктивными суффиксами являются -н, -нмай, -дек (-дяк, -чак), а также конверсией или морфолого-синтаксическим способом. При словообразовании абстрактных слов происходят следующие морфонологические явления: интерфиксация, чередования согласных, наложение морфов.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 569 с.

2. Аушева Э.А. Лексико-семантические группы отвлеченных имен существительных в ингушском языке// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №7 (73): в 3-х ч. Ч.1. С. 85–87.
3. Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 112 с.
4. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
5. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Л.: Наука, 1980. 162 с.
6. Нургатина А.Р. Абстрактные имена существительные в татарском языке: автореф. дисс. ... к.ф.н. Казань, 2012. 30 с.
7. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Н.: Наука, 2005. 353 с.
8. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989. 204 с.
9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I. Л.: Наука. 1975. 672 с.
10. Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т.1. М.: Рус. яз., 1985. 856 с.
11. Фатхутдинова В.Г. Последовательная производность как универсальное свойство словообразовательных систем русского и татарского языков // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 148, кн.3. 2006. С. 154–160.
12. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1947. 270 с.
13. Barner D., Libenson A., Cheung P., Takasaki M. Cross-Linguistic Relations Between Quantifiers and Numerals in Language Acquisition: Evidence from Japanese. *Journal of Experimental Child Psychology*. 2009, 103(4), pp. 412–440.
14. Bölte J., Zwitserlood P., Jansma B.M., Zilverstand A. Derivational morphology approached with event related potentials. // *Mental lexicon*. 2009, 4(3), pp. 336–353.

15. Morin R. Derivational morphological analysis as a strategy for vocabulary acquisition in Spanish // *The Modern Language Journal*. 2003, 87(2), pp. 200–221.
16. Singson M., Mahony D., Mann V. The relation between reading ability and morphological skills: evidence from derivational suffixes // *Reading and Writing*. 2000, 12(3-4), pp. 219–252.
17. Riehemann S.Z. Type-based derivational morphology // *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1998, 2(1), pp. 49–77.
18. Uriagereka J. Cutting derivational options // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2001, 19(4), pp. 891–900.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: Editorial URSS, 2004. 569 p.
2. Ausheva E.A. Leksiko-semanticheskiye gruppy otvlechennykh imen sushchestvitel'nykh v ingushskom yazyke [Lexico-semantic groups of abstract nouns in the Ingush language]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2017. No 7 (73): Part 1, pp. 85–87.
3. Kuz'mina R.P. *Jazyk lamunhinskih evenov* [The language of the Lamunhin Evens]. Novosibirsk: Nauka, 2010. 112 p.
4. Lebedev V.D. *Jazyk evenov Jakutii* [The language of the Evens of Yakutia]. L.: Nauka, 1978. 208 p.
5. Novikova K.A. *Oчерки диалектов evenского языка. Ol'skij govor* [Essays on the dialects of the Even language. The Olsk dialect]. L.: Nauka, 1980. 162 p.
6. Nurgatina A.R. *Abstraktnyye imena sushchestvitel'nyye v tatarskom yazyke* [Abstract nouns in the Tatar language]: avtoref. diss. ... k.f.n. Kazan', 2012. 30 p.
7. Robbek V.A., Robbek M.E. *Jevensko-russkij slovar'* [Even-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 353 p.
8. Robbek V.A. *Jazyk evenov Berezovki* [The language of the Evens of Berezovka]. L.: Nauka, 1989. 204 p.
9. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh jazykov. Materialy k jeti-*

- mologicheskomu slovarju* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages. Materials for the etymological dictionary.]. Vol. I. L.: Nauka, 1975. 672 p.
10. Tikhonov A.N. Osnovnye ponjatija russkogo slovoobrazovanija [Basic concepts of Russian word formation]. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]: V 2 t. T 1. M.: Rus. jaz, 1985. 856 p.
 11. Fathutdinova V.G. Posledovatel'naja proizvodnost' kak universal'noe svojstvo slovoobrazovatel'nyh system russkogo i tatarskogo jazykov [Consistent production as a universal property of word-formation systems of the Russian and Tatar languages]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. V. 148, Book 3. 2006, pp. 154–160.
 12. Cincius V.I. *Očerki grammatiki evenskogo (lamutskogo) jazyka. Fonetika i morfologija* [Essay on the grammar of the Even language (Lamut). Phonetics and morphology]. L.: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogičeskoye izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR. Leningradskoye otdeleniye, 1947. 270 p.
 13. Barner D., Libenson A., Cheung P., Takasaki M. Cross-Linguistic Relations Between Quantifiers and Numerals in Language Acquisition: Evidence from Japanese. *Journal of Experimental Child Psychology*. 2009, 103(4), pp. 412–440.
 14. Bölte J., Zwitserlood P., Jansma B.M., Zilverstand A. Derivational morphology approached with event related potentials. *Mental lexicon*. 2009, 4(3), pp. 336–353.
 15. Morin R. Derivational morphological analysis as a strategy for vocabulary acquisition in Spanish. *The Modern Language Journal*. 2003, 87(2), pp. 200–221.
 16. Singson M., Mahony D., Mann V. The relation between reading ability and morphological skills: evidence from derivational suffixes. *Reading and Writing*. 2000, 12(3-4), pp. 219–252.
 17. Riehemann S.Z. Type-based derivational morphology. *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1998, 2(1), pp. 49–77.
 18. Uriagereka Ju. Cutting derivational options. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2001, 19(4), pp. 891–900.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Елена Васильевна, научный сотрудник сектора северной филологии

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677007, Российская Федерация

elenanesterova-2010@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nesterova Elena Vasilievna, Researcher of the Sector of Northern Philology

Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the SB RAS

1. Petrovskogo Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677015, Russian Federation

elenanesterova-2010@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5130-706X

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-211-224

УДК 8; 81-2

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ

Юрова Т.А.

Интерес исследователей к решению проблем, связанных с лингвокультурным доминированием, в результате которого модифицируется семантика заимствованных единиц, предопределен желанием добраться до сути явления культуры, существующего в тесной связи с языком, как особой конфигурации бытия человека на земле. Язык при подобном раскладе может выступать в роли инструмента, помогающего истолковать суть культуры, мировоззрения и мироощущения этноса.

Цель. Данная статья посвящена анализу семантической деформации неологизмов-заимствований, обусловленной лингвокультурным доминированием.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования образуют метод частичной выборки из текстов электронных версий российских газет, описательный метод лингвистического анализа, метод интерактивного опроса.

Результаты. Результаты анализа показали, что существует ряд лексических инноваций, которые могут быть отнесены к актуализированной лексике, т.е. словам ранее употреблявшимся, но вернувшимся в языковую сферу применения в другом значении. В качестве причин появления обновленной семантики неологизмов – заимствований могут быть названы: лингвокультурная переориентация, давление; сила культурного доминирования; лингвокультурная эволюция этнического сознания.

Область применения. Результаты исследования могут быть применены в теоретических курсах по лексикологии английского

языка и лингвокультурологии, а также в спецкурсах по дискурсу современных СМИ.

Ключевые слова: семантическое преобразование; лингвокультурное давление; актуализированная лексика; неологизмы-заимствования; современная семантика слов.

SEMANTIC RECONSTRUCTION AS A RESULT OF A LINGUO-CULTURAL REORIENTATION

Yurova T.A.

The interest of researchers in solving problems associated with linguocultural dominance, which changes the semantics of borrowed units, is predetermined by the desire to get to the essence of the cultural phenomenon that exists in close connection with language as a special configuration of human beingness on Earth. Thus, , language can act as a means to interpret the essence of the ethnos's culture, its worldview and attitude to the world.

Purpose. *This article is devoted to the analysis of the semantic deformation of neologism-borrowings, due to linguocultural dominance.*

Method or methodology of the work. *The basis of the research is formed by the method of partial sampling from the texts of electronic versions of the Russian newspapers, the descriptive method of linguistic analysis and the interactive survey method.*

Results. *The results of the analysis showed that there are certain lexical innovations that can be attributed to the actualized vocabulary, i.e. words previously used, but later returned into the language in a different meaning. As for the reasons of the emergence of the renewed semantics of neologisms-borrowings the following ones can be mentioned: linguocultural reorientation, pressure; the power of the cultural domination; linguocultural evolution of the ethnic consciousness.*

Application area. *The results of the research can be applied in theoretical courses on the lexicology of the English language and cultural linguistics, as well as in special courses on the discourse of modern media.*

Keywords: *semantic transformation; linguocultural pressure; actualized vocabulary; neologisms-borrowings; modern semantics of words.*

Актуальность исследования обусловлена отсутствием полномасштабной проработанности данной проблемы, а также необходимостью выявить обновленные семантические нюансы неологизмов-заимствований. Цель исследования заключается в анализе семантической деформации неологизмов-заимствований, обусловленной лингвокультурным доминированием. В соответствии с обозначенной целью решаются следующие задачи: выявить актуализированную лексику, а также раскрыть причины появления обновленной семантики заимствований. Научная новизна работы состоит в том, что впервые анализируется семантическое обновление неологизмов-заимствований на материале текстов современных электронных версий российских газет.

Интерес исследователей к решению проблем, связанных с лингвокультурным доминированием, в результате которого модифицируется семантика заимствованных единиц, предопределен желанием добраться до сути явления культуры, существующего в тесной связи с языком, как особой конфигурации бытия человека на земле. Язык при подобном раскладе может выступать в роли инструмента, помогающего истолковать суть культуры, мировоззрения и мироощущения этноса. Вопросы приспособляемости и органичного существования человека в окаймляющей его культурной зоне, которая часто бывает непростой и разноречивой, являются первостепенными в сегодняшней лингвокультурологии [1]. Немаловажной оказывается и проблема обозначения способа содействия культуры и языка, при котором язык рассматривается в качестве передатчика культуры этноса. Восприятие и понимание этнической культуры невозможно без детального постижения общенационального языка. Данная аксиома воспринимается исследователями [8] как прикладное добавление к лингвокультурологии.

Теоретические основы лингвокультурологии, сформированные В. Фон Гумбольдтом, определяющие связь усовершенствования

национального языка с усовершенствованием национальной культуры, предсказали сегодняшние подходы к языку. А.А. Потебня был тем первым значимым теоретиком русской лингвистики, которому удалось комплексно постичь и всеобъемлюще объяснить обширным научным кругам идеи Гумбольда о языке. Однако в процессе освоения учения, А.А. Потебня пришел к важному умозаключению, согласно которому область языка не совпадает с областью мысли, а мысль может стать связана со словом. Слово представляет собой скорее продукт общественного сознания, а не исключительно индивидуального. Коммуникативная функция языка обусловлена непосредственно культурной и общественной природой языка [14, с. 78–84]. Роль слова в развитии устного народного творчества, в сохранении традиций и обычаев, в описании постоянно изменяющейся действительности огромна. Слово, в понимании Потебни, есть обозначение предмета, а обозначение, в свою очередь, бездонно национально и культурно опосредованно [3, с. 52–54]. Наименование предмета и способ выражения наименования тесно согласованы и взаимосвязаны, другими словами, существует обмен информацией между формами мышления этноса и вместе взятыми внутренними связями, строением, устройством языка. Язык, являясь одной из составляющих набора компонентов культуры, выступает, с одной стороны, в роли фабриката социальной активности человека, а с другой – в качестве одной из конфигураций, сформированной человеком, культуры.

Результаты человеческих постижений фиксируются им же в языке, а ознакомление с новыми течениями, феноменами и объектами осуществляется посредством и за счет языка. Эти две взаимно переплетенные и взаимно обуславливающие друг друга составляющие – язык и человек всегда находились в центре внимания исследователей [13, с. 213]. Осознание исключительности человека значимо в числе прочих наук и для языкознания. Человек, будучи живой системой, объединяет в себе физическое, духовное и социальное начало, он вовлечен в связь всех явлений, существующих в природе, и подвластен истинным правомерностям и законам. Аб-

сорбируя в себе языковые и культурные традиции, накопленные за столетия, и передавая весь этот багаж биологическим наследникам, человек превращается в выразителя определенного образа жизни, культуры, языковых привычек нации.

Вследствие этого в сегодняшней науке, изучающей языки, возник антропоцентрический принцип лингвокультурологического подхода к языку, связывающий воедино такие темы как языковедческую, социологическую, культурологическую. Согласно антропоцентрическому принципу, соразмерное изучение языка подразумевает исследование его в непосредственном взаимодействии с анализом культуры, психики и духа человека, его образа мыслей и познавательных способностей [7, с. 49]. Во главу угла, в соответствии с ветхозаветными принципами, поставлен человек. В природе все организовано на благо человека, именно он обладает правом называть. Основная концепция антропоцентризма исходит из врожденной склонности человека реализовывать свои естественные потребности и желания в жизни во что бы это не стало. Интересы и стремления обуславливаются историко-культурной ситуацией, а биопотенциал возможностей определяет суть человеческого мира. Совокупность ряда антропоцентрических установок и представлений направлена на выявление места и роли человека в историческом и культурном процессах, в выявлении видения мира.

Формирование антропоцентрического принципа может быть охарактеризовано переключением внимания с изучения языковой системы на анализ языковой личности, выступающей в качестве участника словесной кампании, а также на рассмотрение воздействия языка на мыслительные и культурные процессы. Первостепенное значение уделяется не внешним факторам происхождения и развития языка, а внутренним условиям, обусловленным развитием человека и общественной культуры. В качестве языковой личности может быть рассмотрена как языковая личность, создающая текст, так и языковая личность – реципиент, читающая этот текст [2, с. 305]. В этой связи требуется выработка стратегии договоренности, некоего баланса между создателем текста и языковой личностью

читателя. Создавая текст, автор старается применить сообразные стратегии культурного общения, надеется на готовность восприятия и корректность интерпретирования написанного. Посему первостепенное значение приобретает качественный подбор лексической составляющей газетных статей. Под качественным подбором лексической составляющей подразумевается языковой материал свободный от избыточного использования заимствований, позволяющий среднестатистическим массам читающей публики доступно и легко усваивать информацию.

Язык, постоянно меняясь, совершенствуется с такой же скоростью, как и мир вокруг нас. Несомненным является тот факт, что, податливо встречая перемены, обусловленные исторической эрой и трансформированными культурными обычаями, язык выступает в качестве не обособленной, а настежь распахнутой, готовой к контакту и сотрудничеству со всеми языками и культурами доктрины. Как следствие, языковой ассортимент регулярно меняется, ширится и растет благодаря иноязычным элементам. Однако заимствование иноязычных элементов не может происходить без соприкосновения культур в языковой нише. Языковое вторжение одного языка в другой происходит путём оказания давления одной культуры на другую, где, безусловно, важную роль играет язык и культурный уровень народа. Все процессы, которые касаются заимствования зарубежной лексики, являются яркими показателями того, что одна культура находится под воздействием влияния внешней культуры.

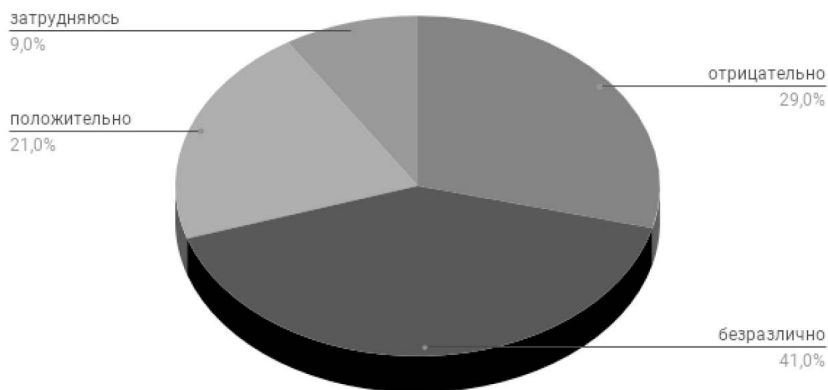
В связи с этим можно предположить, что заимствованный компонент обладает возможностью изменения общей картины мира, насаждаемой языком донором. Целесообразным представляется выяснение вопроса о степени уместности и приспособляемости заимствованных элементов, а также о естественности их существования в нашем духовной и языковой сфере. Исследование неологизмов – непростой вопрос для отечественного языкознания в целом и лингвокультурологии как отрасли языкознания в частности, согласно принципам которой неологизмы-заимствования могут быть рассмотрены в качестве компонентов, наполненных культурно-зна-

чимой информацией. Являясь результатом активности человека, лексические инновации могут обладать своеобразным культурным багажом, являться проводниками чуждой культуры. Лексическая сущность инновационного новообразования вырабатывается под воздействием языковых и культурологических обстоятельств. Лексические неологизмы обладают новыми социокультурными характеристиками и функционируют в определенных этнос сообществе терминологических сферах.

Можно предположить, что определенный восторг тема неологизмов-заимствований вызвала у великорусского общества в годы октябрьских событий, ожидающего положительного перелома в русском языке по причине перестройки общественного фундамента. Во все остальные временные промежутки безмерное использование заимствований рассматривалось как факт засорения и умаления неповторимости русского языка, с отрицательным явлением пытались бороться как на законодательном, так и на обще социальном уровне.

На сегодняшний момент отношение к использованию неологизмов-заимствований на страницах газет может быть отражено следующей диаграммой, которая была выстроена в результате проведения опроса на основе платформы «Google Формы» – онлайн-сервиса, используемого для выстраивания возвратной связи, тестирований, опросов в режиме реального времени. В ходе исследования было опрошено 100 респондентов, из которых 38 мужчин (38%) и 62 женщины (62%). Возрастной разброс респондентов – от 18 до 45 лет и старше. Причем среди респондентов, желающих поучаствовать в опросе, преобладали молодые люди (51%) и люди зрелого возраста (14%).

Из диаграммы видно, что большей части респондентов безразлично (41%), насколько часто используются новообразования в СМИ, так как это, по их мнению, не влияет на степень понимания прочитанного или услышанного. Стоит также отметить, что разница между теми, кто положительно относится к использованию авторами статей неологизмов-заимствований (21%) и отрицательно (29%), незначительна.

Однако, на наш взгляд, не стоит умалять негативное влияние заимствованных инновационных единиц на ценностные составляющие представителей русского этноса и русской концептуальной картины мира. Чрезмерное обилие иностранной лексики, интенсивно поступающей в русскую языковую систему, посредством использования в языке СМИ, не может не оказывать заметных сдвигов когнитивного плана, соразмерно имеет место изменение языкового вкуса и поведения ни в лучшую сторону. Активизация появления неологизмов-заимствований в электронных изданиях газет приводит к лингвокультурной переориентации. Культурологическое давление обуславливает смену традиционных представлений о вещах и явлениях. Не зная точного значения слова, носитель языка интуитивно пытается его декодировать, принимает на веру тот вариант, который ему предлагается контекстом и порой бессознательно перенимает чужеродный взгляд на мир и репрезентацию действительности.

Порассуждаем о неологизмах-заимствованиях, которые были отобраны методом частичной выборки из текстов электронных версий российских газет. Они появились в результате семантического копирования, и начинают использоваться в русском языке с современной семантикой слов, существующей в языке-доноре, отличной от их первичного значения.

Новообразование *профайл* (англ. profile – «профиль») в результате лингвокультурологического давления приобретает значение, которого ранее не было в русском языке: 1) учетная запись в вычислительной системе, на электронном ресурсе; 2) краткий биографический очерк [12].

Согласно профайлу на сайте конкурса, девушка увлекается рисованием, живописью, поэзией, любит путешествовать [4].

О степени неадаптированности данного неологизма говорит тот факт, что порой в российской прессе можно встретить вариант транскрипции английского слова *профиль*. Варианты равнозначны, все только упирается в языковой вкус и предпочтение автора.

Лексическая инновация *модератор* может быть также отнесена к актуализированной лексике, т.е. словам ранее употреблявшимся, но вернувшимся в языковую сферу применения в другом значении. В данном случае вновь можно говорить о лингвокультурной переориентации. Словарь иностранных слов под редакцией И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова приводит следующие значения слова «модератор»: 1) прибор для замедления хода машины; 2) приспособление в музыкальных клавишных инструментах для урегулирования силы звука [9]. На современном этапе в связи с появлением интернета и интернет-среды слово «модератор» приобрело абсолютно новый терминологический оттенок. Модератор – административное лицо, представляющее и выступающее от имени уполномоченного электронного ресурса, с функцией слежения за соблюдением правил на ресурсе [12]. Или же часто «модератором» называют председателя научных секций и заседаний.

Модератор пленарного заседания форума, назвал Россию самой крупной экономикой Арктического региона [15].

Лексический неологизм *слот* (англ. slot – «канавка, щель автомата») в результате лингвокультурной эволюции этнического сознания приобрел значение – «место в конкурсе». В данном случае можно развить мысль о семантическом искажении, возникшем в результате культурологического давления, обусловленного сменой традиционных представления о значении слова.

На музыкальном проекте пятеро счастливиц встречаются в очной борьбе за два заветных слота [11].

Возможен еще пример подмены традиционных представлений о сущности вещей, например, употребление неологизма слот в значении «жанр, ниша, сфера, манера».

Я работаю в развлекательном слоте, поэтому, в принципе, я развлекаю людей всего мира [6].

Сила культурного доминирования, принцип подсознательной когнитивной аналогии или следствие культурно-когнитивной зависимости, когда люди склонны воссоздавать субъективную профессионально-социальную реальность, сыграло роль при появлении неологизма МОЖО (mobile journalism). Данный неологизм, в котором каждая составляющая пишется при помощи заглавной буквы, был образован для обозначения современных мобильных журналистов, готовящих мультимедийные материалы в полевых условиях, используя современные смартфоны.

Мобильная журналистика: как # МОЖО входит в новостные редакции [5].

В дальнейшем использование неологизма получило развитие и появилась такая словообразовательная модель как *mojo workshop*.

Значит вы не очень отличаетесь от большинства участников семинара по журналистике (mojo workshop) [10].

В качестве слова-оригинала выступал английский термин *mojo* со значением «чары/магический амулет». Ранее слово не характеризовалось высокой степенью употребления и, в основном, присутствовало в молодежном языке. Интересно отметить, что, возможно, впервые слово было произнесено поклонниками пародийного фильма, посвященного шпиону Пауэрсу, слово *mojo* описывало внутреннюю энергию, жизненные силы и харизму героя. Проследивая этимологию слова, можно утверждать, что оно имеет креольские корни, где *toco* значит «колдовство, магия». Преимущественно употребляется в переносном смысле – «сексапильность, могущество, харизма». В сленговом варианте *toco* может означать «наркотики, наркотическая приверженность». Существует еще один вариант возникновения – от омонима этого слова, описывающего соус,

приправленный чесноком, оливковым маслом, кислыми цитрусовыми, применяемый в национальной кухне на Кубе. Этот вариант *mojo* имеет испанскую природу и сродни мохито.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в ходе анализа был выявлен ряд лексических инноваций, которые могут быть отнесены к актуализированной лексике, т.е. словам ранее употреблявшимся, но вернувшимся в языковую сферу применения в другом значении. В качестве причин появления обновленной семантики неологизмов-заимствований могут быть названы: лингвокультурная переориентация, давление; сила культурного доминирования; лингвокультурная эволюция этнического сознания.

Список литературы

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во Росс. ун-та Дружбы народов, 1997. 331 с.
2. Дорофеев Ю.В. Антропоцентризм в лингвистике и предмет когнитивной грамматики // Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики: мат. XV Межд. лингв. конф. «Язык и мир». Симферополь, 2008. С. 302–308.
3. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования. 2-е изд. М. ЛИБРОКОМ, 2010. 88 с.
4. «Мисс Россия-2019» стала Алина Санько из Азова. URL: <https://ria.ru/20190414/1552671518.html> (дата обращения 10.05.19).
5. Мобильная журналистика: как # МОЖО входит в новостные редакции. URL: <https://www.radiportal.ru/news/mobilnaya-zhurnalistika-kak-mojo-vhodit-v-novostnye-redakcii> (дата обращения 14.05.19).
6. Почему телеведущая Жанна Бадоева отказалась от гражданства Украины URL: <https://ria.ru/20190330/1552243390.html> (дата обращения 10.05.19).
7. Пятаева Н.В. Антропоцентрический принцип современного языкознания и понятие картины мира // Филологический класс. Екатеринбург, УрГПУ – 2004. №12. С. 47–54.
8. Сабитова З.К. Лингвокультурология. Учебник. М.: Флинта, 2013. 524 с.

9. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 808 с.
10. Советы для журналистов, занимающихся расследованиями URL: <https://ijnet.org/ru/story/советы-для-журналистов-> (дата обращения 30.05.19).
11. Что случилось в седьмом эпизоде шоу «Голос. Дети». URL: <https://theworldnews.net/ru-news/chto-sluchilos-> (дата обращения 10.05.19).
12. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 576 с.
13. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. Москва: Флинта, 2012. 301 с.
14. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Общество любителей российской словесности, 1997. 184 с.
15. «Я же терпел»: Путин ответил перебившему его журналисту из США. URL: <https://news.rambler.ru/terpel-putin-otvetil-perebivshemu-ego-zhurnalistu-iz-ssha/> (дата обращения 10.05.19).

References

1. Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody)* [Cultural linguistics (theory and methods)]. М.: Izdatel'stvo Ross. un-ta druzhby narodov, 1997. 331 p.
2. Dorofeev Yu.V. *Antropotsentrizm v lingvistike i predmet kognitivnoy grammatiki* [Anthropocentrism in linguistics and the subject of cognitive grammar]. *Aktual'nye problemy sovremennoy kognitivnoy lingvistiki: mat. XV Mezhd. lingv. konf. «Yazyk i mir»* [Actual problems of modern cognitive linguistics: mat. XV Int. lingua conf. "Language and the world"]. Simferopol, 2008, pp. 302–308.
3. Kubryakova E.S. *Teoriya nominatsii i slovoobrazovaniya* [Theory of nomination and word formation]. М. LIBROKOM, 2010. 88 p.
4. «Miss Rossiya-2019» stala Alina San'ko iz Azova [It was Alina Sanko from Azov who became Miss Russia-2019]. <https://ria.ru/20190414/1552671518.html> (accessed May10, 2019).
5. *Mobil'naya zhurnalistika: kak #MOJO vkhodit v novostnye redaktsii* [Mobile journalism: how #MOJO enters the newsroom]. <https://www.>

- radiportal.ru/news/mobilnaya-zhurnalistika-kak-mojo-vhodit-v-novostnye-redakcii (accessed May 14, 2019).
6. *Pochemu teledushchaya Zhanna Badoeva otkazalas' ot grazhdanstva Ukrainy* [Why the TV presenter Zhanna Badoeva renounced her Ukrainian citizenship]. <https://ria.ru/20190330/1552243390.html> (accessed May 10, 2019).
 7. Pyataeva N.V. Antropotsentricheskii printsip sovremennogo yazykoznanii i ponyatie kartiny mira [The anthropocentric principle of modern linguistics and the concept of a picture of the world]. *Filologicheskii klass*. Ekaterinburg, UrGPU. 2004. №12, pp. 47–54.
 8. Sabitova Z.K. *Lingvokul'turologiya* [Cultural linguistics]. M.: Flinta, 2013. 524 p.
 9. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Ed. I.V. Lekhin, F.N. Petrov. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1949. 808 p.
 10. *Sovety dlya zhurnalistov, zanimayushchikhsya rassledovaniyami* [Tips for the journalists who are busy with investigations]. <https://ijnet.org/ru/story/sovety-dlya-zhurnalistov> (accessed May 30, 2019).
 11. *Chto sluchilos' v sed'mom epizode shou «Golos. Deti»* [What has happened in the seventh episode of the show «The Voice. Children»]. <https://theworldnews.net/ru-news/chto-sluchilos-> (accessed May 10, 2019).
 12. Shagalova E.N. *Slovar' noveyshikh inostrannykh slov* [Dictionary of newest foreign words]. M.: AST-PRESS KNIGA, 2017. 576 p.
 13. Shacklein V.M. *Lingvokul'turologiya: traditsii i innovatsii: monografiya* [Cultural linguistics: traditions and innovations: monograph]. Moscow: Flinta, 2012. 301 p.
 14. Shacklein V.M. *Lingvokul'turnaya situatsiya i issledovanie teksta* [Linguocultural situation and the text study]. M.: Obshchestvo lyubiteley rossiyskoy slovesnosti, 1997. 184 p.
 15. «*Ya zhe terpel*»: Putin otvetil perebivshemu ego zhurnalistu iz SShA [«I tried to bear you, didn't I»: Putin answered a journalist from the USA who interrupted him.]. <https://news.rambler.ru/terpel-putin-otvetil-perebivshemu-ego-zhurnalistu-iz-ssha/> (accessed May 25, 2019).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Юрова Татьяна Александровна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

просп. Калинина, 9, г. Пятигорск 357532, Ставропольский край, Российская Федерация

Tatyana-Yurova@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yurova Tatyana Alexandrovna, Associate Professor, Department of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph. D. in Philology

Pyatigorsk State University

9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, 357532, Stavropol region, Russian Federation

Tatyana-Yurova@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-225-245

УДК 81'33

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ)

Маник С.А.

***Цель.** Статья посвящена вопросам исследования роли параллельного корпуса при переводе текстов общественно-политической сферы на материале послания американского президента Д. Трампа к Конгрессу США «О положении дел в стране» и его переводов.*

***Методология проведения работы.** Для решения поставленной задачи компилируется узкий переводной корпус текста обращения на английском языке и доступные его переводы на русский язык на платформе SketchEngine, на которой возможно создать свой собственный исследовательский корпус. В статье описаны этапы составления корпуса, а также опции, предоставляемые программой. Рассматриваются проблемы перевода общественно-политического текста, трансформации, использованные переводчиком, степень употребительности некоторых конструкций и лексических единиц, уровень эквивалентности и ее обусловленность контекстом.*

***Результаты.** Скомпилированный корпус дает возможность одновременно изучать лексические и синтаксические соответствия между двумя языками, а также при помощи сопоставления оригинала и его перевода анализировать принципы, которые лежат в основе той или иной переводческой трансформации. К настоящему моменту не существует доступного параллельного (англо-русского или русско-английского) корпуса общественно-политических текстов.*

***Область применения результатов.** Учитывая тот факт, что описываемый рабочий корпус общественно-политических текстов невелик и не позволяет исчерпывающе проиллюстрировать все особенности межъязыковой эквивалентности, важно конста-*

тировать, что при условии расширения эмпирического материала (несколько обращений) и добавления других вариантов перевода возможно рассматривать иные вопросы, например, трудности перевода клише или метафорических выражений, степень допустимости субъективизма у переводчика, ограничения, накладываемые как самим языком перевода, так и определенной политикой в обществе и т.п.

Ключевые слова: Параллельный переводной корпус; общественно-политический текст; выравнивание; переводческие трансформации.

PARALLEL CORPUS FOR TRANSLATION PRACTICE OF SOCIO-POLITICAL TEXTS (FROM ENGLISH INTO RUSSIAN)

Manik S.A.

Purpose. *The article deals with the study of the role of parallel corpus while translating texts of socio-political sphere as exemplified by D. Trump's 2019 State of the Union Address and its translations.*

Methodology. *To achieve the set objective a small-scale translation corpus of the Address in English and its translations has been compiled in SketchEngine platform that offers a possibility to create an individual research corpus. The steps of corpus compilation and program options have been described. Socio-political text translation issues, translator's transformations, degree of usability of some constructions and lexical units, equivalence level and its context dependence are considered in the article.*

Results. *The compiled corpus allows for both analysis of lexical and syntactical equivalents of two languages and study of the principles of translation transformations while contrasting the original and its translation. By now there is no available parallel (English-Russian or Russian-English) corpus of socio-political texts.*

Practical implications. *Taking into account the fact that the corpus of socio-political texts under study is not big and it does not allow for a*

complete illustration of all peculiarities of cross-lingual equivalence, it is necessary to emphasize that there will be a possibility to study other issues, such as, for example, difficulties of cliché or metaphoric phrases translation, degree of translator's freedom to amend/comment while translating political texts, restrictions due to the L2 language structure or some policy regulations, etc. providing that the empiric material is enriched (several addresses are compiled) and other translations are added.

Keywords: *Parallel translation corpus; socio-political text; corpus balancing; translation transformation.*

Введение

Развитие информационных технологий оказывает значительное влияние на современное языкознание, сделав использование корпусов повсеместным и доступным. Они являются, с одной стороны, обновляемыми и пополняемыми хранилищами текстов, а с другой стороны, инструментами, при помощи которых возможно получать новые лингвистические и экстралингвистические знания. На данный момент при проведении большинства исследований о языке первостепенным становится компилирование, внедрение и изучение корпусов [6; 12; 13; 14]. Экспериментальный, эмпирический подход вытеснил рациональный, основанный на интуитивном разделении правильных конструкций и неправильных, и нашел активное применение в контрастивных трудах. Проекты электронных корпусов текстов различных жанров, объемов, языков имеют прикладной потенциал не только в методике преподавания языков и перевода, но также в компьютерной лингвистике, поскольку ученым значительно легче структурировать и синхронизировать языковой материал при помощи автоматизированной программы, в то время как затраты существенно снижаются [10; 15].

Безусловно, в корпусной лингвистике начала нового тысячелетия доминируют корпуса английского языка как международного языка, именно их преимущественно создают, изучают и используют в преподавании и лексикографии. Например, известен Corpus of Contemporary American English (COCA <https://www.english-corpora.org/coca/>), British

National Corpus (BNC <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>), Just the Word (<http://www.just-the-word.com/>), Phrases in English (<http://phrasesinenglish.org/>), Open American National Corpus (<http://www.anc.org/>), Cambridge English Corpus, Michigan Corpus of Academic Spoken English (MICASE <https://quod.lib.umich.edu/cgi/c/corpus/corpus?c=micase;page=simple>), International Corpus of English (<http://ice-corpora.net/ice/index.html>), Word Neighbors (<http://wordneighbors.ust.hk/>), Corpus of Historical American English (COHA <https://www.english-corpora.org/coha/>), Collins Corpus (берущий начало из Bank of English <https://collins.co.uk/pages/elt-cobuild-reference-the-collins-corpus>) и т.п.

Одновременно стали появляться корпуса других языков, что существенно расширило спектр работ по контрастивным лингвистическим исследованиям на основе корпусных технологий. Как справедливо отмечают А. МакЭнери и З. Ксайо, кроме одноязычных корпусов компилируются «параллельные» (parallel) и «сравниваемые/сравнимые» [1] или «сопоставимые» [4] (comparable) корпуса, поскольку они являются отличным материалом для контрастивных (сопоставительных) трудов и для работ по теории и практике перевода [11]. Подобные корпуса дают возможность:

- лучше изучить сравниваемые языки;
- получить более глубокие знания как об их специфике, типологических и культурных отличиях, так и об общих чертах;
- сопоставить и осветить различия между текстами на исходном языке и языке перевода;
- внедрить и использовать полученные данные, например, в лексикографии, практике перевода или преподавании языка.

Между данными видами корпусов существует разница. Параллельный корпус представляет собой корпус текстов на исходном языке и их переводы, поэтому его также называют переводным корпусом (translation corpus). Он может быть двуязычным (bilingual corpus) и многоязычным (multilingual corpus). В зависимости от направленности перевода корпуса могут быть:

- однонаправленными (uni-directional corpus), когда, например, английский текст переведен на любой другой язык;

- двунаправленными (bi-directional corpus), то есть, например, английский текст переведен на русский язык и также с русского языка на английский;
- многонаправленными (multi-directional corpus), в которых текст языка оригинала переведен на несколько языков, например, русский, французский, китайский и т.п.

За последние годы созданы различные дву- и многоязычные параллельные корпуса: the English/German Translation Corpus (<https://www.tu-chemnitz.de/phil/english/sections/linguist/real/independent/transcorpus/index.htm>), English-French International Telecommunication Union Corpus (<http://catalogue.elra.info/en-us/repository/browse/ELRA-W0003/>), OPUS (Open Source Parallel Corpus) (<http://opus.nlpl.eu/>), Национальный корпус русского языка: Параллельный корпус (английский) (<http://ruscorpora.ru/old/search-para-en.html>), EUROPARL European Parliament Proceedings Parallel Corpus 1996–2011 (<http://www.statmt.org/europarl/>) и т.п. Идет активная работа по разработке и оптимизации программных средств выравнивания параллельных текстов в корпусах, а также совершенствование инструментов управления корпусом, вычленения информации и обработки большого объема информации [3; 7; 8; 9].

В свою очередь, сравниваемый или сопоставимый корпус включает в себя тексты на исходном языке и на другом или других языках по одной выбранной тематике, одного жанра, его компоненты сбалансированы, собраны при помощи одинакового инструментария выборки (same sampling frame) и принципа репрезентативности, представительности (representativeness). Тексты в нем не являются переводами. Как отмечает М.Г. Кружков, при компилировании подобных корпусов существуют определенные критерии отбора текстов, правила их разметки, регламентирование допустимых объемов изучаемых и сопоставляемых текстов и т.п. [4]. Такие корпуса представляют ценность при сравнении или установлении уровня частотности каких-либо явлений в различных рассматриваемых языках.

Например, European Corpus Initiative Multilingual Corpus I (ECI/MCI) (<http://www.elsnet.org/eci.html>); проект ICE (International Corpus of English), в рамках которого в более двадцати центрах по

всему миру составляются корпуса национальных или региональных вариантов английского языка для установления их характерных черт, частотности употребления лексико-грамматических конструкций, слов и словосочетаний, семантических сходств и отличий от британского английского и т.п. (<https://www.ucl.ac.uk/english-usage/projects/ice-gb/index.htm>).

Таким образом, цели и задачи компилирования параллельных и сопоставимых корпусов различны. Для настоящего исследования важно обратиться к переводному параллельному корпусу текстов, поскольку он дает возможность одновременно изучать лексические и синтаксические соответствия между двумя языками, а также при помощи сопоставления оригинала и его перевода анализировать принципы, которые лежат в основе той или иной переводческой трансформации.

Цель работы

К настоящему моменту не существует доступного параллельного (англо-русского или русско-английского) корпуса общественно-политических текстов. Ученые, занимающиеся вопросами перевода на основе корпусных технологий, компилируют небольшие корпуса для собственного пользования с целью решить проблему установления эквивалентности между лексическими единицами исходного и переведенного текста. Цель данного исследования заключается в рассмотрении роли параллельного корпуса при переводе текстов общественно-политической сферы на материале послания американского президента Д. Трампа к Конгрессу США «О положении дел в стране», опубликованного на страницах Белого дома в 2019 г. (<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-2/>) и его переводов. Для этого компилируется узкий параллельный корпус текста обращения на английском языке и доступные его переводы на русский язык. На его основе описываются проблемы перевода общественно-политического текста, трансформации, использованные переводчиком, степень употребительности некоторых конструкций и лексических единиц, уровень эквивалентности и ее обусловленность контекстом.

Материалы и методы исследования

Как известно, параллельные корпуса помогают выделить и изучить перевод различных языковых структур в каком-либо контексте. Для правильности выводов важно учитывать и соотносить рассматриваемый объем, жанр, датирование оригинальных и переведенных текстов и их тематику. В настоящей работе исходным материалом является послание президента Д. Трампа к Конгрессу США в феврале 2019 г. Безусловно, субъективный фактор играет важную роль при переводе. Это особенно актуально при переводе общественно-политических текстов, когда переводчику необходимо передать определенный социально-политический смысл этих материалов целевой аудитории и транслировать их общественную направленность. Каждый переводчик по-своему справляется с заданными целями в силу своей профессиональной подготовки, опыта, экстралингвистических знаний, а также общественной позиции. Поэтому целесообразно загрузить в параллельный переводной корпус несколько вариантов перевода, в том числе фрагментарных (<https://inosmi.ru/politic/20190206/244524084.html>; <https://share.america.gov/ru/обращение-президентна-дональда-трамп/>; <https://ru.usembassy.gov/ru/president-donald-j-trumps-state-of-the-union-address-ru/>) и устный перевод, представленный на Youtube (<https://www.youtube.com/watch?v=k5LiApFUFx0>). Рабочий корпус на английском языке насчитывает 5611 слов, на русском – 10872.

В работе использована платформа SketchEngine, на которой расположен уже скомпилированный и выровненный параллельный корпус OPUS2 (<https://www.sketchengine.eu/opus-parallel-corpora-2/>). Вместе с тем, данный ресурс предлагает возможность создать свой собственный исследовательский корпус, как одноязычный, так и многоязычный. Основное требование программы заключается в загрузке уже выровненных текстов в формате Excel, когда фрагменты текстов на английском и русском языках совпадают по предложениям или по абзацам. Удобной представляется программа NOVA Text Aligner (<https://nova-text-aligner.soft112.com/>), которая позволяет автоматически выполнить выравнивание текстов по абзацам, с дальнейшей ручной проверкой и разбивкой по предложениям (см. рис. 1).

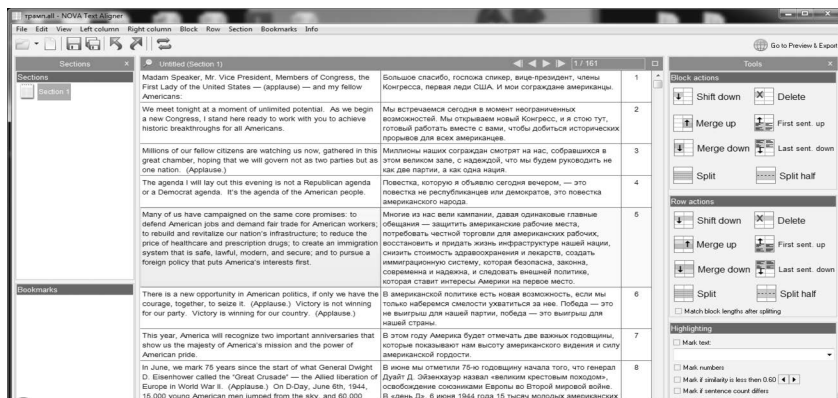

Рис. 1. Фрагмент выровненных текстов в программе NOVA Text Aligner

Однако существуют расхождения в членении текста на абзацы в оригинале и в переводе. Например, ниже представлен фрагмент исходного обращения и его перевод, когда абзацы не выдерживаются:

Wages are rising at the fastest pace in decades and growing for blue-collar workers, who I promised to fight for. They're growing faster than anyone else thought possible. Nearly 5 million Americans have been lifted off food stamps. (Applause.) The U.S. economy is growing almost twice as fast today as when I took office. And we are considered, far and away, the hottest economy anywhere in the world. Not even close. (Applause.)

Unemployment has reached the lowest rate in over half a century. (Applause.) African American, Hispanic American, and Asian American unemployment have all reached their lowest levels ever recorded. (Applause.) Unemployment for Americans with disabilities has also reached an all-time low. (Applause.)

Зарплаты растут быстрее теми темпами за десятилетия, и они растут для «голубых воротничков», для тех, за кого я обещал бороться. Они растут быстрее, чем для кого-либо еще. Почти пять миллионов американцев перестали пользоваться талонами на продукты. Экономика США растет почти в два раза быстрее, чем тогда, когда я вступил в должность, и мы явно считаемся самой горячей экономикой во всем мире.

До нас далеко. (аплодисменты). Безработица сегодня на самом низком уровне за полвека с лишним (аплодисменты). Безработица среди афроамериканцев, испаноязычных американцев и азиатов-американцев достигла исторического минимума.

Американский президент заканчивает абзац выражением «Not even close», что соответствует логической завершенности мысли. Однако в переводе фраза «До нас далеко» вынесена в новый абзац. Поэтому при выравнивании текстов необходимо постредктирование. Как отмечают Д.О. Добровольский, А.А. Кретов и С.А. Шаров, нарушение авторских границ при членении текста является довольно распространенной переводческой трансформацией, обусловленной рядом факторов: от традиционных различий в оформлении диалогов или высказываний в изучаемых языках, ориентации на передачу смысла в ущерб формальной точности, языковых отличий в передаче эмфатических конструкций до необходимости объединения предложений с референтно идентичными подлежащими, выраженными местоимениями [2].

Как показывает практика, переводчики довольно часто не соблюдают оригинальное членение текста. Так, одно предложение оригинала переводится двумя или тремя предложениями и наоборот. Например:

We have created 5.3 million new jobs and, importantly, added 600,000 new manufacturing jobs – something which almost everyone said was impossible to do.	Мы создали 5,3 миллиона новых рабочих мест и – что важно – добавили 600 тысяч новых рабочих мест в производстве. Это то, что почти все считали невозможным.
--	---

Поэтому необходимо перепроверять и вручную исправлять автоматическое выравнивание текстов. Данная процедура занимает довольно много времени, однако она гарантирует наилучшие результаты в процессе работы в самом корпусе. В результате исследователь получает информацию в параллельном конкордансе в следующем виде (рис. 2). Как мы видим, предложения пунктуационно отделены внутри абзаца (<s> или </s>).

Морфологическое аннотирование и лемматизация текстов выполняется на платформе Sketch Engine автоматически, пользователь имеет возможность искать в собственном корпусе по части речи, по слову или словосочетанию, грамматической форме на языке оригинала и на языке перевода, при этом искомое слово и его переводной

эквивалент выделено цветом. Исследователь также может видеть на экране все контексты, получать систематизированную справку в лексико-грамматической таблице (Word Sketch), в таблице соответствий и сочетаемости близких по значению слов из корпуса (Word Sketch Difference).

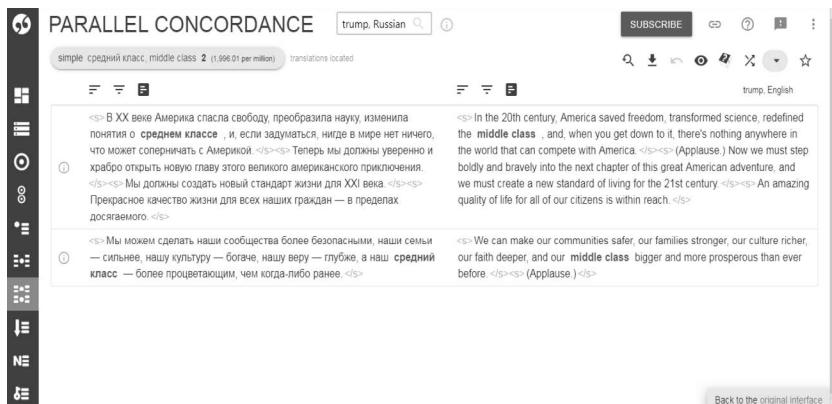

Рис. 2. Фрагмент экрана параллельного конкорданса на Sketch Engine

Отдельно необходимо отметить возможность выведения и работы с частотным списком всех слов из корпусов (Wordlist) и списком ключевых слов и словосочетаний (Keywords). Безусловно, данные возможности являются ценными, поскольку позволяют анализировать перевод с разных позиций.

Результаты и обсуждение

При переводе смысл лексико-синтаксических конструкций исходного текста может быть передан при помощи трансформации семантических и прагматических компонентов оригинального языка в переводимый язык с учетом норм и традиций обеих систем. В отличие от двуязычного словаря, в котором читатель находит только варианты лексических эквивалентов заглавного слова, параллельные корпуса регистрируют контексты, представляющие собой примеры способов перевода, стратегий переводчика. Как отмечают С.В. Евтеев и А.Л. Семенов, «переводом обеспечиваются

соответствия текста перевода по отношению к оригиналу в результате сознательного или подсознательного выравнивания, которое переводчик нашел необходимым, средствами ссылок на внутренние факторы дискурса и внешние объекты/события, а не формальными корреляциями, которые определяют взаимные соответствия двух языковых систем, что возможно с использованием метода экспоненциальной подгонки переводных эквивалентов и метода параллелей и диффузного переноса» [3, с. 129].

Анализ корпусов параллельных текстов позволил выделить некоторые обобщающие параметры при переводе обращения Д. Трампа, передающие различия между исходным и переводными текстами.

1. Для достижения эквивалентности переводчики используют различные лексико-семантические трансформации, которые помогают раскрыть значение английского слова в контексте и подобрать смысловое соответствие на русском языке. При помощи корпуса возможно выделить определенную языковую конструкцию и все зафиксированные в нем контексты с переводами. Например, словосочетание «исторический минимум» в русском тексте встречается в двух следующих друг за другом абзацах, что усиливает эффект уникальности проводимых Д. Трампом мероприятий и достигнутых им результатов. В английском языке, как видно из примеров на рисунке 3, оратор использует различные конструкции с превосходной степенью («have reached their lowest levels ever recorded») и сравнительный оборот («more ... than at any time in the history of our country»).

Вероятно, подобные конструкции на английском языке в данном контексте позволяют достичь некоторого единения говорящего с аудиторией, укрепить идеи национализма, поскольку речь идет об «истории нашей страны», которая составляет культурное наследие, является поводом для гордости и стимулом национального единства, чувства исключительности, т.е. близкой идее предвыборного слогана Д. Трампа «Make America great again!». Переводной эквивалент «исторический минимум» представляется более официальным и скорее научным, однако его повтор сохраняет идею продуктивности проводимых американским президентом мероприятий.

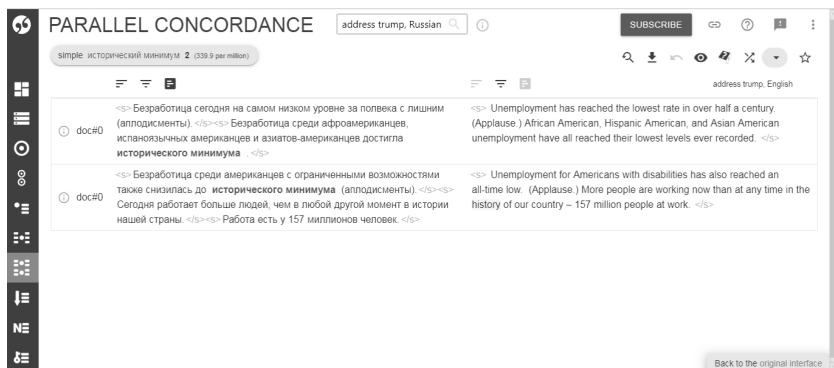

Рис. 3. Результаты поиска словосочетания «исторический минимум»

Для удобства анализа переводов с точки зрения семантической эквивалентности целесообразно использовать опцию выделения ключевых слов (key words) в корпусе по принципу частотности, затем рассматривать наиболее употребимые слова и словосочетания и их переводы в контекстах. Довольно большая часть обращения президента посвящена вопросам и проблемам нелегальной иммиграции. Так, Д. Трамп употребляет словосочетания «illegal immigration», «illegal immigrants», «illegal migration», «illegal alien», «illegal crossing», «illegal border crossing». В переводах зафиксированы следующие варианты: «нелегальная иммиграция», «нелегальные иммигранты», «незаконная иммиграция», «нелегальные иностранцы», «нелегальные иностранные преступники», «нелегальные переходы (границы)», «незаконные переходы (границы)». Интересным представляется чередование в переводах прилагательных «нелегальный – незаконный», которые, на первый взгляд, являются взаимозаменяемыми. С юридической точки зрения существует мнение об очередности появления этих понятий: сначала что-то становится незаконным (незаконная деятельность) после принятия каких-либо законов или нормативных актов, затем нелегальным при проявлении чего-либо, что стало незаконным в силу законодательных новаций, т.е. не оформленным надлежащим образом. Однако важно учитывать степень употребительности и нормативности некоторых

конструкций в рамках системы соответствующих языков. Слово сочетание «нелегальная иммиграция» более широко распространено в сфере общественно-политической жизни на русском языке. В прочих контекстах, вероятно, переводчик использовал слово «незаконный» в качестве синонима для избежания повтора.

В свою очередь, привлекает внимание чередование «immigration – migration» на английском языке, что не находит должного рассмотрения в русском тексте. В английском языке миграционные потоки признаются естественными в современных условиях глобализации и интеграции, люди путешествуют, перемещаются для заработка денег в другой стране, но возвращаются с определенной периодичностью в родные края. Однако в последнее время в англоязычных медиатекстах происходит смещение нейтрального вектора к негативному, когда для читателя или слушателя привычно выражение «illegal (im)migration» как опасного феномена. В речи Д. Трампа звучит антитеза «illegal immigrant – legal immigrant», логично выстроена цепочка от «illegal migration» и опасности данного явления до утверждения «Legal immigrants enrich our nation and strengthen our society in countless ways», что вновь обращает слушателей к идее исключительности Америки – страны эмигрантов, которые нашли и реализовали себя в новой стране, ставшей им домом.

Также удобной представляется возможность работы с общей статистикой по корпусу. Привлекает внимание большое количество прилагательных с положительной оценкой, например, «incredible», «amazing», «extraordinary», «unprecedented», «wonderful», «terrific», «tremendous», и доминирование превосходной степени сравнения «the lowest», «the hottest», «the largest numbers ever», «most powerful on Earth», что свойственно речам Д. Трампа и не вызывает проблем у переводчика. Вместе с тем, данная опция является удобной для описания характерных черт обоих языков.

Важным моментом является погружение в культурный контекст текста оригинала и способы передачи смысла, когда переводчик расшифровывает некоторые реалии американской жизни, добавляя собственный комментарий. Например, предложение «We eliminated the

very unpopular Obamacare individual mandate penalty», в котором речь идет о системе здравоохранения при Б. Обаме, переведено «Мы ликвидировали штраф за просрочку обязательного медицинского страхования в непопулярной реформе здравоохранения Обамы».

Целесообразно отметить сохранение привычных канонов дактоизмерений и написание цифр в обоих текстах. Например, «After 24 months...» переведено как «после двух лет», «we celebrate 50 years» – «мы отмечаем 50-ю годовщину», «another 304,000 jobs» – «еще 304 тысячи рабочих мест». В английском тексте редактор более последователен, чем в русском варианте, сравните: «266,000 arrests of criminal aliens, including those charged or convicted of nearly 100,000 assaults, 30,000 sex crimes, and 4,000 killings or murders» и «арестовали 266 тысяч нелегальных иммигрантов, включая обвиненных или осужденных за 100 тысяч нападений, за 30 тысяч преступлений сексуального характера и за четыре тысячи убийств».

2. Сопоставление параллельных корпусов дает возможность выделить некоторые грамматические и синтаксические особенности в анализируемых текстах и специфику их перевода. Так, оборот «there is/are», как правило, используемый для описания положения дел в США, передается при помощи инверсии, переводчик справедливо уходит от дословного перевода и безличного оборота. Например:

There is a new opportunity in American politics, if only we have the courage, together, to seize it. Victory is not winning for our party. Victory is winning for our country.	В американской политике есть новая возможность, если мы только наберемся смелости ухватиться за нее. Победа – это не выигрыш для нашей партии, победа – это выигрыш для нашей страны.
If there is going to be peace and legislation, there cannot be war and investigation	Если мы хотим мира в законодательной власти, не должно быть войн и расследований
...to bring them up to our country in areas where there is little border protection.	...для их перевозки в нашу страну через те районы, где граница слабо охраняется.

Довольно часто переводчик прибегает к инверсии, используя порядок слов, принятый в русском языке. Например, предложение

«Companies are coming back to our country in large numbers thanks to our historic reductions in taxes and regulations» на русском языке звучит, как «В нашу страну в больших количествах возвращаются компании благодаря историческим сокращениям налогов и регулирующих правил», что более благозвучно и соответствует правилам русского языка.

Пассивные конструкции английского языка часто переводятся глаголами в активном залоге или с возвратным суффиксом –ся. Например: «countless Americans are murdered by criminal illegal aliens» – «нелегальные иностранные преступники убивают бесчисленное множество американцев». В тексте оригинала описывается угроза для американского населения, на них направлено действие со стороны преступных нелегальных чужаков, задача правительства – защитить граждан. В русском контексте подлежащим являются «нелегальные иностранные преступники», акценты смещаются.

Безусловно, при переводе возможна смена пунктуации согласно правилам языка. Однако в некоторых случаях в общественно-политических текстах смена пунктуации при переводе отражает субъективную интерпретацию переводчика исходного текста. Например:

Meanwhile, working-class Americans are left to pay the price for mass illegal migration: reduced jobs, lower wages, overburdened schools, hospitals that are so crowded you can't get in, increased crime, and a depleted social safety net.	Между тем, американский рабочий класс вынужден расплачиваться за массовую незаконную иммиграцию, за сокращение рабочих мест, снижение зарплат, переполненные школы, больницы, в которые невозможно попасть, за рост преступности и оскудение социальной поддержки.
--	--

На английском языке двоеточие после «illegal migration» предполагает расшифровку той цены, которую американцы вынуждены заплатить за нелегальную миграцию. В русском тексте запятые подразумевают перечисление многочисленных проблем американского рабочего класса. Ранее мы рассматривали трудности перевода общественно-политических текстов и роль субъективного фактора при транслировании определенных взглядов, точек зрения [5]. На наш

взгляд, в политическом переводе распространены пропуски, поскольку в данной ситуации важно передать общий смысл и доступным образом интерпретировать его для целевой аудитории. Безусловно, перевод общественно-политических текстов является коммуникативным переводом, поскольку его цель заключается в донесении до адресата оригинального сообщения на исходном языке средствами, которые максимально соответствуют правилам и нормам языка перевода. Например, в предложении «We must choose between greatness or gridlock, results or resistance, vision or vengeance, incredible progress or pointless destruction» переводчик пропустил важную пару «vision or vengeance» (мечта или месть): «Мы должны выбрать между величием и тупиком, результатами или сопротивлением, невероятным прогрессом или бессмысленным уничтожением». Понятие «vision of the Americans» играет важную роль в речи президента как «мечта, ожидание, предвкушение» американцев, в сознании которых «американская мечта» подтверждает равные возможности для каждого гражданина. Оно используется несколько раз в тексте оригинала, однако, к сожалению, теряется или меняет смысл в тексте перевода.

3. Использование параллельного корпуса представляется довольно эффективным при рассмотрении сочетаемости и сочетаемостного поведения некоторых лексических единиц и их переводов. Для этих целей целесообразно использовать опцию лексико-грамматической таблицы «Word Sketch» (рис. 4).

Рис. 4. Фрагмент лексико-грамматической таблицы «Word Sketch»

Интересен образ, выстраиваемый в обращении. Как правило, речь идет о согражданах (fellow Americans), представителях рабочего класса (working-class Americans), невинных людях (innocent Americans). Именно они составляют электорат Д. Трампа. Согласно статистической обработке самыми распространенными лексико-грамматическими конструкциями со словом «Americans» являются пассивные обороты, например: «...Americans are left to pay the price for mass illegal migration», «...Americans are killed by lethal drugs», «...Americans are murdered by criminal illegal aliens». Это отражает сложившуюся картину мира в американском обществе, настроения национализма. Образ жертвенности, идеи насилия над невинными и нависшей угрозы, доминирующие в английском источнике, в некоторой степени сглажены в русском переводе: «американский рабочий класс вынужден расплачиваться за массовую незаконную иммиграцию», «американцы умирают от смертоносных наркотиков», «нелегальные иностранные преступники убивают...американцев». Дословный перевод представляется неуместным в данном случае, переводчик предложил адекватную альтернативу согласно нормам русского языка. Подобные сочетаемостные отличия представляют большой интерес с культурологической точки зрения, они ощутимы только в контексте и, как правило, не зарегистрированы в словарях. Адекватный перевод в данном случае зависит не только от особенностей рассматриваемых лексико-грамматических структур, но и от некоторых узуальных предпочтений. Параллельный корпус представляет собой эмпирический и надежный фундамент при анализе комбинаторных ограничений и предпочтений.

Заключение

В рамках данного исследования невозможно отразить все возможности, которые дает параллельный корпус переводчику, поскольку описываемый рабочий корпус общественно-политических текстов невелик и не позволяет исчерпывающе проиллюстрировать все особенности межязыковой эквивалентности. Вместе с тем, целесообразно подчеркнуть вклад, который вносит работа с неболь-

шими параллельными корпусами, как определение направлений и возможных путей анализа лексических единиц обоих языков. При условии расширения эмпирического материала (несколько обращений) и добавления других вариантов перевода возможно рассматривать иные вопросы, например, трудности перевода клише или образных, метафорических сравнений, степень допустимости авторства и субъективизма у переводчика, ограничения, накладываемые как самим языком перевода, так и определенной политикой в обществе и т.п.

Список литературы

1. Добровольский Д.О. Параллельные корпуса текстов. URL: <https://postnauka.ru/video/54851> (дата обращения 01.08.2019).
2. Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 263–296.
3. Евтеев С.В., Семенов А.Л. Перевод: параллельные тексты и системы «память переводчика» // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2014. №3. С. 128–139. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9338> (дата обращения 01.08.2019).
4. Кружков М.Г. Информационные ресурсы контрастивных лингвистических исследований: электронные корпуса текстов // Системы и средства информатики, 2015. Т. 25. № 2. С. 140–159. URL: <http://www.mathnet.ru/links/94507c63596f809e584aa4e16e2f38db/ssi412.pdf> (дата обращения 01.08.2019).
5. Маник С.А. Интерпретация и ее роль при переводе политических речей переводов выступления В.В. Путина на 70-ой юбилейной сессии ООН // Перевод в меняющемся мире: Материалы II международной научной конференции, Иваново, 4–5 февраля 2016. Москва: изд. центр «Азбуковник», 2016. С. 341–345.
6. Corpus-Based Translation Studies: Research and Applications / Eds. A. Kruger, K. Wallmach, J. Munday. Bloomsbury Academic, 2011. 320 p.
7. Delpech E., Daille B. Dealing with Lexicon Acquired from Comparable Corpora: Validation and Ex-change // Proceedings of 9th Conference on

- Terminology and Knowledge Engineering (TKE). Fiontar: Dublin City University, 2010, pp. 229–223.
8. Fantinuoli C., Zanettin F. Creating and using multilingual corpora in translation studies // *New directions in corpus-based translation studies*. Berlin: Language Science Press, 2015, pp. 1–11.
 9. Granger S. The Corpus Approach: A Common Way Forward for Contrastive Studies // *Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies*. Amsterdam: Rodopi, 2003, pp. 17–29.
 10. Kuebler S., Zinsmeister H. *Corpus Linguistics and Linguistically Annotated Corpora*. Bloomsbury Academic, 2015. 320 p.
 11. McEnery A., Xiao Z. Parallel and Comparable Corpora: What Are They up to? URL: http://someya-net.com/104-IT_Kansai_Initiative/corpora_and_translation.pdf (дата обращения 01.08.2019).
 12. Olohan M. *Introducing Corpora in Translation Studies*. Routledge Publishing, 2004: 232 p.
 13. *Parallel Corpora for Contrastive and Translation Studies: New resources and applications* / Eds. I. Doval, M.T. Sánchez Nieto. *Studies in Corpus Linguistics*. John Benjamins Publishing, 2019. 301 p.
 14. *Quantitative Methods in Corpus-Based Translation Studies: A Practical Guide to Descriptive Translation Research* / Ed. M.P. Oakes, J. Meng. John Benjamins Publishing Company, 2012. 371 p.
 15. Weisser M. *Practical Corpus Linguistics: An Introduction to Corpus-Based Language Analysis*. Wiley-Blackwell, 2016. 312 p.

References

1. Dobrovolskiy D.O. *Parallelnyye korpusy tekstov* [Parallel Corpora of Texts]. URL: <https://postnauka.ru/video/54851>.
2. Dobrovolskiy D.O., Kretov A.A. Sharov S.A. Korpus parallel'nyh tekstov: arhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya [Parallel text corpus: architecture and usability.] *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezultaty i perspektivy* [National Corpus of the Russian Language: 2003–2005. Results and prospects]. Moscow: Indrik, 2005, pp. 263–296.
3. Evtseyev S.V., Semenov A.L. *Perevod: parallel'nye teksty i sistemy «pamjat' perevodchika»* [Translation: parallel texts and “translator’s

- memory” systems]. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*, no. 3, 2014, pp. 128–139. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9338>.
4. Kruzhkov M.G. Informacionnye resursy kontrastivnyh lingvisticheskikh issledovaniy: jelektronnye korpusa tekstov [Contrasting linguistic research information resources: electronic text corpora]. *Sistemy i sredstva informatiki*, Vol. 25, no. 26 2015, pp. 140–159. URL: <http://www.mathnet.ru/links/94507c63596f809e584aa4e16e2f38db/ssi412.pdf>.
 5. Manik S.A. Interpretacija i ee rol’ pri perevode politicheskikh rechej perevodov vystuplenija V.V. Putina na 70-uj jubilejnoj sessii OON [Interpretation and its role in translating political speeches by V.V. Putin at the UN 70th anniversary session]. *Perevod v menyayushchemsya mire: Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ivanovo. 4–5 fevralya*. [Translation in a changing world: Materials of the II international scientific conference, Ivanovo, February 4–5, 2016]. Moscow, 2016, pp. 341–345.
 6. *Corpus-Based Translation Studies: Research and Applications* / Eds. A. Kruger, K. Wallmach, J. Munday. Bloomsbury Academic, 2011. 320 p.
 7. Delpech E., Daille B. Dealing with Lexicon Acquired from Comparable Corpora: Validation and Exchange. Proceedings of 9th Conference on Terminology and Knowledge Engineering (TKE). Fiontar: Dublin City University, 2010, pp. 229–223.
 8. Fantinuoli C., Zanettin F. Creating and using multilingual corpora in translation studies. *New directions in corpus-based translation studies*. Berlin: Language Science Press, 2015, pp. 1–11.
 9. Granger S. The Corpus Approach: A Common Way Forward for Contrastive Studies. *Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies*. Amsterdam: Rodopi, 2003, pp. 17–29.
 10. Kuebler S., Zinsmeister H. *Corpus Linguistics and Linguistically Annotated Corpora*. Bloomsbury Academic, 2015. 320 p.
 11. McEnery A., Xiao Z. Parallel and Comparable Corpora: What Are They up to? URL: http://someya-net.com/104-IT_Kansai_Initiative/corpora_and_translation.pdf.
 12. Olohan M. *Introducing Corpora in Translation Studies*. Routledge Publishing, 2004. 232 p.

13. Parallel Corpora for Contrastive and Translation Studies: New resources and applications / Eds. I. Doval, M.T. Sánchez Nieto. Studies in Corpus Linguistics. John Benjamins Publishing, 2019. 301 p.
14. Quantitative Methods in Corpus-Based Translation Studies: A Practical Guide to Descriptive Translation Research / Ed. M.P. Oakes, J. Meng. John Benjamins Publishing Company, 2012. 371 p.
15. Weisser M. Practical Corpus Linguistics: An Introduction to Corpus-Based Language Analysis. Wiley-Blackwell, 2016. 312 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Маник Светлана Андреевна, декан факультета РГФ, кандидат филологических наук, доцент
Ивановский государственный университет
ул. Ермака, 39, г. Иваново, 153025, Российская Федерация
samanik76@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Manik Svetlana Andreevna, Dean of the Faculty of Romance and Germanic Philology, PhD in Philology, Associate Professor
Ivanovo State University
39, Ermak Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation
samanik76@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-246-261

УДК 811.111

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ БРИТАНСКОГО КРИЗИСНОГО ДИСКУРСА

Кауфова И.Б., Кауфова Л.А.

Цель. Авторы ставят целью выделить и проанализировать собственные британскому политическому лидеру Терезе Мэй лексические средства реализации аргументативных стратегий кризисного дискурса.

Метод и методология исследования. Основными методами исследования данной работы являются лингвистический, описательный и логико-семантический анализ.

Результаты. Кризисный дискурс отмечен употреблением определенных стратегий, языковых средств и приемов, оказывающих более сильное воздействие на аудиторию в условиях кризисной ситуации, чем в более благополучный период. В речи британского политика Т. Мэй присутствуют все главные стратегии кризисного дискурса: стратегия легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в области политической лингвистики, культурологии и риторики.

Ключевые слова: кризисный дискурс; политический дискурс; кризисная ситуация; языковые средства; аргументативные стратегии; Великобритания; премьер-министр.

ARGUMENTATIVE STRATEGIES OF THE BRITISH CRISIS DISCOURSE

Kaufova I.B., Kaufova L.A.

Purpose. The article deals with analyzing the linguistic ways of the implementation of argumentative strategies in the British crisis discourse used by the British politician T. May.

Methodology. *The linguistic, descriptive methods and the method of logic and semantic analysis are used as basic methods of the survey.*

Results. *The crisis discourse is marked by the use of certain strategies, language tools and techniques that have a stronger impact on the audience in a crisis situation than in a more peaceful period. The speech of the British politician T. May includes all the main strategies of crisis discourse: the strategy of legitimization, interpretation, orientation, motivation, demonstration of control, integration and agonality.*

Practical implications. *Research results can be applied in political linguistics, cultural science and rhetoric.*

Keywords: *crisis discourse; political discourse; crisis situation; language tools; argumentative strategies; Great Britain; Prime Minister.*

Каждая страна мира переживает периоды подъема, спада и возрождения. Любой переход в новую фазу развития государства отмечен кризисными ситуациями. Связь языка и текущей социальной ситуации позволяет изучать окружающий мир посредством анализа различного рода дискурсов, среди которых можно отметить оппозиционный, кризисный, парламентский, президентский и другие. Кризисные моменты в политической и общественной жизни государства представляют несомненный интерес для исследователей политического дискурса, давая им возможность оценить действенность тактик и стратегий, направленных на преодоление периода кризиса, установить тайные мотивы и установки участников кризисной ситуации, а также разработать ряд мер на преодоление подобных ситуаций в настоящем и будущем. Данной проблемой занимались А.Н. Баранов, Ф.А. Ветров, П.В. Кропотухина, Т.Н. Митрохина и другие [1; 2; 13; 14]. Актуальность статьи обусловлена необходимостью проведения анализа причин кризисных ситуаций, правильной направленности и действенности антикризисных мер, определения виновников неэффективных реформ и кризисных явлений в государстве, объективной оценки функционирования правительства, а также прогнозирования последствий кризиса.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые уточняется набор лингвистических средств, стратегий и тактик, которые использует в своих выступлениях британский политик Тереза Мэй, чье пребывание у власти в качестве премьер-министра с первого и до последнего дня связано с постоянной кризисной ситуацией, в которой оказалась Великобритания после решения выйти из состава Евросоюза.

Целью статьи является анализ речи премьер-министра Великобритании с лингвистической точки зрения на предмет выявления способов признания кризисной ситуации в британском политическом дискурсе. Материалом исследования послужили публичные выступления премьер-министра Великобритании Т. Мэй 2 и 21 мая 2019 г., в которых политик объявила о своей отставке и сделала заявление об уступках в соглашении о выходе страны из Евросоюза. Т. Мэй сказала, что складывает с себя полномочия главы Консервативной партии и, соответственно, уходит из правительства страны. Известно, что Великобритания должна была покинуть Евросоюз 29 марта 2019 г. От первоначального плана властям пришлось отказаться, поскольку политики не смогли прийти к компромиссу в главном вопросе: когда, как и должна ли вообще Великобритания отделяться от Евросоюза. В результате парламент несколько раз отклонял предложение Мэй по сделке, что привело к правительственному кризису.

При анализе политического дискурса в ситуации кризиса были выделены и описаны следующие стратегии, используемые лидерами политической элиты в процессе своей аргументации: стратегии легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности. Каждая из указанных стратегий отмечена индивидуальным пропозициональным содержанием, а также специфическими языковыми лексико-синтаксическими и прагматическими средствами реализации [15, с. 13]. Одной из основных категорий кризисного дискурса является легитимизация, которая оправдывает в глазах всего сообщества правильность действий, предпринятых выступающим. Известно, что

легитимизация в политическом кризисном дискурсе проявляется в результате использования: 1) ссылки на авторитет через обращение к традициям, обычаям, законам и лицам, представляющим власть. Принято считать, что эта стратегия реализуется при использовании вводных конструкций и придаточных предложений с фактивным и эпистемическим глаголом; 2) этической оценки, проявляющейся через обращение к моральным ценностям с помощью оценочной лексики и оценочной интерпретации; 3) рационализации или логического обоснования, базирующихся на призыве к различным целям; 4) мифопоэтике, основывающейся на повествовании с моральным подтекстом [15, с. 15; 16]. Преобладающими языковыми структурами, отличающими данную стратегию, можно назвать модальность долженствования, придаточное предложение причины, а также положительную оценку своих действий. В следующем фрагменте выступления премьер-министр Великобритании Т. Мэй называет причину ухода с поста главы Консервативной партии – неразрешимые противоречия по планам выхода королевства из состава Евросоюза между главой кабинета министров и парламентом:

Back in 2016, we gave ... the British people a choice. Against all predictions, the British people voted to leave the European Union. I feel as certain today as I did three years ago that in a democracy, if you give people a choice you have a duty to implement what they decide. I have done my best to do that. ... I have not been able to do so. I tried three times... But it is now clear to me that it is for a new prime minister to lead that effort. So I am today announcing that I will resign as the leader of the Conservative and Unionist Party ... so that a successor can be chosen. It will be for my successor to seek a way forward that honours the result of the referendum. / В 2016 году мы дали народу Великобритании возможность выбора. Вопреки всем прогнозам, люди проголосовали за выход из состава ЕС. Как тогда, так и сегодня я считаю, что в демократической стране исполнение выбора народа является обязанностью. Я приложила все усилия для этого... Мне это не удалось. Я совершила три попытки... Но теперь мне ясно, что в лучших интересах страны нужен новый премьер-министр. Поэтому я сегодня

ня делаю заявление, что складываю с себя полномочия руководителя Консервативной партии в пользу нового преемника. Именно ему предстоит найти пути соблюдения условий референдума [1]. (здесь и далее перевод выполнен И.Б. Кауфовой и Л.А. Кауфовой)

Кризисный дискурс обязательно содержит признание факта существующего кризиса и анализ его причин. В данном случае Т. Мэй, несмотря на позитивную оценку своей деятельности, признает провал своего собственного управления страной, в результате которого, несмотря на все приложенные ею усилия, ей не удалось осуществить план выхода страны из Евросоюза. В выступлении присутствуют развернутые аргументативные комплексы интерпретативного характера с использованием имплицитных оценочных схем убеждения: отрицательно окрашенные лексические конструкции, включая вводные (*Against all predictions; I have not been able to do so*). Однако она не подвергает сомнению правильную политику правительства в целом и свой собственный вклад (*I have done my best*). При этом политик высказывает уважение к решению народа на референдуме и свою обязанность выполнить долг перед гражданами страны (*if you give people a choice you have a duty to implement what they decide; honours the result of the referendum*), а также заботу о его будущем (*in the best interests of the country*).

Накануне своего выступления Т. Мэй представила в Палате общин новый вариант законопроекта о Брекзите. Глава кабинета министров предложила депутатам, в случае одобрения ими договоренностей с Брюсселем о выходе Великобритании из ЕС, провести голосование о повторном референдуме по Брекзиту. В то же время премьер-министр пообещала ряд компромиссов, которые могли бы устроить и оппозицию, и ее противников в рядах консерваторов. Но это предложение вызвало негативную реакцию со стороны лейбористов и тех членов партии Мэй, которые поддерживают жесткий Брекзит, то есть выход из Евросоюза без договора с Брюсселем о порядке и условиях этого выхода:

To succeed, he or she will have to find consensus in Parliament where I have not. Such a consensus can only be reached if those on all sides of

the debate are willing to compromise. / Чтобы преуспеть, ему или ей придется найти консенсус в Парламенте, что мне не удалось. Такой консенсус может быть достигнут, только если обе стороны захотят пойти на компромисс [1].

Как видно из примера, модальность долженствования в данном кризисном дискурсе представлена глаголами с модальным значением, модальными глаголами и их эквивалентами (*will have to find consensus; can only be reached; are willing to compromise*).

Говоря о компромиссе, Т. Мэй использовала прием ссылки на авторитет и процитировала известного британского филантропа сэра Н. Уинтона, давшего ей мудрый совет, подчеркнув при этом правдивость его слов и вместе с тем оправдывая правильность своих действий: *“Never forget that compromise is not a dirty word. Life depends on compromise.” / «Никогда не забывайте, что компромисс не бранное слово. Жизнь зависит от компромиссов» [1].*

Стратегия интерпретации также является важной для реализации кризисного дискурса. Реакция конкретного лидера и его личная интерпретация возникшей кризисной ситуации задает нужное и правильное, по мнению говорящего, направление для ее разрешения. Она помогает оратору разделить со слушателями свое видение кризисной ситуации, ее причин, возможных последствий и путей разрешения. Характерные языковые средства, отличающие данную стратегию, включают придаточные предложения причины, следствия и уступки, оценочную лексику, введение ценностных ориентиров, лексемы со значением процесса интерпретации информации, переход от частного к общему, инверсию, риторические вопросы. Перечислив в своем выступлении то, что она считает своими достижениями, а именно, борьбу с бюджетным дефицитом, снижение безработицы, а также повышение пособий для людей с ментальной инвалидностью, Т. Мэй не смогла сдержать эмоций, когда речь зашла о Брексите:

And while the talks with the opposition did not reach a comprehensive agreement, we did make significant progress in a number of areas. Like on workers' rights. / И хотя переговоры с оппозицией не достигли

всеобщего соглашения, мы добились значительного прогресса в ряде областей. Как, например, о правах рабочих [2].

Она заявила, что сожалеет и всегда будет сожалеть о том, что так и не смогла завершить выход Великобритании из Евросоюза. Как известно, Т. Мэй объявила о предстоящей отставке на следующий день после того, как в Великобритании состоялись выборы в Европарламент. Голосование прошло, поскольку она не смогла убедить британский парламент принять условия выхода из Евросоюза, согласованные ею с главами европейских государств и правительств. Изначально Т. Мэй была противницей выхода Великобритании из Евросоюза. Когда на референдуме большинство граждан страны все же проголосовало за него, она выбрала «мягкий Брекзит». Сторонники «жесткого Брекзита» посчитали такую сделку крайне невыгодной для Великобритании. Когда Мэй опубликовала свой вариант соглашения с ЕС, сразу несколько членов ее кабинета ушли в отставку. В последний раз Мэй представила свой план выхода Великобритании из ЕС 21 мая 2019 г. Среди прочего, он предусматривал возможность проведения повторного референдума, идею, которую Мэй долгое время отвергала. Это возмутило многих членов парламента и министров ее правительства. Они полагают, что повторный референдум подорвет уважение к демократическим процедурам как таковым. Следующий фрагмент выступлений также является манифестацией стратегии интерпретации, проясняющей видение политикой причин провала ввода Брекзита:

Who believes that a General Election at this moment – when we have still not yet delivered on what people instructed us to do – is in the national interest? I do not. / Кто считает, что всеобщие выборы в этот момент, когда мы еще не завершили то, что нам велел сделать народ, отвечают национальным интересам? Я так не считаю [2].

Стратегия ориентации дает возможность политику представить аудитории свое видение будущего развития событий, которые будут взяты под контроль. В лингвистическом отношении для данной категории характерно использование прямого обращения к аудитории, сочетание позитивно (*we can fix; we can end*) и негативно заря-

женной лексики (*a nightmare future; this corrosive debate*), лексические единицы со значением возобновления и продолжительности (*extending; indefinitely; permanently*) модальные глаголы, использование инклюзивного «мы» и «наш»:

Look at what this debate is doing to our politics. Extending it for months more – perhaps indefinitely – risks opening the door to a nightmare future of permanently polarised politics. The biggest problem with Britain today is its politics. And we can fix that. With the right Brexit deal, we can end this corrosive debate. / Посмотрите, что эти дебаты делают с нашей политикой. Продление на несколько месяцев – возможно, на неопределенный срок – рискует открыть дверь в кошмарное будущее вечно поляризованной политики. Самая большая проблема в Британии сегодня – это ее политика. И мы можем это исправить. С помощью правильной сделки по Брекситу мы можем положить конец этой разлагающей дискуссии [2].

Стратегия мотивации требуется оратору в целях убеждения аудитории совершить определенное действие для преодоления кризисной ситуации. В данном случае речь идет об объединении страны для достижения светлого будущего. Средства языкового выражения включают глаголы долженствования, сложноподчиненные предложения с союзами причины, модальные глаголы и позитивно заряженная лексика:

Because this country is a union. Not just a family of four nations, but a union of people, all of us. / Потому что эта страна – это союз. Не просто семья, состоящая из четырех наций, но союз людей, всех нас [1].

Стратегия демонстрации контроля необходима ораторам для повышения степени доверия к себе как руководителю, способному справиться с кризисом. Но в нашем случае, в выступлении Т. Мэй, речь идет о ее предполагаемом преемнике. Однако Т. Мэй не сомневается, что ее работа в политике на благо народа не закончится с ее отставкой в качестве главы партии и правительства. Она олицетворяет себя с правящей партией. В языковом плане эта стратегия проявляется с помощью лексического повтора и использовании местоимений «я» и «мы»:

But I understand people want guarantees. And I am happy to give them. So the new Brexit deal will offer new safeguards to ensure these standards are always met. We will introduce a new Workers' Rights Bill to ensure UK workers enjoy rights that are every bit as good as, or better than, those provided for by EU rules. And we will discuss further amendments with trade unions and business. The new Brexit deal will also guarantee there will be no change in the level of environmental protection when we leave the EU. / Но я понимаю, что людям нужны гарантии. И я счастлива, что могу предоставить им их. Таким образом, новая сделка по Брекзиту предложит новые гарантии, чтобы убедиться, что эти стандарты всегда соблюдаются. Мы представим новый законопроект о правах трудящихся, чтобы гарантировать, что работники в Великобритании пользуются правами, которые ничуть не хуже, чем права, предусмотренные правилами ЕС. И мы будем обсуждать дальнейшие поправки с профсоюзами и бизнесом. Новая сделка по Брекзиту также гарантирует, что уровень защиты окружающей среды не изменится, когда мы покинем ЕС [2].

Стратегия интеграции выполняет желание оратора воспользоваться кризисной ситуацией для сплочения населения, особенно в спорном вопросе с Северной Ирландией. Этому способствует положительно заряженная лексика (*will stay aligned with; will deliver on our commitments*):

...the Government will ensure that Great Britain will stay aligned with Northern Ireland. And we will deliver on our commitments to Northern Ireland in the December 2017 Joint Report in full. /... правительство обеспечит, чтобы Великобритания оставалась вместе с Северной Ирландией... И мы полностью выполним наши обязательства перед Северной Ирландией, отраженные в Совместном отчете за декабрь 2017 года [2].

Стратегия интеграции проявляется также в попытке напомнить, что политик разделяет их проблемы интересы народа, но в то же время, выполняет особую миссию служения людям. Аргументативный потенциал данной стратегии для кризисных ситуаций выража-

ется, таким образом, в возможности для оратора подчеркнуть свой альтруизм и заинтересованность только в интересах своего народа. В лексическом плане данная стратегия выражается в употреблении следующих лексических конструкций и ярких эпитетов, заряженных как положительно, так и отрицательно (*with no ill will; with enormous and enduring gratitude; values have guided me; the unique privilege; to give a voice to the voiceless; to fight the burning injustices; scar our society*):

The second female prime minister, but certainly not the last. I do so with no ill will, but with enormous and enduring gratitude to have had the opportunity to serve the country I love. Security, freedom and opportunity. Those values have guided me throughout my career. But the unique privilege of this office is to use this platform to give a voice to the voiceless. To fight the burning injustices that still scar our society.
/ Вторая женщина премьер-министр, но, конечно, не последняя. Я делаю это без злой воли, но с огромной и постоянной благодарностью за возможность служить стране, которую я люблю. Безопасность, свобода и возможности. Эти ценности руководили мной на протяжении всей моей карьеры. Но уникальная привилегия этого офиса состоит в том, чтобы использовать эту платформу, чтобы дать голос тем, кто не имеет права голоса. Чтобы бороться с горящими несправедливостями, которые до сих пор уродуют наше общество [1].

Стратегия агональности применяется политиками для разделения картины мира на черное и белое. Найти виновного в кризисной ситуации означает предотвращение повторения случившегося. Лексика с контрастной оценочностью, в которой присутствуют положительно заряженные лексические единицы для описания «мы-группы» и лексика с отрицательной оценкой для характеристики «они-группы», а также аксиологический диссонанс маркируют данную стратегию в кризисном дискурсе. В случае выступления Т. Мэй виновником кризиса называются амбиции политиков, а также отказ оппозиции выполнить условия Референдума, что может привести к нежелательному сценарию развития:

At the heart of delivering Brexit lies a tension between the strength of our ambition to seize the new opportunities that Brexit presents – and the need to protect the jobs and prosperity that are built on an interconnected relationship with other European economies. / В основе введения Брекзита лежит напряженность между силой наших амбиций по использованию новых возможностей, которые предоставляет Брекзит, и необходимостью защищать рабочие места и процветание, которые строятся на взаимосвязанных отношениях с другими европейскими экономиками [2].

Итак, проведенный анализ позволят сделать вывод, что, несмотря на то, что в кризисном дискурсе присутствуют все черты современного политического дискурса, он отмечен употреблением определенных стратегий, а также языковых средств и приемов, оказывающих более сильное воздействие на аудиторию в условиях кризисной ситуации, чем в более благополучный период. В своих исторических выступлениях британский политик Тереза Мэй успешно продемонстрировала все главные стратегии кризисного дискурса: стратегию легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности, предложив свои пути выхода Великобритании из кризисной ситуации.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., Ин-т русск. яз. АН СССР, 1990. 48 с.
2. Ветров Ф.А. Моногород VS инноград: полюса кризисного дискурса (по материалам журнала «Эксперт») // Вестник ЧГУ. Череповец, 2012. № 3 Т. 1. С. 47–51.
3. Кауфова И.Б. Анализ просодических характеристик синтагм с незавершенностью в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2-2 (44). С. 96–100.
4. Кауфова И.Б. Просодические характеристики синтагм с незавершенностью в политическом дискурсе (в речах и интервью поли-

- тиков второго эшелона власти) // Университетские чтения – 2015 Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 99–105.
5. Кауфова И.Б. Сопоставительные характеристики просодической реализации незавершенности в политическом дискурсе (на примере русского языка) // Новые идеи в лингвистике XXI века: Актуальные проблемы и тенденции в рамках современных направлений лингвистической мысли Межвузовский сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Л.П. Бердниковой. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 117–124.
 6. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Коммуникативные тактики самопрезентации политического деятеля (на примере публичного выступления Терезы Мэй) // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 41–48.
 7. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Образ будущего в политическом дискурсе Терезы Мэй // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования Материалы III международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 150–157.
 8. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Образ врага в британском политическом дискурсе // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: Материалы II международной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 54–61.
 9. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Характерные особенности политического дискурса Терезы Мэй // Университетские чтения-2018. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 87–91.
 10. Кауфова Л.А. Лингвистические особенности британского политического дискурса // Университетские чтения – 2015: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть II. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 106–110.
 11. Кауфова Л.А. Речевая агрессия в британском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10-1 (52). С. 83–86.

12. Кауфова Л.А. Языковая личность политического лидера на примере дискурса Терезы Мэй // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 65–71.
13. Кропотухина П.В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании // Политическая лингвистика. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-metafory-krizisnogo-diskursa-velikobritanii> (дата обращения: 26.06.2019).
14. Митрохина Т.Н. Кризисный дискурс // Дискурс-Пи. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnyy-diskurs> (дата обращения: 26.06.2019).
15. Рядовая Н.С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации: на материале речей президентов США и России: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. М., 2013. 27 с.
16. Leeuwen, van T. Legitimation in Discourse and Communication // Discourse and Communication. 2007. No. 1, pp. 91–112.

Источник фактического материала

1. Theresa May speech IN FULL: Read Theresa May’s speech transcript as PM RESIGNS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/1131497/Theresa-May-speech-transcript-theresa-may-resigns-steps-down-cry-prime-minister> (дата обращения 25.07.19).
2. PM’s speech on new Brexit deal: 21 May 2019 Prime Minister Theresa May delivered a speech on the new Brexit deal. Published 21 May 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-on-new-brexit-deal-21-may-2019> (дата обращения 25.07.19).

References

1. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyiy podhod)* [Linguistic theory of argumentation (cognitive approach)]. М., In-t russk. yaz. AN SSSR, 1990. 48 p.
2. Vetrov F.A. *Vestn. Cherepov.gos. un-ta*. Cherepovets, 2012. Vol. 1. No. 40-3, pp. 47–51.

3. Kaufova I.B. *Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. No. 2-2 (44), pp. 96–100.
4. Kaufova I.B. *Universitetskie chteniya – 2015. Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU* [University Readings – 2015 Materials of scientific and methodical readings of PSLU]. Pyatigorsk: PGLU, 2015, pp. 99–105.
5. Kaufova I.B. *Novyye idei v lingvistike XXI veka: Aktualnyie problemy i tendentsii v ramkah sovremennyih napravleniy lingvisticheskoy mysli Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyih trudov, posvyaschennyiy pamyati professora L.P. Berdnikovoy* [New ideas in linguistics of the XXI century: Actual problems and trends in the framework of modern directions of linguistic thought Interuniversity collection of scientific papers dedicated to the memory of Professor L.P. Berdnikova]. Pyatigorsk: PGLU, 2016, pp. 117–124.
6. Kaufova I.B., Kaufova L.A. *Raznourovnevyie chertyi yazykovyih i rechevyih yavleniy. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnyih trudov* [Multilevel features of linguistic and speech phenomena. Interuniversity collection of scientific papers]. Pyatigorsk: PGU, 2018, pp. 41–48.
7. Kaufova I.B., Kaufova L.A. *Yazyk i kultura v epohu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya Materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Language and culture in the era of the integration of scientific knowledge and the professionalization of education Materials of the III international scientific and practical conference]. In 2 parts. Pyatigorsk: PGU, 2019, pp. 150–157.
8. Kaufova I.B., Kaufova L.A. *Yazyk i kultura v epohu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya: Materialy II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Language and culture in the era of the integration of scientific knowledge and the professionalization of education: Materials of the II international scientific and practical conference]. Pyatigorsk: PGU, 2018, pp. 54–61.
9. Kaufova I.B., Kaufova L.A.. *Universitetskie chteniya-2018. Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGU* [University Readings-2018. Ma-

- materials of scientific and methodical readings of PSU]. Pyatigorsk: PGU, 2018, pp. 87–91.
10. Kaufova L.A. *Universitetskie chteniya – 2015: Materialyi nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU* [University readings – 2015: Materials of scientific and methodical readings of PSLU]. Part II. Pyatigorsk: PGLU, 2015, pp. 106–110.
 11. Kaufova L.A. *Filologicheskie nauki. Voprosyi teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2015. No. 10-1 (52), pp. 83–86.
 12. Kaufova L.A. *Universitetskie chteniya – 2017. Materialyi nauchno-metodicheskikh chteniy PGU* [University readings – 2017. Materials of scientific and methodical readings of PSU]. Pyatigorsk: PGU, 2017, pp. 65–71.
 13. Kropotukhina P.V. Conceptual metaphors of the crisis discourse of Great Britain. *Political linguistics*. 2017. No. 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-metafory-krizisnogo-diskursa-velikobritanii>.
 14. Mitrokhina T.N. Crisis discourse. *Discourse-Pi*. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnyy-diskurs>.
 15. Ryadovaya N.S. *Sopostavitelnyiy analiz argumentativnykh strategiy politicheskogo diskursa v krizisnoy situatsii: na materiale rechey prezidentov USA i Russia* [A comparative analysis of the argumentative strategies of political discourse in a crisis situation: based on the speeches of the presidents of the United States and Russia]. M., 2013. 27 p.
 16. Leeuwen van T. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse and Communication*. 2007. No. 1, pp. 91–112.

The content sources

1. Theresa May speech IN FULL: Read Theresa May’s speech transcript as PM RESIGNS URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/1131497/Theresa-May-speech-transcript-theresa-may-resigns-steps-down-cry-prime-minister>.
2. PM’s speech on new Brexit deal: 21 May 2019 Prime Minister Theresa May delivered a speech on the new Brexit deal. Published 21 May 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-on-new-brexite-deal-21-may-2019>.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Кауфова Инесса Беталовна, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, кандидат филологических наук
Пятигорский государственный университет
Проспект Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация
ikaufova@yandex.ru

Кауфова Лола Аслановна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук
Пятигорский государственный университет
Проспект Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация
lkaufova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kaufova Inessa Betalovna, Associate Professor, Chair of Theoretic Linguistics and Intercultural Communication Practice, Ph.D. in Philology
Pyatigorsk State University
9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
ikaufova@yandex.ru
SPIN-code: 4124-4408
ORCID: 0000-0001-7079-5185

Kaufova Lola Aslanovna, Associate Professor, Chair of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph.D. in Philology
Pyatigorsk State University
9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
lkaufova@yandex.ru
SPIN-code: 9901-7238
ORCID: 0000-0002-0967-6408
ResearcherID: N-6914-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-262-276

УДК 82/ 821.221.18

**СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
ПОДЛИННИКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ Л. ОЗЕРОВА (НА ПРИМЕРЕ
ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. ХЕТАГУРОВА)**

Дзапарова Е.Б.

Статья посвящена перспективному в современной филологической науке направлению – художественному переводу. Как активнейшая из форм межкультурного диалога перевод способствует взаимодействию языков, культур, вовлеченных в переводческий процесс. Через перевод читатель познает национальную картину мира, запечатленную писателем в художественном произведении.

Целью исследования является анализ русскоязычных произведений классика осетинской литературы Коста Левановича Хетагурова сквозь призму переводческого опыта известного переводчика и поэта Льва Озерова.

Основным методом исследования является сравнительно-сопоставительный анализ, предполагающий сличение текстов на формальном и содержательном уровнях. В ходе сопоставления разноязычных текстов (оригинала, перевода) выявляются основные переводческие решения в преодолении Озеровым трудностей, связанных со спецификой осетинского языка. На примере художественных переводов стихотворений Хетагурова «Песня бедняка», «Прощай!..», «В новогоднюю ночь», «Дума жениха» исследователем устанавливаются сходства и расхождения в подаче переводчиком лексического состава языка оригинала. В поле зрения автора статьи – проблема воспроизведения оценочной лексики, формальной организации, национальной специфики исходного текста.

Результаты. На основе проведенного анализа установлено, что переводчик местами адаптирует подлинник под вкусы своего читателя. Для этого в переводной текст вводятся лексические единицы, более характерные для русской действительности, а в подаче образа героя больше узнаваем, как кажется, психологический портрет лирического героя русской литературы. Отрадное впечатление оставляет передача образных средств, язык переводного текста местами более метафоричен. Озеровым сохранены грамматические признаки слов оригинала. При передаче формальной организации стиха в переводе наблюдается частичное обеднение концовок строк.

Область применения результатов. Результаты могут быть применены преподавателями и студентами на занятиях по теории и практике художественного перевода, а выводы использованы в разработке спецкурсов и спецсеминаров по основам переводоведения.

Ключевые слова: осетинская литература; Коста Хетагуров; Лев Озеров; художественный перевод; оригинал; лексема; единица перевода; процесс перевода.

METHODS OF REFLECTING THE ARTISTIC REALITY OF THE ORIGINAL IN RUSSIAN-LANGUAGE INTERPRETATIONS BY L. OZEROV (AS BASED ON THE WORKS BY K. KHETAGUROV)

Dzaparova E.B.

The article is devoted to a promising direction in modern philological science, i.e. literary translation. As the most active of the forms of intercultural dialogue, translation facilitates the interaction of languages and cultures involved in the translation process. Translation enables the reader to understand the national picture of the world, captured by the writer in their work.

Purpose. The aim of the study is to analyze the Russian-language works of the classic Ossetian literature Kosta Levanovich Khetagurov

through the prism of the translation experience of the famous translator and poet Lev Ozerov.

Method. *The main research method is the comparative analysis, involving the comparison of texts at the formal and meaning levels. In the course of comparing multilingual texts (original, translation), the main translation solutions in overcoming the difficulties associated with the specifics of the Ossetian language are identified by Ozerov. On the example of literary translations of Khetagurov's poems "Song of the Poor", "Farewell!..", "New Year's Eve", "The Groom's Thoughts", the researcher establishes similarities and discrepancies in the presentation by the translator of the lexical composition of the original language. The author of the article focuses on the problem of reproducing evaluative vocabulary, formal organization, national specifics of the source text.*

Results. *On the basis of the analysis performed, it was established that in some places, the translator adapts the original to the reader's tastes. To do this, the translation text introduces lexical units that are more characteristic of the Russian reality, and, as it seems, it is a psychological portrait of the lyric hero of Russian literature that is more recognizable in the presentation of the image of the hero. The transfer of imaginative means leaves a pleasant impression; the language of the translated text is more metaphorical in certain parts of the text. Ozerov preserved the grammatical features of the original words. When transferring the formal organization of the verse in translation, there is a partial impoverishment of line endings.*

Practical implications. *The results can be applied by teachers and students in classes on the theory and practice of literary translation, and the conclusions are used in the development of special courses and special seminars on the basics of translation studies.*

Keywords: *Ossetic literature; Kosta Khetagurov; Lev Ozerov; literary translation; original; lexeme; translation unit; translation process.*

В современной филологической науке вопросу межлитературных связей уделяется пристальное внимание [14]. Изучение процесса взаимодействия литератур позволяет проследить закономер-

ности развития той или иной национальной литературы и ее роль в мировом культурном пространстве. Одной из форм межлитературного диалога является художественный перевод [15]. Через перевод произведений литературы на другие языки не только открывается читателю художественный мир иноязычного писателя, но и происходит обмен опытом, заимствование тем, идей, образов.

Большую роль сыграла переводная художественная литература и в развитии осетинской литературы. Произведения русской и зарубежной классики пополняли ее сокровищницу. И, наоборот, многие произведения осетинской литературы стали доступны русскоязычному читателю.

Художественный перевод произведений осетинских авторов на русский язык особенно интенсивно протекал в 1950–1980-е гг. Творчество некоторых осетинских писателей благодаря русским переводам, минуя границы, становилось популярным в других республиках и странах. Определяющую роль в этом процессе сыграли межкультурные посредники, среди которых были не только писатели и поэты, но и профессиональные переводчики.

Активно укреплял литературные связи между осетинским и русским народами Лев Адольфович Озеров (псевдоним Льва Адольфовича Гольдберга, публиковался также под именами Лев Берг, Л. Корнев). Переводчик произведений украинских, литовских, еврейских, болгарских, армянских, грузинских поэтов в середине 1930-х годов обратился к переводам осетинской литературы. Мастер поэтического слова Л. Озеров представил русскому читателю творчество К. Хетагурова, Нигера (И. Джанаева), Г. Плиева, Гафеза (Ф. Гаглоева), Х. Плиева, Г. Кайтукова, Б. Муртазова, Д. Дарчиева, М. Цирихова, М. Дзасохова [12, с. 203-207], Ш. Джикаева, К. Ходова и др. осетинских авторов. Переводы печатались в «Литературной газете», «Молодой гвардии», «Правде», «Новом мире» «Литературной России» и в других центральных изданиях [4], [5], [6].

Л. Озеров был тесно связан с Осетией. Здесь он бывал неоднократно, ей посвятил поэтический сборник «Осетинская тетрадь» (1972) [7; 8]. Л. Озерова связывали приятельские отношения со

многими осетинскими писателями. А его дружба с поэтами Г. Кайтуковым, Х. Плиевым длилась еще со студенческих времен.

«Поднимаясь на перевал» – так называется вышедшая в 1981 г. книга Л. Озерова, куда среди прочих произведений осетинских авторов, вошли переводы из К. Хетагурова.

К.Л. Хетагуров был излюбленным поэтом Льва Озерова. По мотивам стихотворений осетинского писателя им создан цикл поэтических произведений. Отдавая должное таланту Хетагурова, Озеров перевел стихотворения «Если б запеть мне, как нарту, умело...», «Прощай!..», «Песня бедняка», «В новогоднюю ночь», «Без пастуха», «Привет», «А-лол-лай», «Дума жениха», «Синица», «Шалун», «Лето», «Зима», «Будь мужчиной», поэму «Кто ты?». Несмотря на незнание языка оригинала и работу с помощью подстрочника, Озеру удалось осуществить ряд замечательных переводов. Конечно, они не лишены недостатков. Сравнительно-сопоставительный анализ некоторых переводных текстов с оригиналами позволил нам проследить механизм перевода, выяснить, как преодолевались переводчиком трудности, связанные со спецификой осетинского языка.

При сопоставлении небольшого стихотворения К. Хетагурова «*Маæгуыры зарæг*» – «*Песня бедняка*» в переводе с оригиналом обращает внимание читателя, прежде всего, формальная организация стиха. Пример перевода первой строфы:

<i>Адамæн сæ рæсугъд уæттæ</i>	<i>У людей – простор огромных</i>
<i>Хъармæй, райдзастæй лæууыны,</i>	<i>Комнат, свет, тепло и лад.</i>
<i>Махæн та нæ сывæллæттæ</i>	<i>А у нас в пещерах темных</i>
<i>Уазал лæгæты кæуыныц... [11, с. 30]</i>	<i>Дети с голоду кричат [9, с. 15].</i>

У Коста четко в первой строфе рифмуются существительные («*уæттæ*» – «*сывæллæттæ*») и глаголы («*лæууыныц*» – «*кæуыныц*»). У Озерова при сохранении смысла всего отрывка происходит обеднение концовок строк. В переводе находим грамматические несоответствия параллельных строк как в первой строфе («*огромных*» – «*темных*», «*лад*» – «*кричат*»), так и по ходу всего переводного текста.

Расхождения находим у Озерова в подаче лексического состава второй строфы:

<i>Адамæн сæ чындзхонты хъазт</i>	<i>У людей – пиры, удачи,</i>
<i>Хæхтæ, къæдзæхтæ хæссы,</i>	<i>Свадьбы – мир вокруг поет.</i>
<i>Махæн та нæ гæдыйы уаст</i>	<i>А у нас истошно плачет</i>
<i>Мардыл кæуæгау хъуысы... [11, с. 30]</i>	<i>Над усопшим тощий кот [9, с. 15].</i>

В первой строке Хетагуров для большей художественной выразительности употребляет скрытое сравнение: у богатых танцы дружков на свадьбе сокрушают по своей силе горы. В переводе Озеров проигнорировал образное уподобление, нет и отдельных лексем: «*хæхтæ*», «*къæдзæхтæ*». Взамен единиц перевода у Озерова мы видим свой метафорический образ («*мир вокруг поет*»). Выбранный переводческий прием, как кажется, стирает в русскоязычном тексте национальную специфику отрывка. Не понял, на наш взгляд, переводчик значение сравнения «*Махæн та нæ гæдыйы уаст / Мардыл кæуæгау хъуысы...*» (с осет. «А мяуканье нашей кошки / Над усопшим словно плачь»). Соотнесенность вопля голодной кошки с плачем над умершим констатируется переводчиком как факт. Трагизм положения бедняков в переводе приобрел, как кажется, комическую трактовку: «*А у нас истошно плачет / Над усопшим тощий кот*».

Небольшие штрихи опущены Озеровым и при подаче некоторых лексем последующей строфы:

<i>Адамæн сæ цæхджын фыдтæ</i>	<i>У людей – мясные туши</i>
<i>Царей фæныкмæ тæдзынц,</i>	<i>Провисают с потолка.</i>
<i>Махмæ та хæлынбыттыртæ</i>	<i>А у нас – мышей летучих</i>
<i>Цары ахсæдтæ кæнынц... [11, с. 30]</i>	<i>Крылья виснут, – вот тоска [9, с. 15].</i>

Переводчик меняет и конструкцию последнего стиха, но при этом образ нужды им передан объективно.

Отрадное впечатление оставляет перевод следующего фрагмента:

<i>Адамæн сæ фæзæдджы куыст</i>	<i>У людей не смеет за год</i>
<i>Не 'ссы афæдзмæ куырой,</i>	<i>Мельница зерна поток.</i>
<i>Махæн та нæ афæдзы мызд –</i>	<i>А у нас достатка на год –</i>
<i>'Гасей цу хоры кæфой!.. [11, с. 30]</i>	<i>Лишь один зерна совок [9, с. 15].</i>

В стихе перевода воспроизведен лексический состав оригинала. Лишь в первой строке денотативный компонент в переводе репре-

зентирован метафорическим – «зерна поток». В целом переводчиком сохранены средства первичной образности – передан контрастирующий мир двух социальных слоев. Строчическая анафора в переводе сохранена. Что касается перекрестной рифмы, то не везде она четко выражена, как, впрочем, и у осетинского поэта.

План выражения другого известного стихотворения К. Хетагурова «Хæрзбон» [11, с. 28] – «Прощай» [9, с. 14] в переводе местами представлен частичными эквивалентами. Одно из самых проникновенных стихотворений о трагизме любви и предстоящей разлуке в осетинской литературе на русском языке получило иное поэтическое и смысловое звучание.

Первая строфа знакомит читателя с обликом лирического героя:

<i>Ифтонг хызынаей, лæдзæггаей, æрчътаей,</i>	<i>Всем снаряжен я: арчита, котомка,</i>
<i>Скодтон уæрдахаей дзыхъыннауæг рон,</i>	<i>Пояс из прутьев скрутил я, как мог,</i>
<i>Ис ма цыдартæ ма карцы</i>	<i>Палка со мною, в отрепьях шубенка...</i>
<i>фæдджитæй...</i>	
<i>Дард у ма фæндаг... Зæгъын дын:</i>	<i>Впору прощаться нам... Путь мой</i>
<i>хæрзбон!..</i>	<i>далек...</i>

Пословное сличение лексического состава обоих текстов наметило следующие расхождения оригинала с переводом. Главный герой, отправляясь в далекий путь, на пороге разлуки с возлюбленной произносит: «Хæрзбон!» – «Прощай!». Лаконичное оформление мысли и в то же время звучащий трагический подтекст у Озерова получили вполне обтекаемое истолкование «Впору прощаться нам...», более характерное для употребления в контексте русской действительности. Отрадное впечатление оставляет стремление переводчика сохранить слова-реалии «арчита», «котомка», «уæрдаех» – «пояс из прутьев», «карцы фæдджи» – «в отрепьях шубенка». В последнем примере автор акцентирует внимание на рваном подоле героя-скитальца, переводчик же с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса стремится вызвать к нему жалость.

Через внешний облик автор далее переходит к описанию душевного состояния героя и возлюбленной перед разлукой.

В переводе второй строфы наблюдаются расхождения в подаче целых смысловых конструкций:

*Рагхей мын «ацу» дае цаестангас дзуры, «Прочь!» – ты давно говорила глазами,
Рагхей дае кодтон мае уындаей таерсын; Взглядом тебя я пугаю давно.
Зоньн, дае зердае куыд ризы мае цуры, Сердце твое я услышал и замер:
Хъусын ныр дæр ма йæ сусаг хъæрзын... Стон потаенный мне слышать дано.*

Давно мне «уходи» твой взгляд говорил,
Давно тебя пугал своим обликом (внешним видом),
Знаю, как сердце твое трепещет возле меня,
Слышу и сейчас еще его тихий стон...

(подстрочный перевод наш – Е.Дз.)

С первой же строки несоответствия в семантике слов очевидны. Трепетное отношение героя к возлюбленной в хетагуровском оригинале демонстрируется номинативными единицами с соответствующим значением. В переводе Озерова лексико-семантические варианты «*прочь!*», «*взглядом пугаю давно*», «*говорила глазами*» (вместо «*твой взгляд говорил мне*»), «*сердце твое услышал*» выбиваются, как кажется, из стилистики всего хетагуровского текста, узнать за ними Коста невозможно. Лирический герой гордо прощается с возлюбленной, а у Озерова он вызывает лишь жалость.

Неточная рифма в переводном отрывке («*глазами*» – «*замер*», «*давно*» – «*дано*») компенсирована фонетическими средствами: повтором звуков – сочетанием согласного [з] и гласного [а] звуков в конце первой и третьей строки: «*глаЗАми*» – «*ЗАмер*».

Последующая строфа содержит идиоматическое выражение «*мае хур*» («*Гъеныр хæрзбон, мае хур!*...», с осет. «А теперь прощай, мое солнышко!»). Обращение к возлюбленной столь национальным символом в переводе получило следующую интерпретацию: «*свет мой, прощай!*». Ассоциативное поле, образуемое выражением «*мае хур!*» в осетиноязычном тексте, в переводе сохранено близким по значению словосочетанием. Передаваемый Озеровым поэтический образ в рамках другого языка, русского, аналогично вводит нас в глубоко-интимный мир лирического героя. Совсем по-иному интерпретирует перевод данной фразы исследователь И.М. Дзахов, в частности, он пишет: «В переводе Л. Озерова «Свет мой, прощай!»

придает стихам какую-то надрывность, даже истеричность, уж не говоря о том, что стихи русифицируются» [3, с. 119].

Переводческой удачей Озерова, на наш взгляд, является сохранение стилистического рисунка следующих отрывков в 4 и 5 строфах: «**Чи зоны, искуы аерыфта даэ зардыл... / Чи зоны, искуы куы уайа даэ цаестыл...**» – «**Может, припомнится вдруг, как в тревоге... / Может, приснится тебе, как в дороге...**», «**Исчи та исы йахима даэ рынтаэ, / Исчи дын хъары нывондаен йаэ сар...**» – «**Кто-то возьмет на себя твои беды, / Кто-то отдаст свою жизнь за тебя**». Уловим взглядом читателя сохранение переводчиком в строках рефрена (*может... может / кто-то... кто-то*). Обращает внимание реципиента и употребление в осетинском тексте идиом «*рынтаэ исын*» (осет. «даэ рынтаэ бахаэрон», с осет. «взять на себя твои болезни»), «*хъары нывондаен йаэ сар*» («раттын нывондаен йаэ сар», с осет. «отдать себя в жертву»). В переводном тексте Озеров не стал искать в переводящем языке полноценные соответствия фразеологическим единицам [1, с. 87–90], [2, с. 115–123], а передал их семантическое ядро [13, с. 25–28].

Местами лексические расхождения наблюдаются и при передаче единиц перевода последней строфы:

<i>Хонын амбалаен на фыдбылыз мема,</i>	—	<i>В спутницу кличу судьбу нашу злую,</i>
<i>Тагъддаер ма балцаен йаэ фаэстаг кæрон</i>		<i>Может быть, с нею пойду я за край</i>
<i>Уый «фæндарастæй» кæд ссарин æз йема..</i>		<i>Жизни, и с нею же гибель найду я...</i>
<i>Ма фæфæсмонка!.. Хæрзбон у, хæрзбон!..</i>		<i>Не убивайся!.. Прощай же, прощай!..</i>

Вполне искомые варианты в русском языке словам оригинала «*фыдбылыз*» (несчастье, беда), «*фæсмон кæнын*» (раскаиваться, сожалеть) не нашли своего денотативного отражения у Озерова. Если словосочетание «*судьба злая*» может отдалено заменить единицу в оригинале, то почти истеричное и надрывное «*не убивайся!*» выбивается из семантического рисунка переводного отрывка. В заключительных аккордах стихотворения циклично, как и в первой строфе, звучит мотив расставания («*Хæрзбон у, хæрзбон!..*»). В этом случае переводчик не стал русифицировать текст, а переводит в той же эмоциональной тональности «*Прощай же, прощай!..*».

Образ возлюбленного создан К. Хетагуровым и в стихотворении «*Ногбон ахсаевы*». И здесь звучит мотив тоски; поэтом отражено желание лирического героя встретится с любимой девушкой в новогоднюю ночь. В стихотворении отчетливо прослеживается фольклорное начало, на это наталкивает читателя уже первая строфа:

<i>Тæхуды, ныр уæ къæсарæй</i>	<i>Когда б с порога песнею</i>
<i>Куы базарин æз дæр:</i>	<i>Я обратился б к вам:</i>
<i>«Хæдзаронтæ, хæдзаронтæ,</i>	<i>«Хæдзаронта, хозыева,</i>
<i>Уæ сæрвæлтау ма сæр!»</i> [11, с. 232].	<i>За вас я жизнь отдам!»</i> [9, с. 15–16].

Стихотворение К. Хетагурова сближает с народной песней, а во второй половине строфы мы видим прямую цитату из новогодней песни: «*Хæдзаронтæ, хæдзаронтæ!*». Озеров при переводе механически переносит в свой текст первую фразу и тут же следом, отказываясь от повтора, объясняет ее смысл читателю как «*хозыева*». В переводе строфы, несмотря на некоторые смысловые расхождения, частично сохранены грамматические особенности слов оригинала: отображено желательное наклонение глагола «*базарин*» (запел бы) – «*обратился б*», междометие «*тæхуды*» (о, когда бы; о, если бы) [10, с. 160–165] заменено частицей «*когда б*», ярко выражающей желание героя, передана морфологическая категория лица (1 лицо). Переводчик, следуя формальным признакам оригинального стиха, во всех строфах в первой и третьей строках игнорирует рифму (АБВБ).

В переводе последующих строф Озеровым передан лиризм повествования:

<i>Æназвæг куы рауаис</i>	<i>Когда бы ты на голос мой</i>
<i>Уæ уазæджы хъæрмæ!..</i>	<i>Вдруг вышла на порог,</i>
<i>Мæ иу цæстæй куы бакæсин,</i>	<i>Чтоб на тебя одним глазком,</i>
<i>Мæ хуры хай, дæума!</i>	<i>Мой свет, взглянуть я смог.</i>
<i>Хæстæгдæр мæм зæрдæууæнкæй</i>	<i>Когда бы ты явила мне</i>
<i>Куы равдисис дæхи...</i>	<i>Улыбку чистоты,</i>
<i>Дæ мидбылты куы бахудис,</i>	<i>Когда бы ты с доверием</i>
<i>Куы зæгъис: «Чи дæ, чи?»</i> [11, с. 232]	<i>Спросила б: «Кто же ты?»</i> [9, с. 15–16]

Лексические и семантические варианты Озерова передали картину любовных переживаний героя, связанных с желанием увидеть возлюбленную. Отношение лирического героя к девушке интерпретировано переводчиком с помощью равнозначных оценочных средств: «*мой свет*», «*улыбка чистоты*». Однако в переводе последней строфы у Озерова больше импровизации в подаче лексического строя оригинала.

<i>Дæ къухмæ дын куы февналин</i>	<i>Тогда бы, взявши за руку,</i>
<i>Куы загъын: «Гъей, чызгай!</i>	<i>Сказал тебе в ответ:</i>
<i>Йæ царды йас дæу чи уарзы,</i>	<i>– В тебя влюбленный, любящий, –</i>
<i>Гъеуый, мæ хуры хай!»</i> [11, с. 232].	<i>Тот самый я, мой свет!</i> [9, с. 16].

Разнится эстетическое восприятие осетинским и русским читателем оборотов: «*взявши за руку*», «*в тебя влюбленный, любящий*». По осетинскому этикету юноша не мог так явно проявлять свои чувства к девушке. Тогда как герой Коста более сдержан в эмоциональном порыве: «*твоей руки коснулся бы*», «*наравне со своей жизнью кто любит тебя*».

Вариацией на эту тему является другое переводное Озеровым стихотворение Хетагурова «*Усгуры мæт*» – «*Дума жениха*». В переводе этих строк больше узнаваем, как кажется, психологический портрет лирического героя русской литературы. Передавая чувства восторга и очарования героя, Озеров за строками перевода стирает лицо автора.

Приведем пример первой строфы:

<i>Мæ хуры хай,</i>	<i>Моя краса,</i>
<i>Рæсугъд чызгай,</i>	<i>Огни-глаза...</i>
<i>Куы нæ дæ фæттаин, бæргæ!..</i>	<i>Тебя мне лучше б не встречать!</i>
<i>Дæ хъазынмæ,</i>	<i>С красой такой,</i>
<i>Дæ зарынмæ</i>	<i>С такой игрой...</i>
<i>Кæм лæууы иунæджы зардæ!..</i> [11, с. 226].	<i>Как одинокому молчать?!</i> [9, с. 18].

Частичка моего солнца,
Красавица-девушка,
Лучше б тебя не увидел!..
С твоей игрой,
С твоим пением
Как устоит сердце одинокого!..

(подстрочный перевод наш – Е.Дз.)

Как легко заметить, при сохранении эмоциональной картины оригинального стиха, в переводе наблюдаются лексические расхождения. Язык переводных отрывков местами более метафоричен: так, у Коста Хетагурова отсутствуют близкие параллели русским «огни-глаза», «моя краса». И, наоборот, в последнем стихе строфы отсутствует ярко выраженный фразеологизм «*Кæм лæууы цунаджы зардаæ!..*» (досл. с осет. «Как устоит сердце одинокого!..»). Тем самым за счет лексических изменений меняется этнокультурный фон переводимого текста.

Во второй строфе перевода отсутствуют явные смысловые расхождения. Лишь при создании портрета героини переводчиком указана дополнительная черта в ее внешности (*Дæ дзыхы дзырд – Глаза твои, / Слова твои*), совершенно органично вписывающаяся в контекст:

<i>Дæ дзыхы дзырд</i>	<i>Глаза твои,</i>
<i>Æнæ рæдыд</i>	<i>Слова твои</i>
<i>Ныццавы зардагъы кæрон!..</i>	<i>По сердцу бьют, и все больней.</i>
<i>Цы кандзынæн,</i>	<i>О, как мне быть?</i>
<i>Куыд цардзынæн</i>	<i>Как дальше жить?</i>
<i>Æнæ дæу, амæттаг дын уон! [11, с. 226]</i>	<i>Мне стать бы жертвою твоей... [9, с. 18]</i>

Озеров подобрал близкие по своей эмоциональной окраске слова, передающие одновременно и симпатию, и глубокие переживания лирического героя.

Таким образом, проанализированные стихи Коста в переводе Озерова вполне отчетливо демонстрируют его переводческий метод. Нередко переводчик прибегал к прагматической адаптации текста. Переводческие решения Озерова, как представляется нам, уводили местами стихи Коста Хетагурова от национальных корней. Для этого переводчиком использовались выражения, характерные русской культуре и языку. Поэтическое прочтение стиха оригинала у Озерова достигается там, где переводчик отрывается от буквы, забывает о необходимости найти эквивалент.

Список литературы

1. Гутиева Э.Т. Проблемы перевода фразеологических единиц в лексикографической практике // Всероссийские Миллеровские чтения. Владикавказ. 2018. № 6. С. 115–123.

2. Дзапарова Е.Б. Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2 (24). С. 87–90.
3. Дзахов И.М. О переводах «Осетинской лиры» Коста. Владикавказ: Ир, 1996. 159 с.
4. Озеров Л. Коста Хетагуров. Завет. Новые переводы // Москва. 1973. №5. С. 166.
5. Озеров Л. Коста Хетагуров // Дон. 1974. №2. С. 124.
6. Озеров Л. Лиризм Осетии // Книжное обозрение. 1974. №25. С. 2.
7. Озеров Л. Милы нам звуки осетинской лиры // Осетия в русской литературе. Орджоникидзе, 1963. С. 430-435.
8. Озеров Л. Осетинская тетрадь. Книга стихов. Орджоникидзе: Ир, 1972. 173 с.
9. Озеров Л.А. Поднимаясь на перевал. Орджоникидзе, 1981. 181 с.
10. Парсиева Л.К. Непроизводные междометия: проблемы перевода // Известия Российского педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №59. С. 160-165.
11. Хетагкаты Къоста. Ирон фæндыр. Дзæуджыхъæу: Ир, 2002. 271 ф.
12. Хозиев Б.Р. Соотношение формы и содержания в переводах четверостиший Музафера Дзасохова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2010. № 1. С. 203–207.
13. Чумакаев А.Э. К вопросу о национально-культурной специфике фразеологизмов (на материале алтайского и русского языков) // Сибирский филологический журнал. 2011. №4. С. 25–28.
14. Wagner J. Multilingual and Multimodal Interactions // *Applied Linguistics*. 2018. Vol 39. Issue 1, pp. 99–107. doi.org/10.1093/applin/amx058
15. Ringbom H. Borrowing and Lexical Transfer // *Applied Linguistics*. 1983. Vol. 4. Issue 3. Autumn, pp. 207-212. doi.org/10.1093/applin/4.3.207

References

1. Gutieva Je. T. Problemy perevoda frazeologicheskikh edinic v leksikograficheskoj praktike [Problems of translation of phraseological units in lex-

- icographical practice]. *Vserossijskie Millerovskie chtenija*. Vladikavkaz, 2018. Vol. 6, pp. 115–123.
2. Dzaparova E.B. Osobennosti peredachi v hudozhestvennom perevode frazeologicheskikh edinic s jarko vyrazhennoj nacional'noj specifikoj [Features of the transfer in the literary translation of phraseological units with pronounced national specificity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. Vol. 6-2 (24), pp. 87–90.
 3. Dzahov I.M. *O perevodah «Osetinskoj liry» Kosta* [On the translations of the “Ossetian lyre” by Costa]. Vladikavkaz: Ir, 1996. 159 p.
 4. Ozerov L. *Kosta Hetagurov. Zavet. Novye perevody* [Costa Khetagurov. Covenant. New translations]. Moscow, 1973. Vol. 5. P. 166.
 5. Ozerov L. *Kosta Hetagurov* [Costa Khetagurov]. Don, 1974. Vol. 2. P. 124.
 6. Ozerov L. Lira Osetii [Ossetian lyra]. *Knizhnoe obozrenie*, 1974. Vol. 25. P. 2.
 7. Ozerov L. Mily nam zvuki osetinskoj liry [The sounds of the Ossetian lyre are sweet to us]. *Osetija v russkoj literature* [Ossetia in Russian literature]. Ordzhonikidze, 1963, pp. 430–435.
 8. Ozerov L. *Osetinskaja tetrad'*. *Kniga stihov* [Ossetian notebook. Book of poems.]. Ordzhonikidze: Ir, 1972. 173 p.
 9. Ozerov L.A. *Podnimajas 'na pereval* [Climbing the pass]. Ordzhonikidze, 1981. 181 p.
 10. Parsieva L.K. Neproizvodnye mezhdometija: problemy perevoda [Non-derivative interjections: problems of translation]. *Izvestija Rossijskogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, 2008. Vol. 59, pp. 160–165.
 11. Khetagurov Costa. *Osetinskaja lira* [Ossetian Lira]. Vladikavkaz: Ir, 2002. 271 p.
 12. Hoziev B.R. Sootnoshenie formy i sodержaniija v perevodah chetverostishij Muzafera Dzasohova [The ratio of form and content in translations of the quatrain of Muzafer Dzasokhov]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova*, 2010. Vol. 1, pp. 203–207.
 13. Chumakaev A.Je. K voprosu o nacional'no-kul'turnoj specifike frazeologizmov (na materiale altajskogo i russkogo jazykov) [On the issue of

- national-cultural specificity of phraseological units (on the material of Altai and Russian languages)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2011. Vol. 4, pp. 25–28.
14. Wagner J. Multilingual and Multimodal Interactions. *Applied Linguistics*, no 39 (2018), issue 1: 99–107. doi.org/10.1093/applin/amx058
15. Ringbom H. Borrowing and Lexical Transfer. *Applied Linguistics*, no 4 (1983), issue 3, autumn: 207–212. doi.org/10.1093/applin/4.3.207

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Дзапарова Елизавета Борисовна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
проспект Мира, 10, Владикавказ, РСО-Алания, 362040, Российская Федерация
l-dzaparova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dzaparova Elizaveta Borisovna, Senior Researcher, Candidate of Philology
VI. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences
10, Avenue Mira, Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362040, Russian Federation
l-dzaparova@mail.ru
SPIN-code: 4247-3309
ORCID: 0000-0002-1388-0268
Researcher ID: H-9331-2016

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-277-291

УДК 808-5

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЖАНРЕ ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКЦИИ О ЛЕСЕ В РОМАНЕ Л.М. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»)

Задорина А.О.

Цель. В статье анализируется синкретичный жанр устной публичной речи «лекция» на материале лекции о лесе в романе Л.М. Леонова «Русский лес» (глава 7, часть 2).

Актуальность исследования обусловлена малой изученностью жанров устного научного монолога и их разновидностей, появившихся в современном узусе и сочетающих черты разных функциональных стилей. Пересечение научного и публицистического дискурса в жанре популярной лекции позволяет оценить сложное взаимодействие разных семиотических аспектов и стилеобразующих факторов в рамках заданной коммуникативной ситуации.

Материалы и методы. В качестве методологической базы исследования использованы работы по теории речевых жанров и лингвистической прагматике. Основной метод исследования – структурно-типологический.

Результаты. В процессе анализа выявлено активное влияние коммуникативной ситуации и мета-фреймов на композицию и тему лекции; реакция на адресата определяет выбор лексических, стилистических, синтаксических средств и внутрижанровые включения (поговорка, легенда, исторический анекдот).

Заключение. В результате исследования подтверждена гипотеза о многослойности жанра публичной популярной лекции, содержащей элементы публицистического и научного дискурса.

Ключевые слова: дискурс; функциональный стиль; публичная лекция; речевой жанр; коммуникативная ситуация; адресат.

**INTERRELATION OF THE SCIENTIFIC
AND PUBLICISTIC DISCOURSE IN THE PUBLIC LECTURE
GENRE (AS BASED ON A LECTURE ON THE FOREST
IN RUSSIAN FOREST BY L.M. LEONOV)**

Zadorina A.O.

***Purpose.** The article analyzes the syncretic genre of oral public speech “lecture” on the material of a lecture on the forest in Russian Forest, a novel by L.M. Leonov (chapter 7, part 2).*

***The relevance** of the research is due to the low level of study of the genres of oral scientific monologue and their varieties that have appeared in the modern pattern and combine the features of different functional styles. The intersection of scientific and public discourse in the genre of a popular lecture makes it possible to evaluate the complex interaction of various semiotic aspects and style-forming factors within a given communicative situation.*

***Materials and methods.** Works on the theory of speech genres and linguistic pragmatics were used as the methodological base of the research. The main research method is the structural-typological one.*

During the analysis, the active influence of the communicative situation and meta-frames on the composition and topic of the lecture was revealed; it was found that the reaction to the addressee determines the choice of lexical, stylistic, syntactic means and intra-inclusions (proverb, legend, historical anecdote).

The study confirmed the hypothesis of the multi-layered genre of public popular lectures, containing elements of journalistic and scientific discourse.

***Keywords:** discourse; functional style; public lecture; speech genre; communicative situation; addressee.*

Введение

Система функциональных стилей русского языка является предметом изучения в общеобразовательной школе, но в связи с усложнением процесса коммуникации, появлением новых форм

кооперации между участниками речевого общения, все чаще в языковедческих работах поднимается вопрос о кросс-дискурсных явлениях, отражающих комплексное взаимодействие функциональных стилей речи, что позволяет судить об актуальности данной проблемы. Цель данной статьи заключается в исследовании жанра публичной лекции, сочетающего черты научного и публицистического дискурса. Для достижения цели были проанализированы качественные характеристики значимых функциональных стилей, обозначено присутствие данных характеристик в жанре публичной лекции, показано и объяснено их сложное взаимодействие в прецедентном тексте.

Материалы и методы

Очевидно, что эффект «пересечения дискурсов» [12, с. 8], будучи сложным феноменом, не мог возникнуть внезапно в конце XX века, но имел место и ранее; «проблема речевой системности является ключевой» для всего лингвистического аппарата» [6, с. 78]. В качестве примера синкретичного научно-публицистического жанра в данной статье анализируется лекция о лесе в романе Л.М. Леонова «Пирамида» (1953), написанная в относительно новом формате публичного популярного выступления, отличающегося от традиционной академической лекции.

В качестве методологической базы исследования использованы как классические работы по теории речевых жанров, лингвистической прагматике, (М.М. Бахтин «Проблема речевых жанров», М.А. Кронгауз «Семантика», Д.Н. Шмелев «Русский язык в его функциональных разновидностях», труды по лингвистике текста Т.А. Ван Дейка), так и современные публикации о взаимодействии дискурсов (В.В. Дементьев, П.П. Каминский, Е.А. Костяшина, Т.П. Скорикова, Н.В. Нечаева).

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» функциональный стиль определяется как «явление не монолитное, а представляющее собою “многослойное единство”» [10, с. 146]. Основанием для дифференциации функциональных стилей,

в том числе научного и публицистического, являются ключевые экстралингвистические стилеобразующие факторы: сфера общения, цель, адресат. Так, для научного стиля адресатом может быть научное сообщество, которому передаются имеющие научную значимость сведения. Для публицистического стиля, в свою очередь, актуальны общественная среда, целью является формирование мнения, что не исключает в том числе речевое манипулирование собеседником [4; 11]. В статье П.П. Каминского встречается следующее определение: «Публицистический дискурс, представляя собой разновидность риторического, прагматичен, выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения» [9, с. 97]. Важной чертой публицистического текста является его поливалентность, способность включать в себя различные стилевые тенденции и жанры: «Она (публицистичность) проявляется в любых дискурсах (научном, эстетическом и т.д.) и даже в невербальных формах» [9, с. 100]. При оценке того или иного высказывания, заданного в научном либо в публицистическом стиле, учитываются семантический, синтаксический и прагматический аспекты. Соответственно, можно выдвинуть гипотезу, что в научно-публицистическом тексте будут совмещаться стилеобразующие факторы (сфера общения, цель, адресат), а также сложно взаимодействовать семиотические аспекты.

Сам по себе жанр лекции («лекция – связанное, развернутое научное или научно-популярное изложение какого-либо вопроса специалистом» [19, с. 7]) является типичным для научной речи и относится к учебно-научному подстилю. Данный подстиль «адресован будущим специалистам, поэтому его отличает большая доступность, наличие богатого иллюстративного материала, многочисленных примеров, пояснений, комментариев» [10, с. 147]. С другой стороны, вне зависимости от подстиля, для академической научной речи характерны нейтральная и специальная лексика, терминология, отсутствие лексики с разговорной и просторечной окраской. В то же время современная популярная лекция подразумевает «понятное широкой публике устное выступление специалиста на актуаль-

ную тему, основанное на его личном научном исследовании» [17, с. 18], что позволяет выйти за рамки традиционных лексических, синтаксических, прагматических средств.

Статус устной публичной речи, к жанровой разновидности которой относится и публичная лекция, оценивается учеными по-разному, о чем свидетельствует, в частности, «Стилистический энциклопедический словарь русского языка», где указывается, что «вопрос об устной форме публичной речи в целом не нашел пока общепринятого решения» [10, с. 148]. С точки зрения О.А. Лаптевой, любая устная публичная речь имеет разговорную основу, прежде всего в силу использования типичных для разговорной речи синтаксических построений. Исследователь выделяет ключевые факторы, определяющие многослойность устного выступления, – фактор темы и фактор ситуации: «Совместное действие обоих факторов в области устной публичной речи проявляется в том, что ее средства в своем наборе определяются фактором темы, а в возможности своего реального использования – фактором публичной ситуации» [15, с. 26]. Другая точка зрения представлена мнениями Е.Н. Ширяева, Д.Н. Шмелева, утверждающих, что «вряд ли официальное или подготовленное публичное выступление целесообразно рассматривать в отрыве от “книжных стилей” литературного языка» [21].

Жанр лекции и ее разновидности на настоящий день еще мало изучен. Значимыми представляются научные статьи Т.П. Скориковой, посвященные устному научному монологу (УНР). По мнению лингвиста, «лекция» входит в состав жанрового ядра УНР, что объясняет значимость исследования данной речевой единицы, и «основными факторами, определяющими особенности речи данной сферы коммуникации (устного научного общения), признаются следующие: устность, содержательно-тематическая принадлежность, публичная направленность, официальность, спонтанность» [19, с. 51]. В то же время малая исследованность таких современных форматов лекционного занятия, как лекция–беседа, популярная лекция, позволяет говорить о перспективах научных изысканий в данном направлении. Так, Н.В. Нечаева заключает, что на настоящий

день в практике языковедческого описания нет единства мнений насчет дефиниции термина и, помимо «популярная лекция», есть еще целый ряд возможных наименований данного синкретичного жанра [17]. Для удобства мы остановимся на терминологическом варианте «публичная/популярная лекция».

Результаты и обсуждение

Для разработки обозначенной гипотезы обратимся к тексту лекции, представленной в романе Л.М. Леонова «Русский лес». В художественном пространстве эпизода нарратором предпринято несколько попыток осмысления коммуникативной ситуации, представлены авторские варианты определения речевого жанра, что задает возможность его интерпретации как относящегося к разным стилевым сферам. Помимо использования лексемы «лекция», повествователь обращается к уточняющим ее синонимам «беседа», «разговор», которые выводят научное общение на более бытовой, общественный уровень. Эта лекция является вводной, то есть обращена к студентам, будущим лесоведам, что подчеркивает сигнификативную значимость фактора адресата – слушатель априори не имеет достаточной квалификации, чтобы воспринять сложную, специализированную информацию. Поля, пришедшая на лекцию оставившего их семью отца, вообще не имеет никакого представления о предмете сообщения – но, судя по замечанию автора, что «никто не спросил ни пропуска, ни удостоверенья», формат посещения был достаточно свободным и среди слушателей известного ученого могли оказаться не только студенты-лесоведы, но и представители иных социальных групп.

Начало и конец лекции свидетельствуют об стратегическом учитывании оратором мета-фрейма, то есть фоновой коммуникативной ситуации, в которой эта лекция звучит: начало Великой Отечественной войны, русские войска терпят поражения одно за другим, вопрос защиты страны от фашистских захватчиков находится в безусловном приоритете для любой аудитории. Ученый Вихров обращается к первокурсникам, осознавая некоторую неуместность

их встречи сейчас, но подкрепляет свои слова уверенностью в том, что она не случайна, что свидетельствует о репрезентативности высказывания [13, с. 349]: *«Я сознаю ответственность своей задачи – занять ваше время беседой о таких, хотя бы и немаловажных, частностях, как русский лес, под грохот величайшей войны. Самые любимые и неотложные дела отступают перед опасностью, грозящей советскому народу и всем источникам его существования, лесу в том числе...но вы пришли сюда слушать не полевую хирургию или тактику ближнего боя, а краткий очерк о роли дерева в русской жизни»* [16, с. 304]. Сопоставляя разные задачи, стоящие перед молодым поколением, лектор тем самым выводит их на один уровень: защита страны от фашизма – не единственная борьба, которая происходит на территории советского государства.

Лекция о лесе вписана говорящим в актуальное историческое время, что придает ей явно публицистический характер. Оратор начинает свое выступление с сообщения последних сводок: *«...четыре дня назад наша родная армия оставила еще один советский город, Днепрпетровск, под натиском упорного и – в свете большой истории – нерасчетливого врага»* [16, с. 304] и завершает пафосным провозглашением безусловной победы советского народа над всеми грядущими испытаниями: *«Сегодня оно <зло> шлет на нас очередного пса, полагающего в животном неведении, что действует по своей собственной воле. Однако из всего предварительного опыта истории мы-то знаем, что светлый, тысячью имен владеющий герой народных сказаний всегда справлялся с чудовищем, караулившим источник людского счастья. Слава народу и армии нашей! Добро пожаловать, молодые лесники!»* [16, с. 345]. Из элементов публицистического текста, помимо очевидной злободневности сообщаемого, можно отметить использование в итоговой части лекции оценочной лексики с негативной коннотацией («пес», «животное неведение»), разговорных конструкций («мы-то», «шлет на нас»), фольклорных аллюзий (герой народных сказаний, чудовище). Подчеркнем так же значимое соотнесение двух адресатов в заключительных предложениях: *народ, армия, молодые*

лесники. Тем самым становится очевидно, что пламенная речь ученого в действительности обращена не только к студенческой молодежи, но и ко всему русскому народу, что обогащает ее содержание: «Принципиально важно, что семантика текста зависит не только от говорящего (автора), но и от его адресата» [13, с. 353].

Привлекая внимание аудитории к речи, Вихров использует характерную для публицистического стиля тактику контраста [5, с. 298], которая имеет риторическую и семантическую когнитивные функции. Будучи весьма экспрессивным средством воздействия на публику, данная тактика очерчивает границы темы, поднятой оратором, способствуя созданию эффекта всеохватности: *«весь тернистый путь развития материи – от амёбы до гордого, мыслящего человека – внушает нам веру в еще одну победу света над тьмой, разума над зверством»; «пришли сюда слушать не полевую хирургию или тактику ближнего боя, а всего лишь краткий очерк о роли дерева в русской жизни»* [16, с. 304]; *«всемогущая взятка быстро улаживает противоречия, возникающие между наличием леса и совестью, между хищником и законом»* [Там же, с. 318]. Еще одним типичным для публицистического стиля приемом, используемым говорящим, является утрирование, которое акцентирует внимание слушателей на масштабах происходящего: *«Только российское бездорожье да емкость труда умеряют это вдохновенное убийство зеленого друга»* [Там же, с. 319], *«Уж рубят все, выбирая куски полакомей: новорожденное кулацкое сословие, готовое рубить хоть на погосте, в изголовье у родимой матушки»* [Там же, с. 320].

Отдельно стоит упомянуть встроенный в ткань лесозащитной речи героя исторический анекдот, среди жанровых признаков которого Н.Г. Бирюков отмечает особую прагматическую микроситуацию, где происходит «некоторое снижение уровня официальности и формальности отношений между участниками речевого общения» [3, с. 161]. Согласно Ж.Б. Абильдиновой, ключевыми функциями анекдота являются критическая, развлекательная и коммуникативная, что объясняет необходимость включения дан-

ного фрагмента в такой речевой жанр, как популярная лекция [1]. В классическом издании романа Л.М. Леонова «Русский лес» лекция о лесе занимает 41 страницу, материалом для выступления перед будущими хранителями леса являются научные факты о добыче леса, лесовопроизводстве, упоминаются различные ученые, внесшие свой вклад в защиту зеленых ресурсов – прагматический аспект работы с аудиторией требует внесения разнообразия путем включения в научный дискурс развлекательных фрагментов, использования тропов и фигур. Особенностью анекдотов, представленных в анализируемой лекции, является именно их исторический характер. Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев фиксируют: «Начиная с двадцатых годов XX века, с исчезновением свободной печати рассказывание анекдотов (преимущественно политических) становится распространенным жанром повседневной коммуникации» [22]. В лекции Вихрова исторические анекдоты связаны преимущественно с личностями монархов, приближенными к ним лицами, а также учеными: основной пафос говорящего направлен на то, чтобы показать, как лесозащитные мероприятия не имели ничего общего с реальной заботой о лесных ресурсах: *«Вторая из них (Екатерина), в заботах о благополучии России, – потому что сам Дидро с Вольтером следят из Европы за повелительницей пятнадцати миллионов крепостных варваров! – даже предписывает Потемкину покидать в землю близ Одессы поболее желудей, чтобы не пришлось внукам с севера дуб возить на ремонт российского флота»* [16, с. 315].

Оценивая лексико-семантический аспект текста, можно заметить, что для лекции Вихрова характерна стилистическая эклектика: обилие разговорной лексики (*кошель, пудовый, пятерня*) и просторечий (*дотоле, приманчива*) совмещается с книжной (*содеянные ошибки, источник благодетней, отдохновение*), архаической (*ныне, дуплины*), окказиональной (*циклопические дела*), диалектной (*засека, катить льнице, впередог*). Данное наблюдение соотносится с высказыванием О.А. Лаптевой: «В области лексики важно выявить степень лексического разнообразия устной пу-

бличной речи, наличие и характер образующихся синонимических рядов» [15, с. 35]. Активное насыщение пословицами, фразеологизмами, легендами придает выступлению живую интонацию, создавая образ оратора как «своего» человека, представителя народа, истинно переживающего за судьбу русского леса. В то же время говорящий сохраняет важные для научного текста компоненты: ясно очерчена постановка проблемы, названы использующиеся методы исследования и ключевые фигуры в лесоведении, изложена история разработки проблемы в науке и показана актуальность вопроса именно в середине 20 века. Среди значимых деятелей ученый называет не только сделавших положительный вклад в лесоведение, но и лжеученых, принесших явный вред своими проектами. Так, Вихров говорит о том, что *«в тысяча восемьсот семьдесят шестом году господин Залманов выступил со статьей о вреде леса в России»* [16, с. 325], и горестно заключает о том, что таких теоретиков было немало.

Используя исторический метод изложения информации, оратор максимально конкретизирует структуру выступления: внутри композиционного кольца, образованного сообщениями о военных событиях, последовательно, от *«пятивековой стоянки на Карпатах»* единого славянского племени до революции 1917, описываются все этапы формирования национальной лесной политики. Основными синтаксическими приемами, обеспечивающими целостность и связность текста, в лекции Вихрова являются градация (как средство выражения иконичности в языке, при котором порядок слов соответствует порядку событий, на синтаксическом уровне отображающее процесс гибели лесных ресурсов), сравнительный оборот (сопоставление национальной политики разных государств) и анафорический повтор, служащий своеобразным средством связи абзацев (*Так была начертана первая строка – Так начались мы*). Обилие риторических восклицаний, вопросов усиливает впечатление об искренности оратора, а использование распространенных вставных конструкций подчеркивает его эрудицию и высокую компетентность в освещаемых вопросах.

Заключение

Таким образом, очевидно, что в проанализированной лекции сочетаются элементы, присущие разным функциональным стилям: научному, разговорному, публицистическому – что определяет и ее жанровую специфику: выступление героя выходит за границы собственно лекции, беседы, полемического трактата и можно идентифицировать именно как популярную публичную лекцию. Синтез различных стилевых начал объясняется, во-первых, самой природой устного публичного выступления, во-вторых, неоднородностью аудитории, в-третьих, высокой эмоциональностью оратора, в-четвертых, художественным замыслом автора произведения, предназначенного для самых разных слоев общества, в том числе для государственного аппарата. Заметим, что, несмотря на неоднозначную оценку произведения читающей публикой, роман «Русский лес» был удостоен Ленинской премии в 1957 г., что свидетельствует о том, что поставленная художником задача была выполнена.

Список литературы

1. Абильдинова Ж.Б. Жанровая специфика анекдота // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21 (202). Филология. Искусствоведение. № 45. С. 5–9.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. Бирюков Н.Г. Феномен русского грамматического анекдота: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 161 с.
4. Быкова О.Н. К вопросу о языковой манипуляции в средствах массовой информации // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярский государственный университет, под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 6. Красноярск – Ачинск, 1998. С. 18–22.
5. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГУ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
6. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
7. Дускаева Л.Р. Устная публичная речь // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 563–567.

8. Земская Е.А., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 61–72.
9. Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 97–105.
10. Кожина М.Н. Классификация и внутренняя дифференциация функциональных стилей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 146–153.
11. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука. 2017. 176 с.
12. Костяшина Е.А. Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 7–10.
13. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 2001. 399 с.
14. Лаптева О.А. Современная русская научная речь. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. Т. 1. 336 с.
15. Лаптева О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 18–37.
16. Леонов Л.М. Русский лес. М.: Современник, 1973. 796 с.
17. Нечаева Н.В. Популярная публичная лекция жанра talk: особенности языка и стиля // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2016. № 180. С. 17–22.
18. Савельева О.О. Влияние на аудиторию, манипулирование аудиториями // Обществознание в школе. 2000. № 3. С. 2–16.
19. Скорикова Т.П. Жанрообразующие факторы устного научного монолога // Вестник РУДН. Русские и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 3. С. 51–58.
20. Стернин И.А. Практическая риторика. Воронеж: Истоки, 2011. 169 с.
21. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 166 с.
22. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформации речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Кол-

ледж, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2425/shmelevy.pdf> (дата обращения 19.08.2019).

References

1. Abil'dinova Zh.B. Zhanrovaya spetsifika anekdota [Genre specifics of the anecdote]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. No 21 (202). Filologiya. Iskusstvovedenie. No 45, pp. 5–9.
2. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo, 1979, pp. 237–280.
3. Biryukov N.G. *Fenomen russkogo grammaticheskogo anekdota* [The phenomenon of Russian grammatical anecdote]: dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D, 2005. 161 p.
4. Bykova O.N. K voprosu o yazykovoy manipulyatsii v sredstvakh massovoy informatsii [On the issue of language manipulation in the media]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of speech communication]. Krasnoyarsk State University, ed. A.P. Skovorodnikov. Issue 6. Krasnoyarsk – Achinsk, 1998, pp. 18–22.
5. Van Deyk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGU im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 p.
6. Dement'ev V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. M.: Znack, 2010. 600 p.
7. Duskaeva L.R. Ustnaya publichnaya rech' [Oral public speech]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. M.: Flinta: Nauka, 2003, pp. 563–567.
8. Zemskaya E.A., Shiryaev E.N. Ustnaya publichnaya rech': razgovornaya ili kodifitsirovannaya? [Oral public speech: colloquial or codified?]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1980. No 2, pp. 61–72.
9. Kaminskiy P.P. Printsipy issledovaniya publitsistiki na sovremennom etape [Principles of research journalism at the present stage]. *Vest-*

- nik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2007. No 1, pp. 97–105.*
10. Kozhina M.N. Klassifikatsiya i vnutrennyaya differentsiatsiya funktsional'nykh stiley [Classification and internal differentiation of functional styles]. *Stilisticheskij entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. M.: Flinta: Nauka, 2003, pp. 146–153.
 11. Koptina G.A. *Rechevoe manipulirovanie* [Speech manipulation]. M.: Flinta: Nauka. 2017. 176 p.
 12. Kostyashina E.A. Funktsional'noe vzaimodeystvie nauchnogo, me-ditsinskogo i nauchno-populyarnogo diskursov v tekstovom prostanstve nauch-nopopulyarnogo meditsinskogo zhurnala [Functional interaction of the scientific, medical and popular science discourses in the text space of the scientific medical journal]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. No 306, pp. 7–10.*
 13. Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. M.: Ros. gumanit. un-t, 2001. 399 p.
 14. Lapteva O.A. *Sovremennaya russkaya nauchnaya rech'* [Modern Russian scientific speech]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1985. T. 1. 336 p.
 15. Lapteva O.A. *Sovremennaya russkaya publichnaya rech' v svete teorii stilya* [Modern Russian public speech in the light of the theory of style]. *Voprosy yazykoznanija. 1978. No 1, pp. 18–37.*
 16. Leonov L.M. *Russkiy les* [Russian Forest]. M.: Sovremennik, 1973. 796 p.
 17. Nechaeva N.V. Populyarnaya publichnaya lektsiya zhanra talk: osobennosti yazyka i stilya [Popular public lecture of the talk genre: features of language and style]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2016. No 180, pp. 17–22.*
 18. Savel'eva O.O. Vliyanie na auditoriyu, manipulirovanie auditoriey [Impact on the audience, audience manipulation]. *Obshchestvoznaniye v shkole. 2000. No 3, pp. 2–16.*
 19. Skorikova T.P. Zhanroobrazuyushchie faktory ustnogo nauchnogo monologa [Genre-forming factors of oral scientific monologue]. *Vest-*

- nik RUDN. Russkie i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya.* 2015. No 3, pp. 51–58.
20. Sternin I.A. *Prakticheskaya ritorika* [Practical rhetoric]. Voronezh: Istoki, 2011. 169 p.
21. Shmelev D.N. *Russkiy yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh* [The Russian language in its functional varieties]. M.: Nauka, 1977. 166 p.
22. Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. *Russkiy anekdot v dvadtsat' pervom veke: transformatsii rechevogo zhanra* [Russian anecdote in the twenty-first century: the transformation of the speech genre]. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov: Kolledzh, 2005. Issue 4. Zhanr i kontsept. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2425/shmelevy.pdf>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Задорина Алена Олеговна, доцент кафедры культурологии, кандидат филологических наук
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
amaltea-20x@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zadorina Alena Olegovna, Assistant Professor, Cultural Studies Department, Ph. D. in Philology
Siberian Federal University
79, Pr. Svobodny, Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy kray, 660041, Russian Federation
amaltea-20x@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-4-292-303

УДК 811.111-26

**ВОЗРАСТНЫЕ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЯ Я-ОНЕ В РЕЧИ АНГЛИЧАН
ПРЕСТИЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП***Тисленкова И.А., Глебова Е.А., Бганцева И.В.*

Статья посвящена анализу ранее не изученных возрастных особенностей функционирования местоимения подлежащего я-оне в речи англичан – представителей социальной элиты Великобритании.

Цель исследования состоит в социолингвистическом анализе пьесы Тома Стоппарда «The Invention of Love» для выявления возрастных групп престижных слоёв населения, употребляющих местоимение one в значении «я», и описания его функций.

Основные методы, использованные в исследовании: социолингвистический анализ речи персонажа посредством социолингвистических категорий.

Результаты. Проведённый анализ контекстов употребления подлежащего я-оне позволил прийти к выводу о том, что в молодости данное местоимение выступает средством социокультурной самоидентификации личности, в зрелости – способом самовыражения, в старости – самооценки и трансляции опыта.

Область применения результатов. Полученные в процессе исследования данные могут быть использованы на занятиях по курсу перевода, стилистики и семиотики.

Ключевые слова: местоимение я-оне; язык аристократии; высшие классы; семантико-стилистические функции; возрастные характеристики речи.

**AGE-RELATED SEMANTIC
AND STYLISTIC FUNCTIONS OF PRONOUN I-ONE
IN THE SPEECH OF UPPER-CLASS ENGLISHMEN***Tislenkova I.A., Glebova E.A., Bgantseva I.V.*

The article is devoted to the analysis of previously unstudied age-related specific in functioning of the subject pronoun I-one in the speech of British social elite.

The aim of the study is to conduct sociolinguistic analysis of Tom Stoppard's play "The Invention of Love" to identify age groups of prestigious social layers that use pronoun one in the meaning of "I", and describe its functions.

The main methods used in the study include sociolinguistic analysis of character's speech by means of sociolinguistic categories.

Results. Analysis of the contexts, where pronoun I-one is used, allowed us to come to conclusion that in youth this pronoun functions as a means of social and cultural self-identification, in maturity as a way of self-expression and in old age as method of self-esteem and teaching experience.

Practical implications. The data, obtained in the process of research, can be used in teaching translation, stylistics and semiotics.

Keywords: pronoun I-one; language of aristocracy; upper classes; semantic and stylistic functions; age characteristics of speech.

Проблемы языка и идентификации изучаются многими современными исследователями [8, 15, 7, 10, 9]. По мнению Гураль С.К., язык напрямую связан с тем, как говорящий позиционирует себя и видит свою роль в британском обществе [3, с. 113]. Большая часть самоидентификации обусловлена именно языковыми средствами, с помощью которых коммуникант общается с другими людьми и миром [14, с. 62]. Одним из таких средств является употребление неопределенного местоимения *one* в значении первого лица единственного числа.

Современные исследования показывают, что *я-one* употребляется исключительно представителями привилегированного класса британского общества, являясь социальной разновидностью языка элиты. Однако неизученным остается вопрос о возрастном статусе аристократов, использующих указанное местоимение в данном значении, что определяет **новизну** и **актуальность** исследования.

Цель исследования состоит в том, чтобы установить, какие возрастные группы престижных слоёв населения преимущественно включают в свои высказывания местоимение *one* в значении «я».

В настоящей работе возрастные особенности использования местоимения *я-one* рассматриваются с точки зрения социолингвистики, а также в рамках метода социолингвистического анализа речи персонажа на основе социолингвистических категорий, предложенного профессором Ивушкиной Т.А. в монографии «Язык английской аристократии: социально-исторический аспект» [7].

Также, **исследование основывается на** следующих теоретических положениях:

1. Понятию социальной индикации высказываний говорящего, разработанном В. Карасиком и изложенном в работе «Язык социального статуса» [9];

2. Тематическом содержании высказывания М. Чижевской в книге «Язык, речь и речевая характеристика (Вопросы изучения речи персонажа)» [17];

3. Выводах В. Шаховского [18], идеях В. Пищальниковой [12] и Р. Грановской [2] о соотношении эмоций, эмоциональности речи и возраста говорящего;

4. Выводах А. Ермолаева о возможности определения возраста говорящего путем использования стереотипных, клишированных фраз и речевых паттернов [6].

Результаты исследования

В зависимости от типа деятельности человека, который является ведущим для каждой из них, мы выделяем:

1. Молодое поколение (20–35 лет);
2. Среднее поколение (35–50 лет);
3. Старшее поколение (после 50 лет) [15, с. 132].

Для реализации поставленной цели обратимся к анализу суждений англичан трёх возрастных групп высшего света. Для проведения исследования мы выбрали речь героев произведения «Изобретение любви» 1997 г. популярного в настоящее время английского драматурга Тома Стоппарда. Персонажная речь привлекается нами к исследованию не случайно, в связи с тем, что язык современной драматургии максимально приближен к разговорному языку [1].

Используя указанные теоретические выводы, рассмотрим реплики действующих лиц пьесы, содержащие местоимение **я-one**:

- молодое поколение – Альфред Хаусмен 20 лет, студент-антиковед Оксфордского университета;
- среднее поколение – Уолтер Пейтер 38 лет, профессор, эссеист и искусствовед;
- старшее поколение – Альфред Хаусмен 77 лет, знаменитый поэт.

В результате сплошной выборки текста местоимение **я-one** было обнаружено в высказываниях всех возрастных групп: молодого, среднего и старшего поколений. Рассмотрим некоторые примеры более подробно.

Сентенции молодого англичанина:

Housman

*“Baehrens should make everyone obsolete - isn't that why **one** edits Propertius? <...>-but **one** has hardly settled down with Baehrens before **one** is jolted out of **one**'s chair by something like *cunctas* in *one-one-five*”* [21, p. 3].

Хаусмен

*«Беренс способен затмить всех, кто писал до него, – а разве не для этого **я** сейчас работаю над комментарием к новому изданию элегий Проперция? <...> однако едва я смог поравняться с ним, как от его *cunctas* вместо *castas* в Книге первой, элегии I, стихе 5 **я** чуть не потерял рассудок»* [перевод наш].

Юноша явно бравирует своими исключительными знаниями, высокой образованностью, когда показывает, как хорошо он разбирается в оттенках значения латинских слов *cunctas* «вся» и *castas* «чистая» в строках древнеримского элегического поэта: «Любовь научила меня ненавидеть **чистых** девиц». Альфред наслаждается собственной значимостью, заявляя, что если делать перевод этого лирического фрагмента, руководствуясь предложением Беренса, то смысл строк приобретает совсем не то значение, которое первоначально вкладывал в него Проперций: «Любовь научила меня ненавидеть **всех** девиц» [16, с. 22].

Многократное употребление местоимения *я-опа* в соседних предложениях помогает молодому аристократу придать вес своему «открытию», выглядеть в глазах сокурсников-слушателей солидно, повысить свою самооценку, ведь он, будучи только студентом, бросает вызов признанному авторитету – немецкому филологу-классику Паулю Беренсу титулованному переводчику таких римских классиков, как Минуций, Тацит, Проперций, Стаций, Катулл, Тибулл, Гораций, Феликс. Костецкая А. отмечает, что студенты из социальной элиты часто подражают известным и популярным людям, перенимая их мысли и манеры [9, с. 80]. Наш пример показывает, что используя *я-опа*, Хаумен имитирует Беренса с целью придать своей речи высокостатусные характеристики. Такая практика позволяет молодёжи из высшего общества выйти за рамки своей индивидуальности, реализовать потребность в самовыражении, высказать своё мнение [11].

Сентенции англичанина средней возрастной группы:

Pater

*“As for arts-and-crafts, it is very well for the people; without it, Liberty’s would be at risk, in fact it would be closed, but the true Aesthetic spirit goes back to Florence, Venice, Rome – Japanese apart. **One** sees it plain in Michelangelo’s David – legs apart”* [21, p. 17].

Пейтер

*«Если говорить о кустарных промыслах, то они хороши как средство эстетического самовыражения для простолудинов; без них художественному салону Liberty’s грозил бы крах вплоть до закрытия. Истинная же красота эстетизма присуща лишь Флоренции, Венеции, Риму – не считая Японии. **Я** отчётливо её вижу в образе Давида Микеланджело – того, что стоит, оставив ногу»* [перевод наш].

Исследователи подчеркивают, что в период зрелости человек достигает вершины профессиональной карьеры [5, с. 65]. Он обладает всеми умениями и навыками, составляющими основу жизненного опыта, открыто заявляет о своих ценностях, установках и принципах [4, с. 409]. Из приведённого высказывания видно, что имея обширные познания и собственную точку зрения в искусстве, художественный

критик Пейтер избегает тривиальных способов излагать свою позицию. Он прибегает к использованию местоимения **я-one**, которое показывает такие черты речи, как тяготение к обобщенности, рассуждению об универсальных понятиях с оттенком платонизма.

Как отмечает Крюков Д., местоимение-подлежащее **one** обеспечивает выход рассуждения говорящего на более абстрактный уровень. Также, **я-one** обладает социальным значением, так как предполагает наличие единой позиции определенной группы людей, от имени которой высказывается автор [10, с. 192].

Использование **я-one** в этом отрывке речи связано со стремлением рассмотреть проблему под новым углом зрения, оценить ее непредвзято: оценивая скульптуру Микеланжело, Пейтер выражает восхищение мужской красотой, утверждая, что эротический подтекст предполагается самой природой искусства. Употребление безличного местоимения первого лица единственного числа **one** предполагает выход за рамки непосредственного личного опыта [19].

Сентенции англичанина старшей возрастной группы:

АЕН

*“No fear of that. The jackals are another matter. **One** used to say, ‘After I’m dead’. The consolation is not as complete as **one** had supposed. There – the painter is belayed”* [21, p. 1].

АЭХ

«Это не страшно. Шакалы – другое дело. Когда-то я говорил, что мне безразлично, что будет со мной после смерти. Утешение в смерти не столь полное, как я предполагал. Ну, вот и всё: художнику – конец» [перевод наш].

По мнению Стернина И., речь представителей старшего поколения практически не изучена в возрастной и коммуникативной лингвистике [13, с. 5]. Местоимение **я-one** показывает сфокусированность Хаусмена на своих переживаниях в связи с окончанием жизни и подготовкой к переходу его души в иное состояние. В речи этого персонажа неопределенное местоимение первого лица единственного числа **one** присутствует в высказываниях, касающихся личной сферы, в которых герой дает оценку своим жизненным достиже-

ям и событиям биографии, стремится извлечь уроки из допущенных ошибок, найти пути адаптации к новому социальному положению.

Выводы

Еще в конце XX столетия многие англичане придерживались «правильного английского» [3, с. 114]. К настоящему времени King's English перешел в статус социолекта, став языком меньшинства – верхушки общества [20, с. 365].

В результате проведенного исследования было установлено, что грамматический индикатор элитарного английского – местоимение-подлежащее *я-one* используется аристократами всех трёх поколений.

Значение местоимения подлежащего *one* обладает широким спектром функций, которые выводятся из контекста беседы:

- молодёжь использует такое подлежащее для выражения собственной позиции, озвучивания установок и предпочтений, реализации своей концепции жизни; употребление *я-one* является средством достижения социального, профессионального и мировоззренческого самоопределения, способом включения личности в социальную структуру, сохранения речевых традиций прошлого;
- с помощью подлежащего *я-one* знатные люди зрелого возраста стремятся получить от окружающих признание своих заслуг, положительную оценку накопленного ими опыта, достижений; данное местоимение помогает продемонстрировать глубокие научные познания, приверженность нравственным принципам, делать разного рода обобщения;
- в речи геронтов рассматриваемое местоимение используется для философских обобщений своего результатов прожитой жизни с целью назидания и передачи опыта.

Список литературы

1. Борисенко Н.Д. Моделирование гендерного аспекта персонажной речи в английской драме второй половины XX столетия // Культура народов Причерноморья, 2002. №32. С. 326–329.

2. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. СПб.: Речь, 2003.
3. Гураль С.К. Как правильно говорить по-английски или есть ли «стандартный английский»? // Вестник Томского государственного университета. Томск 2006. С. 113–115.
4. Ермаков С.А. Проблема выбора жизненного пути человека в философии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2004. № 1. С. 408–415.
5. Ермаков С.А., Мезина Л.Г. Путь жизни человека как проблема философской антропологии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки, 2012. № 3. С. 60–68.
6. Ермолаев А.К. Моделирование личности по тексту: обобщение опыта оперативно-розыскной работы. Дис....канд. филол. наук: 10.02.19. Барнаул, 1999.
7. Ивушкина Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи (на материале речевых характеристик представителей высших классов Великобритании в произведениях английской художественной литературы): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
9. Костецкая А.Г. Социолингвистические характеристики речи образованной молодежи Великобритании и США: автореф. дис....канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
10. Крюков Д.В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: дисс... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
11. Магидова И.М. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: дисс. на соиск. уч. степени д-ра филол. наук. Москва, 1989.
12. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. Психо-лингвистический аспект. Новосибирск, 1992.
13. Стернин И.А. Общение со старшим поколением. Изд.4, испр. Воронеж: «Истоки», 2013.

14. Тисленкова И.А. Исторические реалии – маркеры речи пожилого человека // Актуальные вопросы науки: Материалы XXXVI Международной научно-практической конференции (09.02.2018). М.: «Спутник+», 2018. С. 62–64.
15. Тисленкова И.А. Культурно-исторические реалии прошедшей эпохи в речи персонажей современной британской драмы. Волгоград: «Известия ВГСПУ» №2 (125), 2018. С. 132–136.
16. Том Стоппард. Изобретение любви. Азбука-классика, 2009.
17. Чижевская М.И. Язык, речь и речевая характеристика: (Вопр. изуч. речи персонажа) / М.И. Чижевская; МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ. 1986.
18. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Монография. М.: Гнозис, 2008.
19. Berstein B. Language and social context. London: Penguin Books, 1972.
20. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 2001.
21. Stoppard T. The Invention of Love. Grove Press. New York, 1997.

References

1. Borisenko N.D. Modelirovanie gendernogo aspekta personazhnoj rechi v anglijskoj drame vtoroj poloviny XX stoletija [Modeling gender aspect of character speech in English drama of the second half of the XX century]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, 2002. №32, pp. 326–329.
2. Granovskaja R.M. *Jelementy praktičeskoj psihologii* [Elements of practical psychology]. SPb.: Rech', 2003.
3. Gural' S.K. Kak pravil'no govorit' po-anglijski ili est' li «standartnyj anglijskij»? [How to speak English correctly or is there “standard English”?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk 2006, pp. 113–115.
4. Ermakov S.A. Problema vybora zhiznennogo puti cheloveka v filosofii [The problem of choosing a person's life path in philosophy]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. Serija: Social'nye nauki, 2004. № 1, pp. 408–415.

5. Ermakov S.A., Mezina L.G. Put' zhizni cheloveka kak problema filosofskoj antropologii [The way of human life as a problem of philosophical anthropology]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*, 2012. № 3, pp. 60–68.
6. Ermolaev A.K. *Modelirovanie lichnosti po tekstu: obobshhenie opyta operativno-rozysknoj raboty* [Personality modelling based on the text: generalization of experience of officer work]: Dis....kand. filol. nauk: 10.02.19. Barnaul, 1999.
7. Ivushkina T.A. *Sociolingvisticheskie aspekty razvitija anglijskoj rechi (na materiale rechevyh harakteristik predstavitelej vysshih klassov Velikobritanii v proizvedenijah anglijskoj hudozhestvennoj literatury)* [Sociolinguistic aspects of English speech development (based on British upper-class characters speech characteristics from English fiction)]: Aftoref. diss. ...d-ra filol. nauk. M., 1998.
8. Karasik V.I. *Jazyk social'nogo statusa* [Language of social status] M.: ITDGK «Gnozis», 2002.
9. Kosteckaja A.G. *Sociolingvisticheskie harakteristiki rechi obrazovannoj molodezhi Velikobritanii i SShA* [Sociolinguistic characteristics of educated youth speech in Great Britain and the USA]: avtoref. dis....kand. filol. nauk. Volgograd, 2001.
10. Krjukov D.V. *Sociolingvisticheskie harakteristiki pisem anglijskoj aristokratii Viktorianskoj jepohi* [Sociolinguistic characteristics of the letters written by English aristocracy from Victorian era]: diss... na soisk. uch. stepeni kand. filol. nauk. Volgograd, 2001.
11. Magidova I.M. *Teorija i praktika pragmalingvisticheskogo registra anglijskoj rechi* [Theory and practice of pragmalinguistic register in English speech]: diss. na soisk. uch. stepeni d–ra filol. nauk. Moskva, 1989.
12. Pishhal'nikova V.A. *Problema smysla hudozhestvennogo teksta. Psiho-lingvisticheskij aspekt*. [The problem of the meaning of a literary text. Psycho-linguistic aspect]. Novosibirsk, 1992.
13. Sternin I.A. *Obshhenie so starshim pokoleniem*. [Communication with older generation] Izd.4, ispr. Voronezh: «Istoki», 2013.
14. Tislenkova I.A. *Istoricheskie realii – markery rechi pozhilogo cheloveka* [Historical realities-markers of an elderly person's speech]. *Aktual'nye*

- voprosy nauki: Materialy XXXVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (09.02.2018)* [Actual problems of science: Materials of the XXXVI International scientific and practical conference (09.02.2018)]. М.: «Sputnik+, 2018, pp. 62–64.
15. Tislenkova I.A. Kul'turno-istoricheskie realii proshedshej jepohi v rechi personazhej sovremennoj britanskoj dramy [Cultural and historical realities of the past era in characters' speech from modern British drama]. *Izvestija VGSPU*, №2 (125), 2018, pp. 132–136.
 16. Tom Stoppard. *Izobretenie ljubvi* [The Invention of Love]. Azbuka-klassika, 2009.
 17. Chizhevskaja M.I. *Jazyk, rech' i rechevaja harakteristika: (Vopr. izuch. rechi personazha)* [Language, speech and speech characteristics] / M.I. Chizhevskaja; MGU im. M.V. Lomonosova. М.: Izd-vo MGU. 1986.
 18. Shahovskij V.I. *Lingvisticheskaja teorija jemocij*. [Linguistic theory of emotions]. Monografija. М.: Gnozis, 2008.
 19. Berstein B. *Language and social context*. London: Penguin Books, 1972.
 20. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge, 2001.
 21. Stoppard T. *The Invention of Love*. Grove Press. New York, 1997.

ДАнные об авторах

Тисленкова Ирина Александровна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», факультета экономики и управления
Волгоградский государственный технический университет
ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация
tislenkova@bk.ru

Глебова Екатерина Александровна, к.п.н., доцент кафедры «Иностранные языки», факультета экономики и управления
Волгоградский государственный технический университет
ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация
eaglebova@mail.ru

Бганцева Ирина Владимировна, д.п.н., профессор кафедры «Иностранные языки», факультета экономики и управления
*Волгоградский государственный технический университет
ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация
irina07085@rambler.ru*

DATA ABOUT THE ATHOURS

Tislenkova Irina Aleksandrovna, Senior teacher of the Foreign language Chair, Ph.D. in Philological Science, Faculty of Economics and Management
*Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
tislenkova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-7202-2773*

Glebova Ekaterina Aleksandrovna, Associate Professor of the Foreign language Chair, Ph.D. in Pedagogical Science, Faculty of Economics and Management
*Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
eaglebova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2284-631X*

Bgantseva Irina Vladimirovna, Professor of the Foreign language Chair, Ph.D. in Pedagogical Science, Faculty of Economics and Management
*Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Federation
irina07085@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5128-8858*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НИГЕРИЙСКОГО ПИДЖИНА Волошина Т.Г.	14
СОЗДАНИЕ ИРОНИИ И ЕЁ ПЕРЕВОД В РАССКАЗАХ Г. БЕЛЛЯ Акашева Т.В., Рахимова Н.М.	27
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЗИМЫ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ Меньшикова Е.Е.	46
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Нестерова Е.В.	67
РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЛЮНТАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ ДЕЛОВОЙ ИНТЕРАКЦИИ Воробьева А.Е., Виноградова Е.А.	77
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РАССКАЗЕ С. ЛИКОКА “AN IDEAL INTERVIEW WITH ONE OF OUR GREATEST ACTORS” Бизикоева Л.С.	90
ВИДОВЫЕ (АСПЕКТАЛЬНЫЕ) ГРАММЕМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ФРАГМЕНТ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В ЦЕЛЯХ РКИ) Акимова И.И., Григорова Е.А., Омарова Л.А.	98

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ И ЛИТЕРАТУРНОГО КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА) Абазова М.М.	123
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» НА РУССКИЙ ЯЗЫК Нененко А.А., Панин В.В., Рындина Ю.В.	137
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ Телегина Е.В., Талапина М.Б.	159
ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА НАРТОВСКОГО ЭПОСА) Бизикоева Л.С.	172
БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА) Планкина Р.М.	180
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОДЕЖДА» В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Кузьмина Р.П.	188
ОСНОВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Нестерова Е.В.	201
СЕМАНТИЧЕСКОЕ РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ Юрова Т.А.	211

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ)	
Маник С.А.	225
АРГУМЕНТАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ БРИТАНСКОГО КРИЗИСНОГО ДИСКУРСА	
Кауфова И.Б., Кауфова Л.А.	246
СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОДЛИННИКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ Л. ОЗЕРОВА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. ХЕТАГУРОВА)	
Дзапарова Е.Б.	262
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЖАНРЕ ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКЦИИ О ЛЕСЕ В РОМАНЕ Л.М. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»)	
Задорина А.О.	277
ВОЗРАСТНЫЕ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЯ Я-ONE В РЕЧИ АНГЛИЧАН ПРЕСТИЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП	
Тисленкова И.А., Глебова Е.А., Бганцева И.В.	292
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	304

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

PIDGIN ENGLISH FUNCTIONING IN NIGERIA Voloshina T.G.	14
CREATION OF IRONY IN STORIES BY H. BÖLL AND ITS TRANSLATION Akashева T.V., Rakhimova N.M.	27
METAPHORICAL IMAGE OF WINTER IN ADVERTISING TOURIST NARRATIVE Men'shikova E.E.	46
WORD FORMATION OF NUMERAL DERIVATIVES IN THE EVEN LANGUAGE Nesterova E.V.	67
VOLUNTATIVE FUNCTION OCCURRENCE IN COMPUTER-MEDIATED BUSINESS INTERACTION Vorobyova A.E., Vinogradova E.A.	77
MEANS OF CREATING A COMICAL EFFECT IN AN IDEAL INTERVIEW WITH ONE OF OUR GREATEST ACTORS BY S. LEACOCK Bizikoeva L.S.	90
VERBAL ASPECT IN RUSSIAN AND INDICATORS OF VERB TIME AND ASPECT IN THE CHINESE LANGUAGE: TO THE QUESTION OF THE DESCRIPTION OF RUSSIAN AS A FOREIGN: TO THE QUESTION OF THE DESCRIPTION OF RUSSIAN AS A FOREIGN Akimova I.I., Grigorova E.A., Omarova L.A.	98

THE LINGUISTIC INTERFERENCE (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN DIASPORA ABROAD AND LITERARY KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE)	
Abazova M.M.	123
PECULIARITIES OF TRANSFERRING PRECEDENT PHENOMENA IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF JANE EYRE BY CH. BRONTË	
Nenenko A.A., Panin V.V., Ryndina Yu.V.	137
AXIOLOGICAL ASPECT OF PHRASEOLOGICAL UNITS SEMANTICS IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES	
Telegina E.V., Talapina M.B.	159
PROBLEM OF PRESERVING NATIONAL IDENTITY WHEN TRANSLATING FOLKLORE TEXTS (BASED ON THE TRANSLATION OF THE NARTS' LEGENDS)	
Bizikoeva L.S.	172
BINARY OPPOSITION OWN – STRANGE IN RELIGIOUS DISCOURSE (AS BASED ON THE BIBLE)	
Plankina R.M.	180
LEXICO-SEMANTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT “CLOTHING” IN THE EVEN LANGUAGE	
Kuzmina R.P.	188
BASIC WORD-FORMING MODELS OF ABSTRACT NAMES IN THE EVEN LANGUAGE	
Nesterova E.V.	201
SEMANTIC RECONSTRUCTION AS A RESULT OF A LINGUO-CULTURAL REORIENTATION	
Yurova T.A.	211

PARALLEL CORPUS FOR TRANSLATION PRACTICE OF SOCIO-POLITICAL TEXTS (FROM ENGLISH INTO RUSSIAN) Manik S.A.	225
ARGUMENTATIVE STRATEGIES OF THE BRITISH CRISIS DISCOURSE Kaufova I.B., Kaufova L.A.	246
METHODS OF REFLECTING THE ARTISTIC REALITY OF THE ORIGINAL IN RUSSIAN-LANGUAGE INTERPRETATIONS BY L. OZEROV (AS BASED ON THE WORKS BY K. KHETAGUROV) Dzaparova E.B.	262
INTERRELATION OF THE SCIENTIFIC AND PUBLICISTIC DISCOURSE IN THE PUBLIC LECTURE GENRE (AS BASED ON A LECTURE ON THE FOREST IN RUSSIAN FOREST BY L.M. LEONOV) Zadorina A.O.	277
AGE-RELATED SEMANTIC AND STYLISTIC FUNCTIONS OF PRONOUN I-ONE IN THE SPEECH OF UPPER-CLASS ENGLISHMEN Tislenkova I.A., Glebova E.A., Bgantseva I.V.	292
RULES FOR AUTHORS	304

Подписано в печать 01.11.2019. Дата выхода в свет 05.11.2019. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22,37. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP111/019. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.